

**БУДДИЙСКИЕ
ПЕШЕРЫ**

КАРА- ТЕПЕ

**В СТАРОМ
ТЕРМЕЗЕ**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МАТЕРИАЛЫ
СОВМЕСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА КАРА-ТЕПЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Б. Я. Ставиского

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БУДДИЙСКИЕ ПЕЩЕРЫ КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ

1963—1964 гг.

*НАДПИСИ, ТЕРРАКОТЫ,
КАМЕННЫЕ РЕЛЬЕФЫ*

МОСКВА 1969

Сборник представляет собой публикацию находок экспедиции Государственного Эрмитажа и Музея искусства народов Востока на Кара-тепе в 1963—1964 гг.: надписей (бактрийских, среднеперсидских, индийских), терракот и каменных рельефов I—IV вв. н. э. Эти материалы, как и находки 1961—1962 гг., опубликованные в сборнике «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе (материалы совместной экспедиции на Кара-тепе)» (М., 1964), позволяют по-новому осветить важные, но пока слабо изученные вопросы истории культуры и искусства Кушанской империи в ее среднеазиатской части.

1-6-2

92-69

БУДДИЙСКИЕ ПЕЩЕРЫ КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РНЦО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Г. Михайлова*
Художник *Я. Г. Днепров*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Л. Л. Родичев и Г. В. Стругова*

Сдано в набор 6/I 1969 г.	Подписано к печати 24/VII 1969 г.	A-02414
Формат 60 × 90 ^{1/16} . Бум. № 1.	Печ. л. 11,5 + 3 п. л. вкл.	Уч.-изд. л. 15,45.
Тираж 2900 экз.	Изд. № 2077.	Зак. № 4. Цена 1 р. 09 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»,
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКТОРА

В 1964 г. вышел из печати сборник «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе» — первый выпуск материалов совместной археологической экспедиции Государственного ордена Ленина Эрмитажа и Государственного Музея искусства народов Востока. Сборник был тепло принят научной общественностью, что объясняется прежде и больше всего вполне естественным интересом к столь уникальному археологическому памятнику, каким является Кара-тепе — первый пещерный буддийский культовый центр, открытый на территории СССР и относящийся к тому же ко времени расцвета могущественного, но все еще загадочного для исследователей Кушанского царства, враждовавшего с Парфией и Ханьской державой и поддерживавшего контакты с Римской империей.

В первом кара-тепинском сборнике были опубликованы основные итоги работ экспедиции 1961—1962 гг. и наиболее сенсационные находки тех лет — индийские надписи на глиняных сосудах, а также сведения о начальном этапе изучения Кара-тепе, завершившемся раскопками 1937 г. На основании приводимых в сборнике материалов были сделаны и некоторые заключения о культуре и искусстве древней Средней Азии, ее связях с Индией и другими странами той эпохи.

Последующие раскопочные сезоны, 1963 и 1964 гг., привели к новым ценным открытиям и находкам. Настоящий сборник, по замыслу его авторов, как раз и призван ознакомить читателей с основными итогами работ этих лет на Кара-тепе и найденными при его раскопках новыми памятниками изобразительного и орнаментального искусства и новыми надписями, выполненными разными алфавитами на разных языках.

В соответствии с этими целями в сборник помимо отчета начальника экспедиции о раскопках 1963—1964 гг. включены статьи проф. Будапештского университета Яноша Харматты о бактрийских надписях из Кара-тепе, а также индийских надписях, ранее опубликованных Т. В. Грек (в первом кара-тепинском сборнике); В. А. Лившица о бактрийских и В. Г. Луконина о среднеперсидских надписях, а также статьи В. А. Мешкерис о терракотах Кара-тепе и Б. Я. Ставиского о фрагментах каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок 1961—1964 гг.

Издание настоящего сборника, равно как и первого выпуска материалов экспедиции, стало возможно лишь благодаря тому вниманию, которое проявили и проявляют к нашей экспедиции Дирекция Института восто-

ководения Академии наук СССР и руководство Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука»; благодаря неизменной поддержке, которую оказывают нашей экспедиции Отдел Востока Государственного ордена Ленина Эрмитажа и Государственный Музей искусства народов Востока, товарищи из Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР и Сурхан-дарьинского областного краеведческого музея, а также партийные, военные и советские организации г. Термеза; благодаря самоотверженному труду всех участников раскопок Кара-тепе — научных сотрудников, лаборантов, студентов, рабочих-землекопов. Всем им я как начальник экспедиции выражаю искреннюю и глубокую признательность. С особой благодарностью мне хочется отметить тяжелый и бескорыстный труд С. И. Фингарет, которая в сложных полевых условиях скопировала стенные росписи и выполнила прорисовки изображений и разноязычных надписей-граффити, а позднее подготовила их к изданию. И, наконец, я считаю своим приятным долгом поблагодарить коллег из научных учреждений Средней Азии, Института востоковедения и Института археологии Академии наук СССР и зарубежных ученых проф. А. К. Нарайна (Индия), проф. Д. Шлюмберже (Франция) за их ценные советы, сообщения и замечания. При подготовке сборника к печати авторы широко пользовались также консультациями и советами профессора Калифорнийского университета В. Б. Хеннинга. Как и все советские востоковеды, мы искренне скорбим о безвременной кончине этого выдающегося ученого, внесшего неоценимый вклад в развитие мировой иранистики, и в частности в изучение кушанской Бактрии.

Б. Ставиский

Б. Я. Ставиский

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК КАРА-ТЕПЕ В 1963—1964 гг.

В 1963 и 1964 гг. совместная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Государственного Музея искусства народов Востока продолжала свои работы в Старом Термезе. Как и ранее, работы экспедиции осуществлялись по договоренности с Институтом истории и археологии Академии наук Узбекской ССР¹. Раскопки велись на Кара-тепе, остатках древнейшего известного пока на территории нашей страны буддийского монастыря.

Холм Кара-тепе расположен в северо-западном углу городища Старого Термеза (рис. 1), существовавшего почти полтора тысячелетия: оно возникло не позднее III—II вв. до н. э. и было покинуто после разрушительного нашествия на Среднюю Азию орд Чингиз-хана в 1220 г.² В отличие от восточной (основной) части городища северо-западная часть никогда не была местом сплошной застройки и, скорее всего, представляла собой тихий пригород древнего Термеза. Монастырь же, остатки которого сохранились на холме Кара-тепе, возник, как показали раскопки предыдущих лет, не ранее конца I — начала II в. н. э., в период расцвета Кушанского царства, и был заброшен, вероятно, во время крушения этого могущественного государства³.

Работы прошлых лет ярко продемонстрировали большое

¹ В работах экспедиции 1963 г. принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа Б. Я. Ставиский (начальник экспедиции), С. И. Фингарет (художник), Р. М. Цыпина (консерватор-реставратор), сотрудник Музея искусства народов Востока А. П. Кусургашева (археолог), сотрудник Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР В. А. Лившиц (иранист) и студенты-практиканты Института живописи, архитектуры и скульптуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР Н. Б. Кузьмина и В. Б. Кузнецов. В работах 1964 г. — Б. Я. Ставиский, С. И. Фингарет, В. А. Лившиц, сотрудник Института народов Азии АН СССР О. Ф. Волкова (индолог), археолог Н. Н. Гаазе и лаборант Г. Г. Альтшуллер.

² См. М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, — ТАКЭ, Ташкент, 1940—1941, т. I («Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2), стр. 86—102.

³ Кара-тепе, стр. 46—47.

научное значение Кара-тепе как уникального археологического памятника, изучение которого может пролить новый свет на многие важные историко-культурные вопросы⁴. Что касается раскопок 1963—1964 гг., то они не только уточнили детали планировки пещерных и наземных построек, но позволили судить об общем характере планировки и устройства южной части огромного кара-тепинского монастыря и привели к открытию новых разноязычных надписей и к новым находкам памятников искусства.

1. Раскопанные сооружения

Раскопки 1937, 1961 и 1962 гг. показали, что монастырь на Кара-тепе был крупным сооружением, включавшим различные постройки: как пещерные, высеченные в толще естественного песчаника, из которого состоит огромный холм Кара-тепе, так и наземные, расположенные на склонах холма и связанные с пещерными. В 1962 г. стали ясны планировочные особенности одного из монастырских комплексов (комплекс А), который состоял из пещерных помещений, получивших условное обозначение П-I, и примыкавшего к ним большого двора с наземным святилищем⁵.

В 1963—1964 гг. помимо продолжения исследования комплекса А в более широком масштабе велись раскопки второй группы пещерных помещений (П-II), входивших в следующий монастырский комплекс — Б (рис. 2). Кроме того, в 1964 г. были открыты еще две группы пещерных помещений (П-IV и П-V), расположенных севернее найденного в 1962 г. пещерного сооружения П-III (рис. 3)⁶.

а) Первая группа монастырских построек (комплекс А)

В 1963—1964 гг. раскопочные работы на территории комплекса А велись лишь в западной части двора и на участке к северу от него, куда вела лестница, открытая еще в весенний полевой сезон 1962 г.

Во дворе раскоп (шириной около 3 м) был заложен вдоль его западной стены, которая одновременно являлась внешней восточной стеной пещерных помещений П-I. В результате были соединены ранее изолированные раскопы прошлых лет в южной и северной частях комплекса А.

⁴ Там же, стр. 47—61.

⁵ Там же, рис. 7, стр. 9—17.

⁶ В 1963 г. энтузиасты-пограничники открыли доступ в еще одно пещерное помещение, лежащее в отличие от всех остальных известных сейчас монастырских построек не на южной вершине холма Кара-тепе, а в северной его части, близ северной крепостной стены Старого Термеза.

Раскоп 1963—1964 гг. подтвердил сделанные ранее стратиграфические наблюдения за напластованиями, заполняющими древний двор комплекса. Под слоем надувного песка с включением кусков песчаника (от разрушавшейся верхней части западной стены двора) была выявлена четкая поверхность вторичного пола, покато опускавшаяся от стены к центру двора: у стены она поднималась выше первоначального горизонтального пола на 60—70 см, у восточного же края раскопа разница между уровнями обоих полов составляла всего лишь 5—10 см. Слой, залегающий между первоначальным и вторичным полами, состоял из плотно слежавшихся кусков песчаника, редких обломков кирпича-сырца, лёсса и песка.

Западная стена двора, целиком высеченная в песчаниковой породе холма, была покрыта несколькими слоями глиняной штукатурки. Самый нижний слой штукатурки имел зеленоватую поверхность, остальные же были покрыты сплошной красной раскраской, нанесенной по тонкой ганчевой (гипсовой) подгрунтовке. Следы раскраски и остатки глиняных обмазок прослеживались лишь ниже уровня вторичного пола, что еще раз подтверждает вывод об изменении общего облика и характера двора комплекса А во второй период жизни: в это время ранее обрамлявшие двор айваны с деревянными колоннами уже не существовали, а стены утратили свою раскраску.

Во время работ 1963—1964 гг. в западной стене двора, в 3,5 м от северного среза южной входной ниши, ведущей внутрь пещерных помещений, неожиданно был обнаружен еще один проход (шириной 0,8 м) в эти помещения. Проход был пробит в песчаниковой стене во второй период жизни, вероятно, взамен заложенного южного входа. Конструктивный пол нового прохода со двора в восточный коридор пещерных помещений П-I располагался на высоте полуметра над уровнем первоначального пола двора. По конструктивному полу шла вымостка из одного ряда квадратных сырцовых кирпичей (размером $34 \times 34 \times 11-12$ см). Вымостку перекрывали натеки, сливающиеся с натеками покато́й поверхности вторичного пола двора. На натечной поверхности прохода, как и на вторичном полу двора, найдены обломки керамики и мелкие куски мергелистого известняка, а в 25 см выше обнаружены следы некогда разводимого здесь костра.

Данные, полученные в ходе раскопок 1963—1964 гг., заставляют пересмотреть наши взгляды на историю пещерных помещений комплекса А после того, как рухнуло перекрытие южного коридора и были сооружены сырцовая стенка-перегородка в южной части восточного коридора и закладка южного входа со двора в пещерные помещения. Раньше казалось, что после изоляции южной части пещерных помеще-

ний северный, западный и восточный пещерные коридоры, равно как и пещерное помещение в северо-западном углу комплекса, были лишь временным, наспех оборудованным убежищем для какой-то группы людей. Теперь же, после того как выяснилось, что здесь не только были сложены сырцовая клеть и очаг (в северном пещерном коридоре)⁷, но и прорублен в толще внешней песчаниковой стены новый аккуратный вход, дополнивший северный, мы вправе говорить о своеобразной реконструкции пещерных помещений. Последнее же обстоятельство заставляет предполагать, что во второй период жизни не только продолжали функционировать восточный, северный и западный пещерные коридоры и северо-западное пещерное помещение, но и центральное пещерное святилище, аналогичное центральному помещению П-II. Вход же в это еще не найденное святилище следует, видимо, искать не в южном, как казалось ранее⁸, а в восточном пещерном коридоре.

Интересные результаты были получены на раскопе к северу от двора комплекса А, на участке, куда вела лестница, открытая в 1962 г. Во время раскопок этой тщательно высеченной в песчанике и обложенной жжеными плитками лестницы мне казалось, что она соединяет двор и пещерные помещения П-I со второй группой пещерных сооружений (П-II)⁹. Работы 1963—1964 гг. опровергли это предположение: стало ясно, что лестница вела не в пещерные помещения П-II, а в довольно большую комнату, лежащую на высокой площадке между комплексами А и Б и отделенную от последнего глухой стеной. Это помещение, прямоугольное в плане (размером 3,8×3,5 м), имело несколько полов, поверхности которых, равно как и поверхности стен, были покрыты белой ганчевой (гипсовой) обмазкой¹⁰. В западной стене помещения выявлен (еще не раскопанный) проход (шириной 0,9 м), ведущий вверх, на южную вершину холма Кара-тепе. Не исключена вероятность, что этот вход, проходная «белая комната» и лестница, ведущая из нее в северо-западную часть двора, служили основной коммуникацией, связывающей первый замкнутый комплекс кара-тепинского монастыря с внешним миром.

б) Вторая группа монастырских построек (комплекс Б)

В 1963—1964 гг. были расчищены значительная часть пещерных помещений П-II комплекса Б, оба (северный и юж-

⁷ См. Кара-тепе, стр. 92—93.

⁸ См. там же, стр. 115 и 91.

⁹ См. там же, стр. 17 и рис. 7.

¹⁰ Юго-западный угол этого помещения, ныне разрушенный, был, очевидно, затронут раскопками 1937 г. См. Кара-тепе, стр. 90.

ный) выхода из пещерных помещений наружу и участки двора, примыкавшие к этим выходам.

Северный пещерный коридор очищен от надувного песка и глинистых натеков на участке от выхода наружу до входа, ведущего в центральное пещерное помещение; только у самого выхода наружу оставлен столб невынутого заполнения, который поддерживает грозящий обвалом песчаниковый потолок.

Северный арочный выход наружу (шириной 1,1 м) оформлен тремя ступенями: первая из них (со стороны пещерных помещений) имела высоту 20 см при ширине 34 см, вторая и третья — высоту примерно 20 см и ширину 35 см. Поверх первой ступени были уложены плоские плитки из мергелистого известняка, поверх второй — жженные глиняные плитки; вымостка третьей не сохранилась. Плитки были покрыты ганчевой (гипсовой) обмазкой. Слева и справа от прохода в восточной торцовой стене северного пещерного коридора располагалось по арочной нише глубиной 45 см, шириной 55 см (северная) и 45 см (южная) и высотой (до верхушки арки) 50 см (северная) и 45 см (южная). Пол, стенки и арочный потолок ниш были обмазаны ганчем.

Пол северного пещерного коридора покрывали три слоя глиняной обмазки, нижний из которых лежал на 4 см выше конструктивной песчаниковой поверхности, второй — на 3 см выше первого, третий — на 7 см выше второго. Судя по сохранившимся остаткам росписи на щеке западного пилястра арки, оформлявшей проход из северного в восточный пещерный коридор, стены северо-восточной части пещерных помещений П-II первоначально было намечено украсить росписями растительного характера¹¹. Однако уже вскоре после возведения первого пола стены северного коридора были покрыты вторым слоем ганчевой штукатурки (соединившейся с обмазкой первоначального пола) и монохромной красной росписью геометрического характера: сетчатое поле с четырехлепестковыми розетками и по верху его бордюр, образованный рядом равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх¹². Как показали работы 1963—1964 гг., эти росписи украшали лишь северо-восточный угол пещерных помещений П-II, не заходя на пилястры арок северного и восточного коридоров.

В таком виде северо-восточный угол пещерных помещений П-II просуществовал какое-то время, после чего здесь был сооружен второй пол, а стены покрыты новой штукатуркой с третьим слоем росписи. Эта роспись отличалась от предыдущей лишь тем, что некоторые треугольники бордюра и

¹¹ См. там же, стр. 27 и рис. 21 (слева, сверху).

¹² См. там же, стр. 28.

половина четырехлепестковых розеток основного поля были выкрашены не в красный, а в черный цвет. Росписи третьего слоя вопреки ранее высказанному мною мнению¹³ покрывали не всю нижнюю часть стены, а тянулись по ее белой поверхности красочной орнаментальной полосой (шириной 0,5 м) на высоте 1,3 м от уровня пола.

Более существенные изменения северо-восточная часть пещерных помещений П-II претерпела тогда, когда здесь был сооружен третий (верхний) пол. В то время, как показали раскопки 1963—1964 гг., под аркой, ведущей из северного в восточный пещерный коридор, была сооружена стенка, ныне сохранившаяся на высоту 0,9 м, но ранее, судя по отпечатку на щеке западного пилястра арки, тянувшаяся гораздо выше, скорее всего, до самого потолка. Стенка была сложена из кирпича-сырца (размером $32 \times 32 \times 10$ —12 см) и имела толщину 35 см, т. е. всего лишь в один кирпич. Северную ее поверхность покрывала та же белая ганчевая обмазка, которая на основных стенах северо-восточной части пещерных помещений П-II служила последней (четвертой) штукатуркой; эта обмазка соединялась с поверхностью верхнего (третьего) пола северного пещерного коридора. В этот же период какая-то стенка или перегородка была сооружена и в арке северного коридора: ее остатки, сохранившиеся лишь на один-два кирпича, удалось обнаружить возле северного пилястра арки. Сложена она из сырца того же размера, что и стена в восточном коридоре ($32 \times 32 \times 10$ —12 см), но плохая сохранность не позволяет судить о том, какова была ее высота, покрывала ли ее штукатурка и, что самое важное, доходила ли она до южного пилястра (т. е. отгораживала ли она северо-восточную часть пещерных помещений от остальной их части). К тому же или несколько более позднему времени, что вероятнее, относится сырцовая закладка северного выхода из пещерных помещений комплекса Б наружу. Эта закладка была сооружена из кирпича-сырца того же размера ($32 \times 32 \times 10$ —12 см) и возведена на поверхность второй ступеньки входного проема и поверх примерно двадцатисантиметрового слоя глины и песка, насыпанных на первую ступеньку. На поверхности всех полов и в натечном слое над третьим (последним) из них как в северо-восточном углу пещерных помещений П-II, так и в северном пещерном коридоре у входа в центральное помещение были найдены многочисленные фрагменты керамики (в том числе черепок с остатками двуязычной надписи) и куски каменных барельефов; последние в основном найдены в северо-восточной части пещерных помещений.

¹³ См. там же, стр. 27—28. Характер росписи см. на рис 21 (в центре и слева, внизу).

На северной и южной стенах северного пещерного коридора в северо-восточной части пещерных помещений П-II за время проводимых здесь раскопок открыто большое число надписей-граффити, прочерченных по последнему слою белой штукатурки. Ниже мы еще специально остановимся на этих надписях. Пока же отметим, что здесь в отличие от остальных частей пещерных помещений не найдено ни одной арабской надписи; по-видимому, либо этот угол помещений П-II был действительно изолирован сырцовыми перегородками, о которых упоминалось выше, либо он был завален кусками рухнувшего перекрытия и заполнен надувным песком и лёссовыми натеками еще до эпохи арабских завоеваний. В любом случае эта часть пещерных помещений комплекса Б не только прекратила свое существование, но и оказалась, вероятно, недоступной для посетителей уже в канун арабского нашествия VII в. н. э., в то время как центральное пещерное помещение комплекса Б и западная часть северного пещерного коридора посещались какими-то людьми еще в XI—XII вв. О последнем помимо открытых на стенах этих помещений арабских надписей свидетельствуют также находки в заполнении северного коридора отдельных фрагментов поливной посуды, относящейся ко времени, предшествующему монгольскому разгрому начала XIII в. (Упомянутое заполнение состояло из чередующихся слоев надувного песка и глинистых натеков и включало отдельные куски песчаника от рухнувших участков сводчатого потолка, обломки сырцовых кирпичей, а также жженные плитки и фрагменты керамики, занесенные сюда, вероятно, все теми же случайными посетителями).

Восточный пещерный коридор раскопан на всем его протяжении до уровня 0,8—1,0 м выше первоначального пола. Его заполнение было аналогично заполнению северного коридора, равно как и сделанные здесь находки, среди которых следует отметить одиночные обломки поливной посуды и целый глиняный светильник. На западной стене этого коридора (поверхность восточной стены повреждена рухнувшей восточной частью сводчатого потолка), покрытой белой ганчевой штукатуркой без малейших следов росписи, расчищены многочисленные, в первую очередь арабские, надписи-граффити и прочерченные по штукатурке контурные рисунки.

В южной части пещерных помещений П-II работы велись в основном в восточном конце южного коридора, где был найден также заложенный сырцовыми кладками (размер кирпича-сырца — 32×32×12 см) южный выход во двор комплекса Б (перекрытие и верхняя часть входного проема не сохранились). В отличие от северо-восточного угла пещерных помещений здесь раскоп до пола углубить еще не удалось. В результате работ 1963—1964 гг. было установлено, что пе-

реход от южного к восточному пещерному коридору древние строители также украсили аркой, но опирающейся не на пилястры, а на нишевидный вырез в северной стене южного коридора. Выход наружу, шириной до 1,5 м, находился, как и в северном коридоре, примерно посередине восточной стены. Левее (севернее) его помещалась небольшая ниша (верх ее не сохранился). На стенах южного коридора, покрытых белой ганчевой штукатуркой (без росписей), открыто, как и в северном и восточном коридорах, много надписей-граффити, количество которых заметно убывает к западу от прохода в восточный коридор. Наряду с надписями здесь, как и в восточном, а в меньшей степени и северном коридорах, сохранилось также немало рисунков-граффити, среди которых чаще всего встречается изображение пятерни — ладони левой руки с растопыренными пальцами.

В 1963 г. раскоп впервые помимо пещерных помещений П-II затронул и наружную наземную часть комплекса Б на участке, примыкающем к южному входу в пещерные помещения. В 1964 г. к этому «южному» раскопу двора комплекса Б прибавился «северный» раскоп на участке, примыкающем к северному входу. В обоих случаях выяснилось, что входные проемы, ведущие со двора в пещерные помещения, находились в глубине больших ниш, которые в древности завершались арками. Иными словами, устройство входов в пещерные помещения в комплексе Б (как и в комплексе А) на Кара-тепе в основных своих чертах напоминало фасад известной пещеры Ломас Риши в Барабаре (Бихар), где входной проем также помещен в глубине арочной ниши¹⁴. На стенах входных ниш местами сохранились участки, покрытые ганчевой штукатуркой со сплошной красной окраской. От северной входной ниши к южной тянется западная стена двора комплекса Б, сразу же к северу от северной ниши начинается северная, а к югу от южной ниши — южная.

В южной части двора раскоп доведен до уровня примерно 1,2—1,5 м выше поверхности пола. Заполнение здесь состоит из плотно слежавшихся массивов лёсса, песка, песчаника и, возможно, разложившихся сырцовых кирпичей. Особенно плотный характер заполнения имеет вдоль южной песчаниковой стены двора; возможно, что здесь мы наткнулись на верхнюю часть какой-то подпорной стены. В слое завала в южной входной нише, примерно в 2 м выше уровня пола, найдены половина декоративного пилястра и часть профилированной

¹⁴ См., например, S. K. Saraswati, Architecture, — в кн.: «The History and Culture of the Indian People», vol. II. «The Age of Imperial Unity», Bombay, 1953, стр. 495—498, pl. VII, fig. 13. Следует, однако, иметь в виду и ряд существенных различий в оформлении входов в Ломас Риши и на Кара-тепе, в частности форму собственно входного проема (прямоугольная в Ломас Риши и арочная на Кара-тепе).

базы; как пилястр, так и база изготовлены из мергелистого известняка.

В северо-западном углу двора раскоп до высеченного в песчанике и покрытого глиняной обмазкой и слоями натеков пола. При этом на северной стене входной ниши зачищена большая надпись «кушанским письмом», а в северной стене двора — замурованный вход в какое-то пещерное помещение. По аналогии с комплексом А мы вправе предполагать, что здесь помещалась небольшая жилая комната — келья монаха, обслуживавшего культовые пещерные помещения П-II.

Входной проем, ведущий в эту комнату, сверху разрушен. Нижняя часть входа была заложена двумя рядами сырцовых кладок на высоту примерно 1 м от уровня пола (раскоп здесь углублен примерно до 0,5 м выше пола). В закладку оказались вкраплены пять подтреугольных в плане блоков из мергелистого известняка. Лицевая сторона у четырех из них — гладкая, а у пятого — украшена резным раскрашенным изображением капители пилястра (рис. 38). С обеих же боковых сторон все каменные блоки сохранили остатки скрепляющего раствора, состоящего из ганча (гипса) с замешанной в него галькой.

За рядами замуровки проход в пещерную келью оказался сплошь заполненным массивом песка. В 1964 г. мы успели лишь приступить к выносу этого песчаного массива, и о том, что ждет нас в засыпанной и замурованной комнате, впредь до завершения здесь раскопок остается только гадать.

в) Вновь открытые группы пещерных помещений П-IV и П-V

Помимо систематических раскопок комплексов А и Б в 1964 г. были продолжены также поиски новых групп пещерных помещений. Для этого на восточном склоне южной вершины холма Кара-тепе к северу от открытого ранее пещерного сооружения П-III был заложен новый раскоп. Этот раскоп был начат на месте незначительной западины, которая отмечала провал внутрь скрытых в толще холма пещерных помещений. Картина, которую нам пришлось здесь наблюдать, была совершенно аналогична той, с которой мы столкнулись в начале раскопок П-III в 1962 г. и которую в 1937 г. видела Е. Г. Пчелина, пробивавшая доступ в пещерные группы П-I и П-II¹⁵. Под тонким дерновым слоем в толще естественного песчаника выявилась уходящая вниз воронка, заполненная надувным песком и натечной глиной с включением кусков песчаника и изредка попадающимися фрагмен-

¹⁵ Кара-тепе, стр. 20—21, 91, 94.

тами разнообразной керамики, в том числе красноангобированной (с полосчатым и сетчатым лощением) и поливной.

Воронка привела нас в сводчатый пещерный коридор (шириной 2,7 м), идущий с севера на юг и заканчивающийся в 8,5 м от воронки двумя нишевидными расширениями. Восточное имеет глубину 2,65 м и ширину 2,1 м, западное — глубину 1,4 м и ширину 2,45 м. В западном нишевидном углублении, в его северной и южной стенах, высечены две арочные нишки: северная — высотой 0,5 м, шириной 0,6 м и глубиной 0,3 м; южная — высотой 0,6 м, шириной 0,63 м и глубиной 0,42 м. Стены и сводчатый потолок пещерного коридора П-IV покрывает коричневая раскраска, нанесенная поверх ганчевой подгрунтовки. Коридор, когда нам удалось пролезть в него через щель в южной стене раскопа воронки, был засыпан песком, покато спускающимся к югу, так что в южном конце коридора можно было стоять в полный рост. В слое этого песка то здесь, то там были видны кости людей и животных, а в южной нишке западного расширения лежал человеческий череп. На потолке и стенах коридора местами сохранились арабские надписи, свидетельствующие о том, что вход сюда был открыт в течение многих веков после гибели монастыря и что открытые нами останки относятся ко времени не ранее XII — начала XIII в.

Еще при выбросе песка, закрывавшего доступ из раскопа воронки в пещерный коридор П-IV, мы обнаружили, что восточная стена коридора возле воронки осела, и уже тогда сквозь трещины при свете фонаря можно было видеть, что за ней находятся также полужасыпанные надувным песком пещерные помещения соседней группы сооружений — П-V. После того как мы отвалили часть осевшей восточной песчанниковой стены коридора П-IV, нам удалось проникнуть в южную часть этой новой группы пещерных помещений (ее северная входная часть доверху засыпана песчаным завалом).

План этой группы пещерных помещений в основных чертах был, вероятно, сходен с планом пещерных частей комплексов А и Б. Как и они, группа П-V включала, по всей видимости, четыре пещерных коридора, окружавших центральное помещение, вход в которое следует искать в ныне скрытом под песчаным завалом северном коридоре.

Западный и восточный пещерные коридоры П-V в южной своей части (западный — на 5 м, восточный — на 9,5 м) и южный коридор на всем его протяжении (около 12,75 м) оказались доступны для осмотра уже сейчас. Все они имеют сводчатые потолки, на которых, равно как и на стенах, местами сохранились участки с черной раскраской (возможно, это копоть) по белой ганчевой штукатурке. На штукатурке видны арабские надписи и реже рисунки-граффити, от-

носящиеся, очевидно, как и надписи, к XI—XII вв. Все три пещерных коридора нешироки: западный в ширину достигает всего 2,3 м; восточный — 2,4 м и южный — 2,5 м (замеры приблизительны, так как произведены не на уровне пола, а по верху надутого сюда с севера песка, лежащего неровным слоем толщиной, вероятно, от полуметра до полутора метров). В юго-восточном углу П-V располагаются два нешивидных углубления — каморки, как бы продолжающие южный и восточный коридоры и оформленные небольшими (от 25 до 50 см шириной) выступами-пилястрами. Ширина южной каморки — 2,45 м, длина — 2,55 м. Ширина восточной — 2,2 м, длина — 2,3 м. В северной стене последней помещена арочная нишка высотой 50 см, шириной 60 см и глубиной 45 см.

II. Отдельные находки

Во время раскопок 1963—1964 гг., как и в предыдущие полевые раскопочные сезоны, было найдено довольно значительное число различных предметов. Таковы прежде всего фрагментированные в большинстве своем глиняные сосуды и терракоты, каменные рельефы и архитектурные детали. Помимо них в ходе работ 1963—1964 гг. были открыты также процарапанные по ганчевой (гипсовой) штукатурке изображения и надписи-граффити.

а) К е р а м и к а

Керамические находки 1963—1964 гг. — это разнообразные глиняные сосуды, дошедшие до нас, как правило, в обломках, и единичные глиняные фигурки или налепы, служившие украшением сосудов или, реже, употреблявшиеся самостоятельно. Фрагменты глиняной посуды — а они составляют основную массу находок — по большей части идентичны найденным на Кара-тепе в предшествующие полевые раскопочные сезоны¹⁶.

При раскопках 1963—1964 гг., как и ранее, были встречены обломки средневековых глиняных сосудов XI — начала XIII в., в частности поливных блюд. К этой группе находок относится, вероятно, и целый глиняный светильник, подобранный при выносе надутного песка из восточного пещерного коридора П-II примерно в 1—1,25 м выше уровня пола. В эту же группу находок следует включить также фрагменты стеклянных сосудов, встреченные в верхних слоях пес-

¹⁶ См. там же, стр. 38—42, 97—98 и рис. 30—38. Сводная работа по глиняной посуде Кара-тепе еще не завершена. Результаты изучения терракот, найденных в 1937 г. (ср. там же, стр. 90 и рис. 40), см. ниже, стр. 126—138.

чаных заполнений восточного и южного пещерных коридоров П-II и в поверхностном слое двора комплекса Б.

Среди основной массы керамических находок 1963—1964 гг., относящихся ко времени регулярной жизни кара-тепинского монастыря, по технике обработки поверхности четко выделяются три группы глиняной посуды: а) керамика с ангобом, варьирующим от разных оттенков красного до черного цветов, и лощением — полосчатым, сетчатым или криволинейным; б) сосуды с темно-красной (малиновой) полосой по верху; в) сосуды со штампованным орнаментом. Все они изготовлены на гончарном круге и хорошо обожжены. Что касается форм сосудов, то, как и ранее, чаще всего это открытые светильники в виде плошки с небольшим вмятым носиком, миски, чаши, тарелки, кувшины.

Особо следует отметить обломок стенки красноангобированного закрытого сосуда с орнаментом, нанесенным двумя мелкими штампами (рис. 7б). Оба эти штампа имели овальную форму, на одном помещено изображение ветки с пятью симметрично расположенными слева и справа от нее отростками, на втором — знак с четырьмя вертикальными черточками (в верхней части) и двумя горизонтальными полосками (внизу); в одной из таких полосок размещены в ряд три кружка, во второй — один кружок. Такие оттиски на Каратепе встречены впервые, и эта находка, таким образом, расширяет набор представленных здесь образцов штампованных орнаментов. Нелишне, видимо, отметить, что в отличие от штампов на керамике, найденной в 1961—1962 гг., оттиски на рассматриваемом нами фрагменте не были ранее засвидетельствованы (судя по изданным материалам) и в сборах Термезской археологической комплексной экспедиции 1936—1938 гг.¹⁷ Все это наводит на мысль, что тщательное сравнительное изучение всех образцов штампованного орнамента из района Термеза может привести не только к составлению сводки излюбленных здесь в кушанский период узоров, но и к выявлению отдельных керамических мастерских. Думается, что интересные результаты даст и более широкое сопоставление оттисков на керамике кушанского периода, т. е. сравнение штампов, применяемых в то время в разных районах Бактрии (Тохаристана)¹⁸.

¹⁷ См.: В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, — ТАКЭ, Ташкент, 1945, т. II («Труды АН УзССР»), стр. 125—126, рис. 27—28; М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, — там же, стр. 40—41 и табл. IX на стр. 64.

¹⁸ Образцы керамики, украшенной оттисками мелких штампов, часто публикуются в отчетах о раскопках памятников кушанского периода в Северной Бактрии (т. е. на юге Узбекской ССР и Таджикской ССР); образцы керамики такого типа опубликованы также в работах французских исследователей в Афганистане. См., например: Л. И. Альбаум, Балалытепе, Ташкент, 1960, стр. 16 и рис. 4 на стр. 17 (ср. стр. 44); его же,

Более уникальны находки фрагментов керамики с рельефными изображениями. К ним относятся часть сосуда с носиком, украшенным налепной головкой, часть крышки с фигурой птицы и вертикальная ручка, по-видимому, небольшого сосуда, увенчанная изображением какого-то животного.

Налеп, украшавший светлоангобированный сосуд с носиком, был прикреплен к нижней части носика близ его основания. На нем (рис. 8в) при помощи штампа оттиснута головка безбородого человека, переданная почти в трехчетвертном повороте вправо. Сбоку и сверху изображение смазано, но черты лица видны отчетливо. Так, хорошо сохранился небольшой широкий нос, рот с резко очерченными губами, глаза с переданным выпуклым кружком глазным яблоком, морщины над переносьем. Остается лишь пожалеть, что фрагмент сосуда с этим налепом найден в песчаном заполнении восточного пещерного коридора комплекса Б, т. е. в таких условиях, которые не позволяют датировать его стратиграфически.

Рельефное изображение птицы с полураспахнутыми крыльями, распушенным хвостом и повернутой вправо головой (рис. 8б) украшало коническую крышку, покрытую (как и изображение) красным ангобом плохого качества (в значительной своей части ангобное покрытие не сохранилось). Туловище, крылья, хвост и хохолок птицы были покрыты сетчатым узором. Правый глаз изображен в виде налепного кружка. Условия находки этого интересного фрагмента также не позволяют отнести его к какому-либо определенному периоду жизни на Кара-тепе; этот фрагмент крышки был

Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников. — «Труды ИИА АН УзССР», Ташкент, 1955, вып. 7, стр. 121 и рис. 6—7 на стр. 122—123; В. Д. Жуков, Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе, — ИМКУ, 1961, вып. 2, рис. 7 на стр. 188; М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобаднан), — МИА, М.—Л., 1953, № 37, стр. 287 и табл. XII (ср. стр. 283—284); А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., — МИА, М.—Л., 1958, № 66, стр. 302—303 и рис. 11 на стр. 303; Т. И. Зеймаль, Античное поселение в урочище Халкаджар, — «Труды ИИ АН ТаджССР», 1961, т. XXVII, стр. 163; Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль, Раскопки и разведки в южном Таджикистане в 1961 г., — «Труды ИИ АН ТаджССР», 1964, т. XLII, рис. 5 на стр. 91; J.-G. Gardin, Céramiques de Bactres, — MDAFA, Paris, 1957, t. XV, стр. 20, 21—26; pl. XIII, 2. Керамика со штампованным орнаментом такого же типа встречена в кушанских слоях и вне пределов Бактрии, например в Беграме и в районе к западу от современной Бухары. См.: R. Ghirshman, Bégram, — MDAFA, Cairo, 1946, t. XII, стр. 56. pl. XLIV, № 105—106, 110—112; В. А. Шишкин, Археологическая разведка на Баш-тепе, — «Труды ИИА АН УзССР», Ташкент, 1956, вып. VIII, рис. 3 и 4 на стр. 168—169; его же, Варахша, М., 1963, рис. 68 на стр. 558 и рис. 70 на стр. 141; его же, Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940, стр. 17.

найден в завале у западной стены двора комплекса А (близ вторичного прохода в пещерные помещения).

Столь же неопределенно датируется третья находка такого рода — ручка сосуда, украшенная изображением головы и гребня(?) какого-то животного (рис. 7а); она найдена в песчаном заполнении южного пещерного коридора комплекса Б, в 1—1,5 м выше уровня пола.

К рассматриваемой группе находок относится и глиняная пластина (рис. 8а), подобранная в 1963 г. на основной части городища Старого Термеза, возле так называемой кала, пограничником В. Т. Красилевым. Сверху и снизу пластина обломана, голова и ноги оттиснутей на ее лицевой стороне фигуры не сохранились. Изображение, нанесенное на пластину крупным штампом, представляло, вероятно, богиню, державшую в согнутой в локте правой руке сосуд (или цветок), а левой поддерживавшую складчатое платье. На верху сохранившейся части изображения хорошо видны также края наброшенной на плечи накидки. На поверхности пластины сохранились остатки красного ангоба. Задняя плоская сторона пластины не обработана.

б) Детали каменной облицовки с «бетоном»

Отдельную и притом довольно многочисленную группу находок из раскопок Кара-тепе 1963—1964 гг. составляют фрагменты каменных рельефов и архитектурных каменных деталей. Этой группе посвящена публикуемая ниже (стр. 139—173) специальная статья. Поэтому здесь я позволю себе остановиться лишь на одном вопросе, встающем в связи с находкой в замуровке входа в пещерную келью в северо-западном углу комплекса Б пяти небольших каменных блоков. Все они высечены из мергелистого известняка и имеют подтреугольную в плане форму. Каждый из них в ширину равен примерно 25 см, в высоту — 15 см и в глубину — 22 см. Лицевая сторона четырех блоков гладкая, хорошо обработанная; у пятого на лицевой стороне помещено рельефное раскрашенное изображение капители (рис. 38). Боковые же стороны всех блоков грубо оббиты и имеют неровную поверхность. Более того, эти боковые поверхности блоков оказались обмазанными какой-то беловатой массой.

Несомненно, что эти подтреугольные в плане блоки были частями каменной кладки (вернее, облицовки) какой-то постройки, скорее всего, платформы или основания буддийской ступы, а беловатая масса — затвердевшим связующим раствором. Подробнее об облицовочных блоках, в особенности о блоке с рельефным изображением капители, и о конструкции, к которой они могли относиться, речь пойдет ниже.

Здесь же я хочу обратить внимание на подтреугольную форму этих блоков и на тот своеобразный связующий материал, который был применен для их скрепления. Этот связующий материал сохранился не только на боковых стенках облицовочных блоков, но и в виде отдельных бесформенных кусков и кусочков, примененных наряду с блоками в сырцовый кладке, которая закрывала доступ в пещерную келью комплекса Б. При более пристальном рассмотрении этого связующего материала стало ясно, что перед нами застывший раствор ганча (гипса) с замешанными в него галькой и небольшими камешками — иными словами, одна из разновидностей того замечательного связующего материала, который часто называют древним бетоном.

Употребление такого «бетона» в археологических памятниках древней Средней Азии еще ни разу не было засвидетельствовано. Да и на Кара-тепе он, очевидно, применялся отнюдь не часто; во всяком случае, и наземная постройка — святилище во дворе комплекса А, и стены, окружающие этот двор, и помещение на площадке в северо-западном углу двора были возведены, как мы уже видели, из обычных для Бактрии (и всей древней Средней Азии вообще) строительных материалов — крупного квадратного сырцового кирпича на глиняном растворе. Чуждый же древним местным строительным традициям прием кладки из небольших подтреугольных каменных блоков с использованием в качестве связующего раствора своеобразной разновидности бетона явно ведет нас в мир античного Средиземноморья, где в зодчестве императорского Рима после введения в строительство (во времена Клавдия) треугольных кирпичей действительно нашел себе массовое применение интересующий нас строительный прием¹⁹.

в) Рисунки-графити

В связи с расчисткой больших участков пещерных коридоров комплекса Б, причем в той их части, которая находится близ выходов наружу, в 1963—1964 гг. было открыто довольно много разнообразных изображений, процарапанных по последнему слою ганчевой штукатурки стен. Как уже от-

¹⁹ См. А. С. Кауфман, Архитектура древнего Рима, — в кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1958, стр. 221 и 224. Ср. О. Шуази, Строительное искусство древних римлян, М., 1938, стр. 15—28; его же, История архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 435—437. Следует отметить, что О. Шуази, признавая близость римского материала к бетону, предпочитает называть эту кладку «литой» или «монолитной», хотя ее отличие от собственно бетона он видит лишь в том, что последний представлял собой заранее замешенную смесь раствора и щебня; римляне же обычно, по мнению О. Шуази, засыпали в кладку щебень и раствор по отдельности.

мечалось²⁰, такие рисунки-граффити датируются, очевидно, временем угасания древнего монастыря; они, как и надписи, нанесены на стены пещерных помещений паломниками и случайными посетителями вплоть до XII—XIII вв., когда доступ сюда был закрыт летучими песками.

Рисунки-граффити прослеживаются практически на всех сохранившихся штукатурку участках стен восточного пещерного коридора комплекса Б и восточных частей его северного и южного пещерных коридоров (см. рис. 4). Уже у самого входа в южный пещерный коридор, в южном углу, на восточной стене, видны остатки какого-то неясного изображения (возможно, головы) с двумя черепами. Лучше сохранились изображения хищника, терзающего козла (30×40 см; рис. 5а), на южном конце западной стены восточного коридора и отдельно стоящей лошади (высота 18 см; рис. 5д) на той же стене, но ближе к середине коридора; оба изображения отмечены еще Е. Г. Пчелиной²¹. На той же западной стене восточного пещерного коридора, в северной его части, виден рисунок, изображавший, вероятно, два цветка с переплетающимися стебельками (высота 22 см; рис. 5г). Более схематичное изображение цветка (высота 22 см; рис. 5в) сохранилось на южной стене южного пещерного коридора (в 5,5 м от выхода из этого коридора наружу). Все эти отдельные рисунки-граффити, равно как и многочисленные совершенно примитивные изображения человеческих голов, располагаются рядом как с «кушанскими», среднеперсидскими и индийскими надписями, так и со средневековыми арабскими, вследствие чего их датировка (пока что, во всяком случае) остается неясной.

Исключением в этом отношении следует, видимо, признать погрудное изображение мужчины (высота 31 см; рис. 5б), открытое на северной стене южного пещерного коридора, неподалеку от арки, ведущей в восточный коридор.

Этот рисунок-граффити, выполненный, безусловно, умелым рисовальщиком, представляет собой образец изобразительного искусства вполне определенного круга. Овальная, слегка вытянутая голова мужчины передана в профиль, в то время как корпус его дается в трехчетвертном повороте. Ниже четко очерченного носа хорошо видны аккуратные усы. Бритый подбородок слегка выдается вперед. Над удлинением глазом с отмеченным яблоком и зрачком прочерчена прямая бровь. В ухе видна шаровидная (?) серьга. Поверх волос надет, видимо, гладкий головной убор (или повязка) с лентой (?). На плечах хорошо видна рубаха с круглым очерченным двумя линиями воротом.

²⁰ См. Кара-тепе, стр. 32—33.

²¹ См. там же, стр. 95.

Этот несомненно интересный в художественном отношении рисунок-граффити из Кара-тепе живо напоминает мужские погрудные изображения, хорошо известные исследователям культуры и искусства древней Средней Азии, Индии и сопредельных стран по так называемым хионито-эфталитским монетам и резным печатам²². Печати же (и монеты) хионитов-эфталитов²³ можно разделить на две группы²⁴, для первой (более ранней) из которых как раз и характерны изображения, сходные с кара-тепинским. Сходство с изображениями этой группы позволяет датировать кара-тепинский рисунок концом IV—V в. и связывать его появление на стенах покинутого пещерного помещения комплекса Б с посетителем, хорошо знакомым с искусством правящей хионито-эфталитской верхушки.

Среди рисунков-граффити, обнаруженных на стенах пещерных помещений комплекса Б, особняком стоят однотипные контурные изображения ладони левой руки с растопыренными пальцами. «Изображения» такого рода встречены в самых разных местах во входных частях пещерных помещений. Больше же всего их на южной стене южного пещерного коридора (рис. 6); здесь отмечено около десятка таких «изображений». Каждое из них изготовлено путем очерчивания руки, приложенной к стене. Поскольку изображение пятерни широко распространено среди части мусульманского населения Средней Азии, в особенности у исмаилитов, кара-тепинские рисунки следовало бы, казалось, сопоставлять с мусульманскими и относить к тому же времени, что и арабские надписи-граффити, т. е. к XI—XIII вв. Однако такой подход к кара-тепинским «отпечаткам» рук неправомерен по целому ряду причин. Так, многие из кара-тепинских рисунков размещены в тех входных частях пещерных помещений, о которых можно определенно сказать, что они оказались недоступными для посетителей еще до арабского завоевания. Далее, эти рисунки-граффити заставляют вспомнить отмеченное ранее в пещерном помещении П-III изображение пятерни, нанесенное той же красной краской, что и стенная роспись этого помещения²⁵. Более того, кара-тепинские рисунки на-

²² См. Б. Я. Ставиский, Хионитская гемма-печать, — СГЭ, 1961, XX, стр. 54—56 (там же указана библиография). Ср. Stavi sky, стр. 102—108.

²³ Я не касаюсь здесь сложного и все еще дискуссионного вопроса, были ли хиониты и эфталиты одним и тем же народом или различными племенами, отличая их лишь хронологически: под хионитами я подразумеваю кочевников, сыгравших заметную роль в истории Средней Азии, Афганистана, Ирана и Северной Индии во второй половине IV — начале V в.; под эфталитами — кочевых завоевателей V — первой половины VI в.

²⁴ См. Б. Я. Ставиский, Хионито-эфталитские геммы-печати из собрания Н. Ф. Петровского в Государственном Эрмитаже (в печати).

²⁵ См. Кара-тепе, стр. 22, рис. 19. Следует лишь отметить, что в отличие от рисунков-граффити здесь дан оттиск правой руки.

помнят также изображения рук с растопыренными пальцами на одном из древнебуддийских рельефов²⁶. Учитывая все это, следует, очевидно, признать, что на настоящем этапе наших знаний мы вправе, хотя бы частично, изображения пятерни, отмеченные на Кара-тепе, относить ко времени, близкому к периоду жизни монастыря, и полагать, что они связаны с какими-то древними (возможно, буддийскими) представлениями или обычаями²⁷. Было бы, конечно, заманчиво видеть в них своеобразные подписи лиц, желавших хотя бы таким способом отметить свою принадлежность к буддийской святыне. К сожалению, скудость известных сейчас материалов не позволяет ни серьезно обосновать, ни окончательно отвергнуть это предположение.

г) Надписи

Разноязычные надписи, привлекающие к Кара-тепе внимание археологов и историков культуры также лингвистов-востоковедов, были встречены уже в первые годы раскопочных работ нашей экспедиции²⁸. Но если в 1961 и 1962 гг. основную массу таких находок составляли фрагменты глиняных сосудов с дарственными надписями, выполненными на санскрите индийскими алфавитами брахми и кхароштки²⁹, то за новые сезоны 1963 и 1964 гг. здесь найден всего лишь один черепок от сосуда с надписями; все остальные надписи, открытые в эти раскопочные сезоны, — это надписи-граффити, процерченные по штукатурке пещерных помещений комплекса Б, причем большинство из них выполнено так называемым «кушанским письмом», основанным на греческом алфавите и, как теперь выясняется, широко применявшимся в Бактрии кушанского времени, а позднее заимствованным также племенами и народами хионито-эфталитского круга³⁰.

Единственный найденный в рассматриваемые нами полевые сезоны черепок с надписями (рис. 96) обнаружен на полу северного пещерного коридора комплекса Б (он был най-

²⁶ См.: J. Fergusson, *History of Indian and Eastern architecture*, vol. II, London, 1910, стр. 17, fig. 273; B. Rowland, *The Evolution of the Buddha Image*, New York, 1963, стр. 7, fig. 1.

²⁷ Подобные же изображения-граффити, отмеченные итальянской археологической экспедицией в Афганистане, к сожалению, не датированы. См. E. Castaldi, *Preliminary report on the researches at Hazār Sum (Samangan)*, — «East and West», Roma, 1963, vol. 14, № 3—4, стр. 188—189, fig. 8—9.

²⁸ См. Кара-тепе, стр. 43—44, 52—53, рис. 41—48.

²⁹ Им посвящена специальная статья Т. В. Грек (Кара-тепе, стр. 62—81). Ср. также ниже (стр. 32 и сл.), статью Я. Харматты, который, в частности, в надписях кхароштки читает название первоначально обосновавшейся, по его мнению, на Кара-тепе буддийской школы — Махасангхика.

³⁰ См. ниже, статью В. А. Лившица; ср. Кара-тепе, стр. 43, 52—53.

ден близ входа, ведущего в центральное пещерное помещение). В отличие от всех найденных ранее фрагментов глиняных сосудов он содержит остатки двух разноязычных надписей: слева — окончание надписи брахми (по чтению Т. В. Грек — генетивное окончание *-sya*), а справа — начало надписи «кушанским письмом» (вероятнее всего, слово «Будда» или имя собственное, начинающееся с «Будды»); последняя надпись — курсивная, и хотя она относится, как и все остальные надписи на керамике, ко времени регулярной жизни буддийского монастыря, палеографически ее следует датировать, скорее всего, концом кушанского периода³¹.

Надписи-граффити, открытые в 1963—1964 гг. (подобные надписи впервые обнаружены еще в 1962 г.)³², прочерчены поверх самого позднего слоя штукатурки пещерных помещений комплекса Б и относятся либо к периоду, когда жизнь на Кара-тепе уже угасала, либо к более позднему времени, когда кара-тепинские постройки были уже окончательно покинуты их прежними постоянными обитателями.

Надписи-граффити в пещерных помещениях комплекса Б разновременны и разноязычны. Наиболее поздние из них — арабские — относятся к XI — началу XIII в. (подобные надписи, как уже отмечалось, открыты и в пещерных помещениях других комплексов). В комплексе Б они размещаются, как правило, в глубинных частях пещерных коридоров и даже в центральном пещерном помещении. В центральной части северного коридора и в восточном пещерном коридоре арабские надписи-граффити часто находятся рядом или выше иных более ранних надписей, изредка даже перекрывая их. Во входных частях северного и южного пещерных коридоров (в северном — от входа до западной арки, в южном — от входа до поворота к восточному коридору) такие надписи полностью отсутствуют.

Среди остальных надписей-граффити ныне уже интерпретируются две среднеперсидские надписи (рис. 12, 20), публикации и разбору которых посвящена статья В. Г. Луконина

³¹ Подробнее см. ниже, статьи В. А. Лившица (стр. 76) и Я. Харматты (стр. 37—39), где дается также перевод второй, найденной ранее надписи «кушанским письмом» (см. Кара-тепе, рис. 41).

В 1965 г. на Кара-тепе найдена сохранившаяся практически полностью подобная же (брахми и «кушанским письмом») билингва. Первое сообщение о ней см. Б. Я. Ставиский, Новые данные о Кара-тепе, — сб. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год», Л.—М., 1966, стр. 24. В настоящее время эта надпись, содержащая три слова (13 букв бактрийского письма и 10 знаков брахми), переведена В. А. Лившицем и Т. В. Грек. Надпись будет опубликована в следующем сборнике материалов экспедиции.

³² См. Кара-тепе, стр. 20 и 53. Арабские надписи-граффити известны на Кара-тепе еще со времени работ Е. Г. Пчелиной (см. там же, стр. 93 и 95).

(см. ниже, стр. 40—46). Судя по палеографии, обе надписи примерно одновременны, хотя открыты они в разных местах: надпись СП-1 прочерчена по штукатурке на северной стене северного пещерного коридора; надпись СП-2 — на южной стене южного пещерного коридора (см. рис. 4). Обе надписи связаны, по-видимому, с посещением Старого Термеза каким-то сасанидским посольством или, что кажется более вероятным, воинским подразделением; первая надпись, состоящая из двух строк, содержит (в верхней строке) цифровое обозначение, вторая — читается «Зик дабир», причем термин «дабир» (писец), по мнению В. Г. Луконина, означает здесь секретаря сасанидского военачальника или правителя пограничной области³³.

Несколько надписей-граффити выполнены индийскими алфавитами; в одной из них, по мнению Т. В. Грека, написанной алфавитом брахми, читается слово «сангха»³⁴.

Больше всего на стенах пещерных помещений комплекса Б прочерчено надписей «кушанским письмом» (В. А. Лившиц вслед за В. Б. Хеннингом называет их бактрийскими). Эти надписи практически покрывают почти все сохранившиеся участки стен во входных частях северного и южного пещерных коридоров, доходя до поверхности северного пилястра арки в северном коридоре и примерно до середины южного коридора, а также почти весь восточный коридор. Точное число таких надписей установить невозможно, так как в ряде случаев от них сохранились лишь отдельные слова или только знаки, соотношение которых между собой и соседними с ними надписями остается неясным. Сохранность этих надписей весьма различна, но в массе своей они сохранились все же плохо.

По палеографическим данным В. А. Лившиц делит их на две основные хронологические группы, полагая, что обе они в целом охватывают большой отрезок времени: наиболее ранние, по его мнению, по дукту близки к черепку с остатками билингвы, письмо позднейших напоминает легенды ряда эфталитских монет. В. А. Лившицу удалось выделить около десяти бактрийских надписей.

Наиболее определенно уже сейчас можно судить о характере одной из старейших надписей — Б-1, открытой на северной стене арочной ниши, оформлявшей северный вход в пещерные помещения комплекса Б³⁵. Надпись сохранилась частично: до нас дошли четыре неполные строки, содержащие

³³ Подробнее см. ниже, статью В. Г. Луконина, ознакомившегося с надписью СП-1 в натуре (кусоч штукатурки с этой надписью ныне находится в Эрмитаже), а с надписью СП-2 — по фотографиям.

³⁴ Работа по изучению этих надписей еще не завершена.

³⁵ Местонахождение основных надписей-граффити см. на рис. 4.

не менее шести личных (в основном теофорных) имен, принадлежащих, очевидно, посетителям кара-тепинского монастыря или его развалин ³⁶.

Другие надписи ранней группы и, вероятно, такого же характера, но худшей сохранности отмечены на северном пилестре западной арки (надпись Б-2), на северной стене северного пещерного коридора (надпись Б-5), на южной стене южного пещерного коридора (надписи Б-3, Б-4, Б-6). К этой же ранней группе надписей «кушанским письмом» относится и наиболее курсивная в этой группе надпись Б-7 на южной стене северного пещерного коридора; от нее сохранились три строки, причем в последней В. А. Лившиц читает: «со всеми владетелями границ (?)».

Надписи поздней группы, Б-8 и Б-10, состоящие каждая из нескольких слов, открыты на южной стене южного пещерного коридора, а сходная с ними надпись Б-9 — на северной стене северного пещерного коридора, ниже надписи ранней группы Б-5.

Наиболее сохранившаяся надпись этой группы, Б-11, насчитывающая не менее шести строк, была расположена неподалеку от среднеперсидской надписи (СП-1), на северной стене северного пещерного коридора. По мнению В. А. Лившица, эта надпись — самая курсивная и, возможно, самая поздняя из всех бактрийских надписей, открытых пока что на Кара-тепе.

Более подробные сведения о надписях-граффити «кушанским письмом» приводятся ниже, в статье В. А. Лившица. Здесь же мы лишь отметим, что те из них, которые уже сейчас поддаются интерпретации, являются, по-видимому, своеобразными подписями посетителей, т. е. по характеру аналогичны среднеперсидским.

Отметим также, что как ранние, так и более поздние бактрийские надписи обнаружены во входных частях и южного и северного пещерных коридоров, входы в которые, как мы уже знаем, были заложены сырцовыми кладками. Таким образом, эти закладки произведены, вероятно, после того, как стены входных частей пещерных помещений уже были испещрены надписями (доступ в глубинные части этих помещений стал возможен позднее, после того как рухнули перекрытия над входными частями). Большие надежды вселяет то, что ряд надписей содержит даты посещения кара-тепинских пещер. Думается, что, когда чтение этих дат будет установлено достаточно определенно, мы сможем лучше судить и об истории Кара-тепе и, возможно, о хронологии Кушанского царства в целом.

³⁶ Ср. статью Я. Харматты, стр. 83—90.

III. Некоторые выводы

Приступая к раскопкам Кара-тепе, мы вполне сознавали, что этот уникальный археологический памятник связан с широким кругом самых разных историко-культурных проблем и вопросов. Некоторые, наиболее общие из них сформулированы в отчете о работах 1961—1962 гг. Это — (а) вопрос о культуре и искусстве Бактрии (Тохаристана) при кушанах, (б) вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма из Индии в Среднюю и Центральную Азию и далее на Дальний Восток и (в) вопрос о значении буддизма в истории культуры и искусства народов Средней Азии³⁷. Пересматривать эти сложные научные проблемы после каждого полевого сезона или даже двух, конечно, нецелесообразно. Поэтому, не упуская их из вида, мы при подведении итогов работ 1963—1964 гг. коснемся лишь тех вопросов, по которым за эти годы на Кара-тепе получены наиболее результативные материалы. Такими, на мой взгляд, можно считать две группы вопросов:

1. Вопросы, связанные с уточнением наших представлений о раскапываемом нами буддийском пещерном монастыре на Кара-тепе.

2. Вопросы, связанные с проблемой культуры и искусства кушанской Бактрии.

Раскопки 1963—1964 гг. не только уточнили наши представления об устройстве и истории отдельных комплексов монастырских построек, раскапываемых на холме Кара-тепе, но и поставили вопрос о планировке и истории всей совокупности построек, некогда размещавшихся на южной вершине этого холма.

Данные, полученные в ходе раскопочных работ 1963 и 1964 гг., при учете материалов предшествующих исследований позволяют предполагать, что вся наружная дуга южной вершины холма Кара-тепе была занята сооружениями двух видов — пещерными (высеченными в песчанике) помещениями и наземными постройками, — которые образовывали своеобразные «смешанные» комплексы, такие, например, как комплексы А и Б.

Комплексы этого типа состояли из большого двора с айванами (в комплексе А с юга во двор выходило еще наземное здание) и группы пещерных помещений, включавшей, по-ви-

³⁷ См. Кара-тепе, стр. 47—61.

димому, центральное помещение с четырьмя обходными коридорами и маленькую комнату-келью у северной входной ниши (в комплексе А в северо-западном углу пещерных помещений П-I находилась еще небольшая комната-кладовая). Судя по устройству и планировке пещерных помещений П-V и «пещер 2 и 3» (изучались в 1934—1936 гг. Г. В. Парфеновым)³⁸, эти сооружения, аналогичные П-I и П-II, входили в состав комплексов типа А и Б. На южной вершине холма Кара-тепе были сооружены комплексы и иного типа, о чем позволяют говорить пещерные помещения П-IV (а возможно, и П-III) и «пещера 1», изучавшаяся Г. В. Парфеновым³⁹; пещерные части этих предполагаемых комплексов состояли из одного пещерного коридора с поворотом или расширением на конце.

Южная подковообразная в плане вершина холма Кара-тепе по ее наружной дуге была, таким образом, занята комплексами (вероятно, двух типов), общее число которых равнялось (исходя из размеров вершины и известных сейчас комплексов) примерно двум десяткам (см. рис. 3).

Особо следует отметить, что первый тип комплексов состоит в основном из явно культовых — храмовых — построек и лишь отдельных единичных жилых келий. Так, в комплексе А вскрыто всего две таких кельи; одна (пещерная) — у северного входа в пещерные помещения П-I, вторая (наземная) — в восточной части наземной храмовой постройки. Обе кельи столь малы, что предназначались, безусловно, для одного человека каждая; жильцов таких келий мы вправе, вероятно, считать монахами, обслуживавшими целую группу (наземную или пещерную) культовых построек. Назначение сооружений второго типа пока менее ясно, но их жилой характер кажется также маловероятным. Таким образом, наружная дуга южной вершины холма Кара-тепе предстает перед нами в основном как культовая часть огромного буддийского монастыря, жилые, трапезные и иные помещения которого нам еще предстоит открыть; вполне вероятно, что они располагались по внутренней, малой дуге южной вершины, но не исключена также возможность, что они были сооружены на центральной или северной вершинах Кара-тепе.

Материалы из раскопок 1963—1964 гг. позволяют несколько более определенно судить и об истории кара-тепинского монастыря или хотя бы той его части, которая располагалась на южной вершине Кара-тепе. Расцвет жизни здесь, как это было установлено уже работами предыдущих лет, приходил-

³⁸ См. там же, стр. 83—84 и рис. 2, б и в.

³⁹ См. там же, стр. 83—84 и рис. 2 а.

ся на период расцвета Кушанского царства — на время правления Канишки, Хувишки и Васудевы⁴⁰.

Менее ясным представлялось время упадка монастыря. Единственным, да и то косвенным, свидетельством для определения этого времени была находка при зачистке входа в «пещеру 2» в 1936 г. монеты сасанидского царя Шапура II (309-10—379-80). Надписи-граффити, открытые на стенах северной входной ниши и пещерных коридоров комплекса Б, были процарапаны по самой поздней штукатурке, судя по определению В. А. Лившица и В. Г. Лукониной, также в IV в. (такая датировка среднеперсидских и особенно бактрийских надписей основывается на новой хронологии кушано-сасанидских монет, разработанной В. Г. Лукониным). Таким образом, мы вправе предполагать, что время восточных походов Шапура II, сокрушившего мощь Кушанского царства, было также временем упадка кара-тепинского монастыря. Во всяком случае, большой монастырский комплекс Б в это время находился уже в таком состоянии, что посетившие его сасанидский «дабир» Зик, бактриец Бурзмихр и другие сочли для себя вполне уместным оставить на его стенах памятные надписи.

Слой вторичного обживания, обнаруженный в комплексе А, где видны также следы своеобразной реконструкции, следует, думается, относить примерно к этому же времени и считать свидетельством того, что жизнь на Кара-тепе в тот период еще продолжалась. Возможно, к этому же времени относится закладка входов в пещерные помещения комплекса Б.

Все находки и открытия, сделанные на Кара-тепе, пополняя и уточняя наши знания о кушанской Бактрии, проливают новый свет на ее культуру и искусство.

Для изучения этих вопросов на Кара-тепе в 1963—1964 гг. наиболее ценный материал представляют собой, как мне кажется, находки каменных фрагментов и надписи-граффити. Анализ первых, как я пытаюсь это показать ниже, в специальной статье, при учете материалов из работ Термезской археологической комплексной экспедиции 1936—1938 гг. и раскопок и исследований французской археологической экспедиции в Афганистане позволяет говорить не только об определенной перекличке с памятниками гандхарской школы, но и о местной — бактрийской художественной школе, развивавшейся в рамках искусства Кушанского царства⁴¹. Более того, находка на Кара-тепе каменных блоков подтреугольной формы, скреплявшихся между собой раствором «бетона», подтверж-

⁴⁰ См. там же, стр. 46—47.

⁴¹ Ср. ниже, стр. 139—173.

дает вывод об определенных культурных связях кушанской Бактрии с миром римского Средиземноморья⁴², куда помимо мотива аканфа нас ведут также прием размещения человеческих полуфигур на фоне аканфовой листвы⁴³ и двухпоясное членение капителей⁴⁴. К сожалению, о том, как проникли эти античные элементы в кушанский Термез, — путем каких-либо отдельных непосредственных контактов или опосредствованно через кушанские владения в Индии, Парфянское царство или степи, отделявшие Среднюю Азию от античных городов Северного Причерноморья, — судить пока что не представляется возможным.

Дальнейшее изучение разноязычных надписей-граффити, оставленных посетителями комплекса Б во время упадка или запустения кара-тепинского монастыря, позволит, по-видимому, осветить ряд вопросов политической истории той эпохи. Сам же факт их обнаружения дает возможность судить о контактах, в которые вступало тогда население кушанской Бактрии. Помимо собственно бактрийцев и войск Сасанидов в эти грозные для Бактрии годы здесь побывали, как об этом красноречиво свидетельствуют надписи, и индийцы или, во всяком случае, люди, знающие индийскую письменность и язык.

⁴² См. Кара-тепе, стр. 53—54, и особенно Б. Я. Ставицкий, Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период), — сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 176—181.

⁴³ Этот прием, получивший наибольшее распространение при Каракале (211—217), появился в Риме еще при Траяне (см.: A. Strong, Roman sculpture, London, 1907, стр. 126, 230). О более ранних примерах такой композиции в Италии см.: К. И. Рончевский, Художественные мотивы в древнем римском зодчестве, ч. I, Рига, 1905, стр. 3, 19—20.

⁴⁴ См. E. von Merklin, Figuralkapitelle, — AA, 1925, Bd 40, стр. 161—170. Ср. P. Kautzsch, Kapitellstudien, Berlin — Leipzig, 1936, стр. 153.

Я. Харматта

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСЕЙ НА КЕРАМИКЕ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

I

В ходе раскопок, проведенных на Кара-тепе (в Старом Термезе), были открыты надписи на черепках и надписи-граффити «кушанским» письмом. Характер алфавита и языка этих надписей был тотчас правильно определен Б. Я. Стависким, руководителем раскопок, и В. А. Лившицем. Первый убедительно прочел имя ' $\Omega\rho\omicron\mu\omicron\zeta\Delta\omicron$ в надписи Б-1; В. А. Лившиц дал предварительное сообщение о находке кара-тепинских надписей и кратко охарактеризовал их язык и письмо¹. Позднее Б. Я. Ставиский указал на большое историческое значение этих надписей². Меня ознакомил с кара-тепинскими надписями В. А. Лившиц во время моего пребывания в Ленинграде в ноябре 1963 г. Уже тогда, в первый раз увидев прописку надписи Б-1, мне удалось прочесть в ней имя BOPZOMIPO ³. Позже, в апреле 1964 г., во время моего второго пребывания в Ленинграде, В. А. Лившиц любезно предоставил мне для работы фотографии трех бактрийских надписей из Кара-тепе, а Т. В. Грек познакомила меня с индийскими надписями. Я считаю своим приятным долгом выразить здесь глубокую благодарность за эту любезность.

II

Бактрийские надписи из Кара-тепе четко делятся на две группы. Первую составляют надписи на черепках (надписи I и II), вторую — надписи-граффити. Уже В. А. Лившиц отмечал, что надпись на черепке (I), найденном в 1962 г., характеризуется более архаичным типом письма, нежели надписи-граффити. На основании новейших находок и анализа надпи-

¹ В. А. Лившиц, Бактрийские надписи из Кара-тепе, — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год», Л., 1964, стр. 51 и сл.

² Кара-тепе, стр. 52—53.

³ Ср. В. А. Лившиц, Бактрийские надписи из Кара-тепе, стр. 52.

сей можно утверждать с уверенностью, что две группы кара-тепинских надписей различаются между собой не только по характеру письма, но и по содержанию. Первая группа представляет собой буддийские дарственные надписи, в то время как вторую составляют надписи иного содержания. Две группы надписей различаются и по дате. Судя по характеру письма, надписи на черепках (I и II) датируются кушанским временем, т. е. относятся к периоду между 134 и 233 гг. н. э.⁴ Эта датировка подтверждается и надписью письмом брахми, начертанной на том же черепке, что и бактрийская надпись II. Форма акшары *śya* в этой надписи брахми была в употреблении начиная с правления Канишки I, т. е. с 134 г. н. э.⁵

Совместное появление бактрийского и индийского текста на одном и том же черепке позволяет нам предполагать параллельность с точки зрения содержания между бактрийскими и индийскими надписями на черепках. Хотя найденные до сих пор фрагменты очень небольшие, все же общий тип кара-тепинских надписей письмом кхароштки восстанавливается достаточно уверенно. В превосходной публикации индийских надписей с Кара-тепе, подготовленной Т. В. Грек⁶, это не было специально отмечено.

Дошедшие до нас фрагменты кара-тепинских надписей письмом кхароштки изданы Т. В. Грек; они читаются и интерпретируются следующим образом:

№ 1. Полевой шифр КТ-61/III-3н⁷

a-yaṇi kâ-(śi) [... «этот кубок»...]

В этой надписи с точки зрения истории индийской палеографии весьма примечательно появление *ā*-матры в форме косой черты внизу акшары *kā* — эта форма *ā*-матры здесь встречается впервые. Позднее, во второй половине III в. н. э., она часто употребляется в надписях письмом кхароштки из Крорайны и Нии. Так как эта форма *ā*-матры в надписях письмом кхароштки в Северо-Западной Индии до сих пор не обнаружена⁸, то можно предполагать, что она возникла где-то в Средней Азии и оттуда дошла до Крорайны. Алфавит кхароштки первоначально не обладал никаким знаком для обозначения

⁴ О хронологии Великих Кушан см. Harmatta IV, стр. 182 и сл.

⁵ Ср. A. H. Dani, *Indian Palaeography*, Oxford, 1963, pl. VIII.

⁶ Кара-тепе, стр. 62—81, рис. 42—48.

⁷ Указания на инвентарные номера надписей даются по изданию: Кара-тепе (см. там же фотографии). Квадратные скобки обозначают, как обычно, восстановление текста; круглые скобки указывают на частичное восстановление знака.

⁸ Предположение Рэпсона (см. A. M. Boyer, E. J. Rapson, E. Sealart, P. S. Noble, *Kharoṣṭhī inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan*, Oxford, 1920—1929, стр. 299, прим. 1) о том, что *ā*-матра употреблялась уже в надписях Ашоки письмом кхароштки и в легендах греко-индийских монет, неубедительно; ср. A. H. Dani, *Indian Palaeography*, стр. 260.

долгих гласных, так как он употреблялся лишь для фиксации северо-западного пракрита, в котором долгие гласные не существовали. Потребность в обозначении долгих гласных в кхароштии появилась в то время, когда санскрит начал оказывать влияние на северо-западный пракрит, так что последний был в некоторой степени санскритизирован. Поскольку для фиксации санскрита с самого начала употреблялось письмо брахми, появление *ā*-матры в кара-тепинском кхароштии можно приписывать влиянию, оказанному брахми на кхароштии.

Таким образом, возникновение *ā*-матры в письме кхароштии могло происходить только в том районе, где бытовали обе письменности — брахми и кхароштии. Его нельзя искать в Северо-Западной Индии, где преобладало кхароштии и где в кхароштии особого знака для обозначения долгих гласных вовсе не существовало и позднее. Напротив, кара-тепинский буддийский монастырь мог быть таким центром, где письменности брахми и кхароштии употреблялись совершенно равноправно. Поэтому не исключена возможность, что *ā*-матра в письме кхароштии возникла именно в районе Термеза, где она действительно встречается наиболее рано.

№ 2. Полевой шифр КТ-61/І-24н и КТ-61/І-28:

[. . . ṣa-ma-na-naṃ (или a-ca-ṛya-naṃ) ma-](hā)-saṃ-ghī-kā-(naṃ) [pa-ri-gra-he. . .]

«. . . [с согласия Ма]хасангхика [монахов (или учителей). . .]»

Значение этой надписи заключается в том, что она содержит имя буддийской школы, применявшей письмо кхароштии в Кара-тепе. К тому же в этой надписи замечательно появление *ā*-матры при двух акшарах: при акшаре *hā* нижняя часть *ā*-матры отломана, но при акшаре *kā* она сохранилась целиком.

№ 3. Полевой шифр КТ-61/І-37н и КТ-61/І-36н:

[. . .] (a-dhi)-saṃ-gha-mi ca-du-di-śa-(mi) [. . .]

«. . .] для главной (буддийской) общины четырех сторон света [. . .]» Это выражение представляет собой важный элемент буддийских вотивных надписей. Оно неоднократно повторяется в надписях кхароштии из Кара-тепе.

№ 4. Полевой шифр КТ-61/І-30н:

[. . .]saṃ-gha-naṃ-laṃ-(sa) [. . .]

Это родительный падеж пракритской формы имени Saṅghapāla-, передающей, очевидно, имя собственное буддийского монаха.

№ 5. Полевой шифр КТ-61/ІІ-6н:

[(saṃ-gha-)]mi ca-du-di-śa-mi. . .]

Ср. выше, № 3.

№ 6. Полевой шифр КТ-61/І-18н:

[. . . ma-](hā)-saṃ-(ghim)-[kā-naṃ. . .]

Ср. выше, № 2.

№ 7. Полевой шифр КТ-61/І-25н:

[(saṃ)-gha-(mi) ca-(du)-[di-śa-mi. . .]

Ср. выше, № 3.

№ 8. Полевой шифр КТ-62/1-2н:

[saṃ-gha]-(mi) ca-(du)-[di-śa-mi. . .]

Ср. выше, № 3.

На основании предлагаемых восстановлений и интерпретации фрагментов полный текст кара-тепинских надписей письмом кхароштхи реконструируется примерно следующим образом:

saṃghami cadudiśa[mi śamananaṃ (или acaryaṇaṃ) ma] hāsaṃghikānaṃ [parigrahe bhikṣusa] saṃghapaṃlaṃsa [danamukhe]

«(Буддийской) общине четырех сторон света [с согласия монахов (или учителей) Ма]хасангхика [подарок монаха] Сангхапалы».

Несомненно, что это лишь наиболее распространенный тип кара-тепинских votивных надписей, написанных на сосудах письмом кхароштхи. Кроме этого типа, очевидно, существовали и другие варианты. Так, например, № 1 восстанавливается приблизительно следующим образом:

ayaṃ kāśi [danamukhe bhikṣusa] saṃghapaṃlaṃsa saṃghami cadudiśa[mi acaryaṇaṃ ma] hāsaṃghikānaṃ [parigrahe]
«Этот кубок [подарок монаха] Сангхапалы (буддийской) общине четырех сторон света [с согласия учителей Ма]хасангхика».

Этот votивный текст довольно точно воспроизводит тип надписей кхароштхи на черепках из Палату Дхери, ср., например⁹:

saṃghe cadudiśe śamanana bahuṣutiakana kaṣyaviyana parigrahe

«(Буддийской) общине четырех сторон света с согласия монахов Бахушрутияка (и) Кашьяпия».

III

Точное соответствие кара-тепинских и северо-западных индийских votивных надписей на сосудах свидетельствует о тесных связях между правобережной Бактрией и Северо-Западной Индией. Очень важно, что, как показывают эти надписи, носителем письменности кхароштхи в Кара-тепе является буддийская школа Махасангхика. Школа Махасангхика была пионером распространения буддизма в Средней Азии. К этой же школе должны быть, по-видимому, отнесены и буддийские надписи письмом кхароштхи, найденные в Беграме¹⁰. Первым представителем буддизма в Хотане была также шко-

⁹ К о п о w, стр. 122.

¹⁰ Новую интерпретацию беграмских надписей письмом кхароштхи см. в статье: На г м а т т а II.

ла Махасангхика¹¹. Так как письменность кхароштли и вместе с тем буддизм — очевидно, школа Махасангхика — появились в Беграме раньше, уже во время греко-бактрийского царства, то весьма вероятно, что и в Кара-тепе кхароштли и школа Махасангхика предшествовали появлению письменности брахми и других буддийских школ.

Но наряду с надписями кхароштли в Кара-тепе обнаружены также надписи на черепках письмом брахми¹². Употребление брахми и буддийского гибридного санскрита связано с буддийской школой Сарвастивада. Таким образом, надписи брахми на черепках свидетельствуют о том, что вслед за школой Махасангхика, несколько позже, в кара-тепинском буддийском монастыре появилась и школа Сарвастивада. Школа Сарвастивада принесла с собой буддийский гибридный санскрит также и в Хотан. Наличием школы Сарвастивада в Термезе объясняются как сильная санскритизация пракрита кара-тепинских надписей, так и влияние, оказанное письмом брахми на развитие алфавита кхароштли.

В этой связи возникает важный вопрос о замене кхароштли и пракритского языка письмом брахми и санскритом в школе Сарвастивада. По свидетельствам надписей кхароштли из Северо-Западной Индии, первоначально школа Сарвастивада также пользовалась кхароштли и пракритским языком. По всей вероятности, решительные изменения произошли во время Канишки. Согласно буддийской традиции, при Канишке в Кашмире имело место собрание школы Сарвастивада, на котором было решено составить комментарий к Дхьянапрастханам. Составленному комментарию окончательную языковую форму дал знаменитый буддийский поэт Ашвагхоша¹³. Роль Ашвагхоши в составлении этого комментария прежде всего объясняет тот факт, что это сочинение было написано на санскрите. На основании этого наблюдения можно предполагать, что введение санскрита как языка письменности в буддизме произошло именно в это время. Как бы то ни было, деятельность Ашвагхоши, очевидно, в значительной мере содействовала созданию буддийской литературы на санскритском языке. Появление письменности брахми и сильная санскритизация пракрита в Кара-тепе, непосредственно после собрания школы Сарвастивада в Кашмире, ясно свидетельствуют об очень оживленных связях между Средней Азией и Северо-Западной Индией при первых Кушанах.

¹¹ Bailey, KT IV, стр. 15.

¹² Надписи брахми из Кара-тепе были превосходно опубликованы Т. В. Грек (см. Кара-тепе, стр. 74 и сл.).

¹³ Об исторической оценке собрания школы Сарвастивада в Кашмире см. E. Frauwallner, *Die buddhistischen Konzile*, — ZDMG, 1952, Bd 102, стр. 250 и сл.

Анализируя буддийский характер надписей из Кара-тепе, нельзя не отметить надпись письмом кхароштки, найденную на территории Старого Термеза, в районе Дуньо-тепе¹⁴. Чтение и интерпретация этой надписи сильно затрудняются тем, что фотография надписи не была опубликована (издана только прорисовка) и что резчик, очевидно, вовсе не обладал опытом в вырезке знаков письма кхароштки. В результате определение некоторых акшар весьма затруднено. Мое чтение надписи, предлагаемое здесь без проверки по оригиналу, может рассматриваться только как предварительное.

Надпись читается следующим образом:

стк. 1 . . .] vṛi-a/va-ṛ-mi-ga [. . .

стк. 2 ṣa-[. . .

Следует отметить, что предлагавшееся ранее чтение второй акшары как *ha*, третьей как *ro*, пятой акшары как *di*, шестой как *ṣe* или *ṣa*, невозможно. Третью акшару следует, скорее всего, считать небрежно написанным *ka*. Но в этом случае перед нами совершенно непонятное [vṛi-va-ka-mi-ga]. Поэтому я предлагаю считать первую акшару неудачной попыткой воспроизведения *na*. Если это предположение подтвердится изучением оригинала, то текст надписи легко восстанавливается следующим образом:

стк. 1 [.] na-va-ka-mi-ga-[sa]

стк. 2 ṣa-[dha-da-na]

Перевод:

«Религиозный дар [.], смотрителя монастыря».

Если эта интерпретация окажется правильной, то будет засвидетельствовано наличие института *navakarmiga* также в буддийских монастырях Термеза.

V

В рамки содержания индийских надписей из Кара-тепе прекрасно укладываются и бактрийские надписи на черепках (I и II). Надписи на черепке II (рис. 9б) читаются следующим образом:

надпись письмом брахми:](•)-sya

бактрийская надпись: BOΔΔ[

Так как повторное употребление сосуда в качестве религиозного дара совершенно невероятно, обе надписи следует считать сделанными одновременно и представляющими собой, очевидно, двуязычный текст. Это позволяет восстановить коп-

¹⁴ Ср. последнюю попытку интерпретации этой надписи, предложенную М. И. Воробьевой-Десятовской (Памятники индийской письменности из Средней Азии, — сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 211 и сл.).

текст обеих надписей. Не подлежит сомнению, что сохранившаяся часть надписи письмом брахми представляет собой конец личного имени, скорее всего имени дарителя. По аналогии с надписями брахми типа *danam bhikṣusya Dharmadatasya*¹⁵ текст индийской надписи из Кара-тепе на черепке II можно восстановить следующим образом:

[da-naṃ bhi-kṣu-sya.]-(-)-sya

Бактрийская надпись на том же черепке может помочь восстановить имя дарителя. Порядок слов в бактрийском языке иной, чем в санскрите: на первом месте стоит имя дарителя. Таким образом, по свидетельству бактрийской надписи, имя дарителя, несомненно, начиналось с элемента Bu-dha-. Если обратиться к буддийским именам, начинающимся с Bu-dha-, то наиболее вероятным в данном случае окажется Budharakṣita-. Это имя восстанавливается в надписях из Матхуры в форме Buddharakṣitamasya¹⁶. В результате полный текст надписи на черепке II письмом брахми восстанавливается следующим образом:

[da-naṃ bhi-kṣu-sya bu-dha-ra-kṣi]-tam-sya

«Подарок монаха Буддхаракшиты».

В свою очередь, на основании индийской надписи легко реконструируется и бактрийский текст:

ВОΔΔ[ОРАКРІТО ВІКРО ΛΑΟΡΟ]

Слова *ВІКРО и *ΛΑΟΡΟ в бактрийском до сих пор не были засвидетельствованы. Буддийский термин bhikṣu был широко распространен в Центральной и Средней Азии, так что возможность его заимствования и в бактрийский вполне очевидна. Слово *ΛΑΟΡΟ представляет собой соответствие авест. *dāgra-* «Gabe, Geschenk, Almosen». Ввиду тесных связей между авестийским и бактрийским языками¹⁷ наличие этого слова в бактрийском очень вероятно.

Другая буддийская надпись бактрийским письмом из Кара-тепе (черепок I) читается следующим образом¹⁸:

Е[если считать, что сохранилось около 1/4 стенки сосуда, то отсутствует 36 букв] BOZAXΦAIOBAI

В начале надписи по аналогии с индийской надписью на черепке II можно предполагать выражение типа «этот сосуд. . .». Бактрийское соответствие для этого выражения восстанавливается как E[IΔO *XOMO MO. . .], где предполагаемое слово *XOMO является соответствием др.-нр. *xumba- «сосуд». Далее, судя по аналогии с восстановлением текста в надписи на черепке II (ВОΔΔΟΡΑΚΡІТО ВІКРО ΛΑΟΡΟ), можно предполагать наличие сходной формулы дарения (условно с тем же

¹⁵ Lüders II, № 35—38 и др.

¹⁶ Там же, № 39.

¹⁷ Harmatta III, стр. 398, 449 и др.

¹⁸ Фотография надписи опубликована в сборнике Кара-тепе, рис. 41 (см. также настоящее издание, рис. 9а).

именем собственным, что и на черепке II). Последняя часть надписи на черепке I сохранилась почти целиком. Она расчленяется на отдельные слова и дополняется следующим образом:

СИΔΟ ΑΙΒΟ ΖΑΧΦΑΙΟ ΒΑΥ[ΑΔΟ]

Относительно отдельных слов в этой части надписи следует отметить следующее. СИΔΟ и ΑΙΒΟ уже известны из бактрийских надписей, найденных в Сурх-Котале. Загадочное слово ΖΑΧΦΑΙΟ восходит к др.-ир. форме *jāxšvahuā-, образованной от причастия *jāxšvah- глагола *gah- «кушать» посредством суффикса -uā- (ср. авест. gah- «essen; fressen», jāxšvah-, др.-инд. ghas- «кушать», jakṣati, jakṣivams-, jagdhi- «питание, удовольствие» и т. п.). Значение др.-ир. *jāxšvahuā- определяется, таким образом, как «еда, питание; удовольствие, счастье». Бактрийская форма ΖΑΧΦΑΙΟ является закономерным развитием др.-ир. *jāxšvahuā-; для фонетического развития -xšf- > -xf- ср. бактр. ΧΟΒΙΧΤΟ < др.-ир. *ni-pixšta-. Форма ΒΑΥ[ΑΔΟ] представляет собой 3 л. ед. ч. желательного наклонения и соответствует среднеперсидскому bavād. В результате предложение в целом интерпретируется следующим образом: «Что да будет для пропитания!», или же в более абстрактном смысле: «Что да будет для удовольствия (или счастья)!». Если последняя интерпретация окажется правильной, то бактрийское выражение [ΑΙΒΟ ΖΑΧΦΑΙΟ ΒΑΥ[ΑΔΟ]] приблизительно отражает индийский термин agrabhaga-, часто встречающийся в форме agrabhagae «для высшего счастья». На основании изложенного текст надписи дополняется и интерпретируется следующим образом:

ΕΙΔΟ *ΧΟΜΟ ΜΟ *ΒΟΔΔΟΡΑΚΡΙΤΟ *ΒΙΚΡΟ *ΑΔΟΡΟ
СИΔΟ ΑΙΒΟ ΖΑΧΦΑΙΟ ΒΑΥ [ΑΔΟ]

«Э[тот сосуд подарок монаха Буддхаракшиты.] Что да бу[дет д]ля пропитания (или: счастья)!».

СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

Во время раскопок 1963 г. на стене входной части северного пещерного коридора комплекса Б была обнаружена процарапанная по штукатурке надпись (СП-1), которая почти сразу же была определена как среднеперсидская. Открытие этой надписи явилось в известной мере неожиданностью, так как до тех пор на территории Среднеазиатского междуречья была известна лишь одна среднеперсидская надпись, начертанная рукой хорошо выученного профессионального писца на стене одного из помещений объекта XVI согдийского города Пенджикента¹. Остальные памятники сасанидской эпиграфики на этой территории ограничивались немногими экземплярами сасанид-

¹ Надпись состоит из девяти строк; первые две написаны малоразборчивым, неуклюжим почерком, остальные — рукой первоклассного писца. Обращает на себя внимание смелость и изящество написания некоторых лигатур (о чтении отдельных слов этой надписи см. ниже). Несколько среднеперсидских надписей обнаружено в районе Старого Мерва. Это по преимуществу надписи на черепках (острака) и бараньих лопатках. Один из таких черепков найден в 1936 г. археологом А. А. Марущенко на городище Гяур-кала вместе с черепками с согдийскими и арабскими надписями; о черепках с согдийскими надписями см. Лившиц, Муг, стр. 68; об арабских надписях см. С. Б. Певзнер, О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве, — ЭВ, 1954, IX, стр. 24—37 (там же данные о других надписях, обнаруженных в Мерве; к ним следует добавить две бараньи лопатки с арабскими надписями из раскопок А. Пампелли, хранящиеся в Эрмитаже, — инв. № А1517, А1518). Все эти памятники, как предполагает В. А. Лившиц, являются упражнениями в письме — остатками архивов мервских школ писцов первой половины VIII в. н. э.

Черепок со среднеперсидской надписью из Гяур-калы представляет собой крупный фрагмент хума (часть венчика и стенки, 20×15 см). Надписи нанесены тушью (см. рис. 21). В верхнем правом углу — несколько сложных лигатур, ниже — четыре строки надписи по горизонтали: (1) NKSY' KL' (2) 'twrmtr' (3) .štl' (4) ...l'd'n... «(1) все имущество (2) Атурмихра...». В нижнем правом углу черепка (надпись читается на фотографии снизу вверх): 'whrmzd'twrgwšnsr — «Хормиздатургушнасп». Написание 'whrmzd — обычное для пехлевийского курсива. Написание gwšnsr идентично написанию имени на кольцевом поддоне серебряной сасанидской чаши с изображением Шапура II (?) (см. R. N. Frye, The Heritage of Persia, Oxford, 1963, pl. 64: brsyngwšnsr' — имя владельца сосуда). В верхнем левом углу черепка — начальные знаки двухстрочной надписи. Во второй строке, вероятно, также NKSY' = x'āstak. (О черепках со среднеперсидскими надписями см. J. de Menasce, Ostraka and Papyri, — CII, London, 1957, pt III, vol. IV—V, portf. I.)

ских монет и гемм, найденных во время раскопок или собранных различными коллекционерами².

В 1964 г. к первой среднеперсидской надписи-граффити в Кара-тепе добавилась еще одна (СП-2) — процарапанная по штукатурке на стене южного пещерного коридора комплекса Б³.

Надпись СП-1 (рис. 10, 12): граффити, две строки, начало обеих строк отсутствует (обломана штукатурка)⁴.

(1)] XX XX XX I (?)

(2)]. tyr/wky

Во второй строке перед первым из сохранившихся знаков (t) виден верхний «усик» предшествовавшего знака; нижняя часть его не опускается под строку и потому всего вероятнее предполагать здесь m, y, d или, менее вероятно, — w/r, s, š. В любом случае этому знаку должна была предшествовать еще одна (или несколько) букв.

Надпись СП-2 (рис. 20): граффити, одна строка.

zyk друг «Зик⁵, писец».

Начертание титула друг характерно для сасанидских надписей начиная с IV в. Для раннесасанидских надписей III — начала IV в. более обычным является написание drowr⁶.

Обе надписи по дукту относятся к так называемому лапидарному стилю, развитие которого хорошо прослеживается по ряду сохранившихся сасанидских эпиграфических памятников (наскальные надписи, печати, монеты, надписи на торевтике)⁷. В лапидарном письме ведущим процессом развития знаков является соединение некоторых из них в устойчивые лигатуры. Появление первых лигатур фиксируется уже в надписях магупата Картира (80-е годы III в.; лигатуры 'p, 'w). В дальнейшем, уже в IV в., их количество увеличивается: в надписях Pers. I, Pers. II, TB I, II⁸ (все они относятся к IV в.) мы встречаемся

² О сасанидских геммах на территории Средней Азии см. А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963, стр. 5—6; 23—30.

³ См. Б. Я. Ставиский, Работы Среднеазиатской экспедиции в 1964 г., — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г.», Л., 1965, стр. 23.

⁴ Кусок штукатурки с надписью СП-1 и процарапанным рядом по тому же слою штукатурки курсивными бактрийскими надписями был снят со стены реставраторами Эрмитажа и экспонировался на отчетной выставке 1964 г.

⁵ Об имени Зик см. Justi, стр. 385. Это имя в сасанидских надписях встречается неоднократно (см., например, M. Sprengling, Third Century Iran. Sapor and Kartir, Chicago, 1953).

⁶ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы; J. de Menasce, Un cachet parthe, — «Syria», 1962, XXXIX, fasc. 3—4, стр. 225—230.

⁷ См. Henning II, стр. 43—46, там же библиография; о надписях на торевтике см. В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 155—176.

⁸ Издание надписей см.: Pers. I, II — CII, pt III, vol. III, portf. III; Minor Inscriptions of Kartir; TB I, II — E. Flandin, P. Coste, Voyage en Perse, vol. IV, Paris, [s. a].

уже с устойчивым употреблением лигатур *hw*, *'n*, *'w*. В надписи Микрнарсе из Фирузабада⁹ (V в.) кроме вышеперечисленных засвидетельствованы также лигатуры *zn*, *'l*, *lw*, а также слитное написание идеограммы для изафета (*ZY*). Надписи более позднего времени¹⁰ характеризуются множеством лигатур, упрощением написания ряда букв, приобретающих в результате многозначность в чтении.

Лapidарное письмо VI—VII вв. ближе всего по дукту к так называемому книжному пехлеви. Именно в этом стиле исполнена, в частности, упоминавшаяся выше надпись из Пенджикента.

В обеих среднеперсидских надписях из Кара-тепе лигатуры отсутствуют, но это обстоятельство говорит все же только о том, что надписи не могли быть выполнены в VI в. и позднее, поскольку знаки, их составляющие, редко соединяются в лигатуры и в IV и в V вв. Однако общий рисунок знаков — строгость в начертании, относительная равномерность частей, некоторая геометричность форм — заставляет думать скорее о IV—V, чем о III столетии. Особенно характерно в этом отношении несколько угловатое начертание цифр (*XX*) в первой строке надписи СП-1 и соединение их в нижней части (эта особенность совершенно отсутствует в надписях III в.). О той же дате надписей из Кара-тепе — IV—V вв. — говорят пропорциональное, лишенное вычурных «усиков» начертание знака *t*, геометризованные формы знака *k* (надпись СП-1), а также закрытое, лишенное черты, уходящей под строку, начертание знака *p* (надпись СП-2). Знак *y* в обеих надписях выступает в форме, типичной для IV—V вв. Он изображен довольно размашисто, его очертания округлы. В целом нужно отметить, что в обеих надписях нет ни одного знака, который было бы необходимо датировать III в.¹¹ Однако материал пока слишком невелик, чтобы судить о палеографической дате надписей Кара-тепе с полной определенностью.

При всей краткости обеих надписей и отсутствии контекста в СП-1 мы с достаточной уверенностью можем считать, что они оставлены посетителями пещер и, как это обычно для надписей такого рода, содержат имена и могут содер-

⁹ W. B. Henning, The Inscription of Firuzabad, — AM, NS, vol. IV, pt I, стр. 98—102.

¹⁰ Надписи Дербента (см. Е. А. Пахомов, Пехлевийские надписи Дербента, — Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929, № 8, вып. V; о дате надписей см. ниже), надписи из района Персеполя [J. P. de Menesce, Inscriptions Pehlevie en écriture-cursive (Katibehā-yi pahlavī-sāsānī), — «Guzārišhā-yi bāstānshīnāsī» (на перс. яз.), Tehran, 1338, IV, стр. 358—375].

¹¹ Начертания знаков обеих надписей из Кара-тепе ближе всего к надписям ТВ I, ТВ II (обе эти надписи составлены при Шапуре III).

жать даты ¹². В этом отношении издаваемые надписи, процарапанные на стенах пещерного буддийского монастыря, аналогичны поздним среднеперсидским надписям в пещерном буддийском монастыре Канхери ¹³ или нанесенным тушью сасанидским надписям на стенах синагоги в Дура-Европос ¹⁴. В Кара-тепе мы имеем дело скорее с титулом и именами армейского писаря и солдат сасанидских отрядов, чем паломников-буддистов, хотя, несмотря на политику преследования инаковерующих в Иране, проводившуюся сасанидским магулатом Картиром (в частности, искоренение им буддизма и брахманизма) ¹⁵, сасанидские памятники фиксируют почитание Будды в восточных областях Ирана в IV в. ¹⁶. Во всяком случае, надпись СП-2 оставлена офици-

¹² Вероятно, к тому же разряду надписей принадлежит и среднеперсидская настенная надпись из Пенджикента. До исследования надписи при помощи специальных фотографий (надпись нанесена тушью, текст местами сильно поврежден) трудно дать ее полный перевод. Пока можно отметить, что в конце первой строки читается имя *hwsrlwb* (?), в конце второй — вполне определенно — *yzdu* (судя по расположению, это не компонент имени собственного, а часть какой-то религиозной формулы). В третьей строке надписи, в начале: *yzd'nprghw...* (теофорное имя) и, наконец, в предпоследней строке — *whwdyn¹* [также, скорее всего, не имя, а термин — «(исповедующий) добрую веру», «зороастриец»]. Таким образом, надпись в одном из парадных залов согдийского города Пенджикента оставлена зороастрийцами и написана профессиональным писцом-персом. Посетители этого зала носили праведные зороастрийские сасанидские имена и употребляли зороастрийские религиозные формулы. Эта надпись, скорее всего, одновременно стеной живописи зала, исполненной в VII в. Не лишено вероятности, что надпись связана с пребыванием в Самаркандском Согде сторонников (или родственников?) погибшего последнего сасанидского царя Иездигерда III. Ср. упоминание у Табари Хусрава ибн Газиджарда, сведения китайских источников, а также появление загадочного «перса-полководца» (*p'rsyk sr'yūš*) в мугском документе А-14, см. Л и в ш и ц, Муг, стр. 88—89.

¹³ Три надписи (из пяти) в Канхери начинаются формулой *PWN ŠMy yzd'n* «во имя богов», содержат зороастрийские теофорные имена и датированы 378 (надписи № 1 и 2) и 390 гг. по эре Иездигерда (т. е. 1009 и 1021 гг. н. э.). См. вполне удовлетворительные чтения в статье: E. W. West, *The Pahlavi inscriptions at Kanheri*, — «*The Indian Antiquary*», Calcutta, 1880, vol. IX, стр. 265—268.

¹⁴ См. Geiger.

¹⁵ Kartir KZ — см. M. Sprengling, *Third Century Iran*.

¹⁶ На об. ст. монеты кушано-сасанидского правителя Пероза в легенде, по предположению Э. Херцфельда, содержится: «Будда, бог» — *bwld' yzdy*, что, впрочем, не мешает Перозу титуловать себя (в легенде л. ст.) «поклоняющийся (Ахура) Мазде, владыка» — *mzdysn bgy*. Пероз правил кушанскими землями в конце 70-х — начале 80-х годов IV в. (подробнее о дате см. В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, — ЭВ, 1967, XVIII, стр. 25 и сл.). В последнее время, однако, В. Б. Хеннинг предложил читать легенду об. ст. этих монет как *bwld'wndy yzdy* «великий бог». Именно эта легенда чеканится на об. ст. кушано-сасанидских скифатных монет Хормизда, который правил кушанскими землями сразу же после Пероза. На об. ст. этих монет изображен Шива с быком. Таким образом, если принять чтение В. Б. Хеннинга, то и на монетах Пероза мы имеем дело с изображением не Будды, а Ахура Мазды. Как известно, зороастризму первоначально были не свойственны антропоморфные изображения главных бо-

альным лицом — секретарем сасанидского военачальника или правителя пограничной области¹⁷.

Мы можем более конкретно представить себе обстоятельства, при которых на стены монастыря Кара-тепе была нанесена надпись СП-1, если принять гипотезу о том, что верхняя строка этой надписи, где сохранились цифры XX XX XX I, содержит дату.

В сасанидской эпиграфике известны три «эры» и два типа написания дат. Надпись на вотивной колонне из Бишапура содержит следующую датировку: «В месяц Фарвардин, в году 58. От огня (т. е. от основания храма огня) Арташира — год 40. От огня (т. е. от основания храма огня) Шапура, (который) из царских храмов огня (т. е. является коронационным храмом огня царя царей) — год 24»¹⁸. В данном случае, как это показал А. Кристенсен, мы имеем дело с начальной датой царской сасанидской эры (т. е. датой узурпации Папаком престола в Парсе — 208 г.), от которой отсчитываются годы коронации Арташира I (227 г.) и Шапура I (243 г.). Более нигде датировка по «царской сасанидской эре» не встречается. В том случае, если бы палеография надписи СП-1 позволяла нам безусловно датировать ее III в., мы могли бы предположить, что перед нами — второй случай использования сасанидской эры. Датой надписи СП-1 в этом случае оказался бы 268-69 г. н. э.¹⁹

жеств. Образ Ахура Мазды был сконструирован в сасанидском Иране лишь в III в., причем при его создании была использована иконография портрета царя царей Ирана (подробнее см. В. Г. Луконин, Монеты Арташира I, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. IX). Вполне понятно поэтому, что, выпуская монеты для обращения на только что завоеванной территории кушанского царства, сасанидские правители могли для изображения Ахура Мазды использовать иконографию образов привычных для этой территории божеств Шивы и Будды.

¹⁷ Об аналогичных надписях в синагоге Дура-Европос (также употреблен титул «писец») см. Geiger.

¹⁸ R. Ghirshman, *Inscription du monument de Chapour I-er à Chapor*. — «Revue des Arts Asiatiques», Paris. 1936, 10, pl. XLIV. Формулы 'twr ZY 'rthštr; 'twr ZY šhpwšr, как на это указывал еще А. Кристенсен (*Les trois dates de l'Inscription*, — там же, стр. 126—128), идентичны формулам на об. ст. сасанидских монет, что и позволяет переводить их как «царский коронационный храм», т. е. храм, где огонь возжигался в честь коронации царя царей и с этого момента велось летосчисление царствования (подробнее см. В. Г. Луконин, Монеты Арташира I). Р. Н. Фрай предлагает следующий первод: «in the month of Fravardin of the year 58, forty years of the fire of Ardashir, twenty-four years of the fire of Shapur, (which is) the king of fires» (*The Heritage of Persia*, Oxford, 1963, стр. 209). Этот первод менее удачен.

¹⁹ Помимо палеографических особенностей начертания отдельных знаков надписи СП-1 столь ранней ее датировке (III в.) препятствует и то обстоятельство, что единственной пока сасанидской монетой, обнаруженной в Кара-тепе, является монета Шапура II (подробнее см. Кара-тепе, стр. 47).

В надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (эта надпись датируется 262 г. н. э.) при описании границ Ирана указывается, что Шапур I получал дань (pty b'z HQ'YMWt HWYN) или владел ('BDкуру HQ'YMWt HWYN) «Кушаншахром вплоть до Пешавара и (землями) дальше, вплоть до Согда, Каша и гор Чача»²⁰. Однако, как можно показать²¹, данный пассаж в надписи на «Каабе Зороастра» означал лишь претензию на господство над указанными территориями, а реальные владения Сасанидов на Востоке в то время ограничивались Абаршахром, Мервом, «Сакастаном, Туристаном и Индией до побережья моря» (т. е. Гедрозией и Арахозией).

Все остальные сасанидские надписи, содержащие даты, датируются по годам царствования того или иного шаханшаха либо по «Эре Иездигерда» (Иездигерда III, вступившего на престол в 631 г.) — в том случае, если они относятся к послесасанидской эпохе²². Также датируются и сасанидские монеты начиная с V в. Даты эти представлены либо цифрами (надписи синагоги в Дура-Европос и надписи на остраках оттуда же — по годам царствования Шапура I; надписи Pers. I и Pers. II — по годам царствования Шапура II), либо словесным обозначением (монеты, надписи Дербента)²³.

²⁰ Shahpuhr KZ, парф. версия, стк. 3.

²¹ См. Б. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, стр. 16—18; ср.: E. Honigmann, A. Maricq, Recherches sur les «Res Gestae divi Saporis», Bruxelles, 1953, стр. 99—110; Bivar V, стр. 498.

²² Кроме упоминавшихся выше надписей из Канхери и некоторых других «эрой Иездигерда» датирована и могильная надпись (билингва: среднеперсидский и китайский тексты), обнаруженная недавно в Китае (см. журн. «Kaogu», 1964, № 9, стр. 458—461, рис.). По «эре Иездигерда», как указал мне В. А. Лившиц, датированы и согдийские надписи IX—XI вв. (из Ладакха и еще не опубликованные памятники из Семиречья — долина Таласа), а также некоторые из уйгурских манихейских текстов, происходящих из Восточного Туркестана.

²³ Издание надписей см. Е. А. Пахомов, Пехлевийские надписи Дербента. Чтение надписей принадлежит Г. С. Нюбергу (Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента, — «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929, № 8, вып. V, стр. 26—32; см. также К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 346—353). Надпись № 3 содержит дату: по Нюбергу — «год 700» (по селевкидской эре, т. е. 453 г. — таким ранним временем, судя по палеографии и историческим свидетельствам, надписи Дербента датироваться не могут), по Е. А. Пахомову — 37 г. (Хорсова I — т. е. 567 г., см. Е. А. Пахомов, К истолкованию пехлевийских надписей Дербента, — «Изв. Азерб. Научн.-исслед. ин-та», Баку, 1930, т. I, вып. 2, стр. 14—15; это чтение даты принято В. Б. Хеннингом — Henning II, стр. 49). Мне представляется, что написание даты в надписях Дербента ничем не отличается от ее написания на монетах того же Хосрова I, так что в надписи № 3 мы имеем словесно обозначенный «год третий» (т. е. 534 г. н. э.). Надпись № 2, вероятно, также содержит дату (строка 3: «четвертый»). Обе эти надписи, как и надписи № 1, 4, 5, одинаковы по содержанию [это и отсюда вверх (сделано) Бурзишом(?), сыном Атурпатака, хамаркаром] (вряд ли «хамаркаром Атурпатакана», как предлагал читать

Если считать, что цифры в надписи СП-1 содержат дату по царствованию сасанидского шаханшаха, то этим шаханшахом мог быть лишь Шапур II (царствовал 70 лет, с 309 по 379 г. н. э.), и в таком случае дата надписи — 369-70 г. н. э. Такая датировка более соответствует палеографии среднеперсидских надписей Кара-тепе и тем напряженным политическим событиям, которые развернулись на восточных границах сасанидского Ирана в конце царствования Шапура II. 70-е годы IV в. — это время упорных войн за земли кушанского государства, результатом которых явилось окончательное уничтожение империи Великих Кушан, годы, когда на монетном дворе Мерва, а впоследствии — Балха и Кабула начинается регулярный выпуск кушано-сасанидских монет ²⁴.

Нюберг)]. То же имя и тот же титул содержат надписи № 7 и 10. Надписи № 6 и 8, 9 — очень плохой сохранности, их чтение станет возможным только после снятия удовлетворительных эстампажей (в надписи № 8 в четвертой строке: ZY MLKY NPSH «из царского имущества»; надписи № 8 и 9 одинаковы по содержанию). Надписи № 11—13 содержат лишь одно слово (№ 11: «Бурзиш?»). Надписи № 14, 15 и 20 читаются вполне отчетливо: MN snk' krt' «сделано из камня» (Нюберг предлагал читать: mn 'kn klt «мною сделана штукатурка (ākan)»; для последнего слова предлагались также значения «набивка», «начинка», т. е. «забутовка», или из армянского — «ров», «пробонна», «подкоп», см. К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании*, стр. 350—352). Точно так же определенно читаются надписи № 16, 18: 'twrgwšnsp' krt' «Сделал Атургушнасп» (Нюберг предлагал читать: 'twrgyn HNTWNt «Атуреном положено»).

²⁴ [Проф. В. Б. Хеннинг, имевший возможность ознакомиться с фотографией среднеперсидской надписи СП-1, в письме к редактору данного сборника от 23 декабря 1964 г. пишет по поводу этой надписи следующее: «The very few letters in inscriptional Pahlavi in № 1 show that:

(1)] 20 20 20

(2)] *tywky*

If the figure in line 1 is a part of a date, then it would be either the year 368/9 (60th of Shapur II) or the year 264/5 (strictly Sept. 16, 264 — Sept. 15, 265), i. e. the 60th year of the «Sassanian» era what began on Oct. 1, 205. In view of the oldish type of script I am inclined to prefer this. At that time the area of Termez was in the hands of the Persians, and the «Sassanian» era was then in use.

In line 2 we must restore: ['](n) *tywky*. The letter before *t* looks like the remains of *n*; note that last *y* is a *final y* (the shape differs); the word is therefore complete at the end. This is, of course, Antiochos. But as we are at Termez, we may suspect that Antioch formed part of the name of that city, which has long been identified with Antiochia Tarmata, Rav. Anon. (41, 14/5; Tab. Peut.: Tharmata); see last: Tarn, *Greeks in Bactria*, 2-nd ed., p. 525. The Persian version of that name may well have been *Tlmyd-ntywky.

Thus those few letters (8½) supply both the date and the name of the place...»

Р. Фрай в своей последней статье, посвященной обзору работ советских археологов на территории Средней Азии, ошибочно относит эту среднеперсидскую надпись к Пенджикенту, см. R. N. Frye, *The significance of Greek and Kushan archeology in the history of Central Asia*, — «Journal of Asian History», Wiesbaden, 1967, vol. 1, pt 1, стр. 33—44. — *Прим. ред.*]

В. А. Лившиц

К ОТКРЫТИЮ БАКТРИЙСКИХ НАДПИСЕЙ НА КАРА-ТЕПЕ

I

В ходе раскопок буддийского монастыря в Кара-тепе в 1962—1964 гг. были обнаружены надписи на бактрийском языке письмом греческого происхождения¹.

Бактрийский язык вошел в науку после открытия 6 мая 1957 г. в Северном Афганистане, при раскопках храмовых сооружений в Сурх-Котале (средневековый Баглāн)², большой, полностью сохранившейся надписи объемом в 25 строк. Расшифровка этой надписи, осуществленная проф. В. Б. Хеннингом³, позволила установить важнейшие исто-

¹ Б. Я. Ставиский, Раскопки Кара-тепе в Старом Термезе и открытие первых надписей кушанским письмом на территории Узбекистана, — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год», Л., 1964, стр. 49—51; Кара-тепе, стр. 20, 43—44 и прим. 69—70; 47, 52—53.

² Henning I, стр. 366—367.

³ Henning III, стр. 47—55; Henning V, стр. 75—87. Editio princeps и опыт истолкования отдельных слов — Magicq I, стр. 345—417. Совершенно неудовлетворительна попытка интерпретации надписи как гимна богу Митре и языка ее как древнеиранского в книге Хумбаха: Humbach I. Издание двух других версий этой же надписи, открытых в Сурх-Котале в 1958—1959 гг. и отличающихся лишь заключительной частью и некоторыми орфографическими особенностями, см. Benveniste, стр. 113—152 (о палеографии трех версий ср. Göbl V; выводы Гёбля о последовательности версий и характере версий А и В неубедительны). Для интерпретации большой сурх-котальской надписи очень важна рецензия И. Гершевича на книгу Хумбаха: Gershevitch, Rev., стр. 193—196. Ряд важных замечаний о характере надписи и опыт перевода всего текста: Harmatta III, стр. 373—471 (использована работа Хеннинга; публикация Бенвениста и рецензия Гершевича не учтены). См. также нашу попытку перевода надписи в кн.: В. М. Массон и В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 192—193. Обзор литературы, посвященной надписям Сурх-Котала (до 1962 г.), см. Maughofer, стр. 325—344. Малоудачно сравнение языка большой сурх-котальской надписи с нашто и новоперсидским: 'Abd ul hay Habibi, Zabān-i du hazār sāl qabl-i Afghānistān yā mādar-i zabān-i darī (Tahlil-i katibe-i Surx-Kotal-i Baylān), Kābul, 1342/1963 (на перс. яз.), стр. 37—139. (Уже после завершения данной статьи появились публикации нескольких работ, посвященных истолкованию надписей из Сурх-Котала и других памятников бактрийской письмен-

рико-фонетические признаки бактрийского языка и определить его место среди иранских языков. Хеннинг показал, что язык этой надписи может быть достаточно уверенно сближен, прежде всего по отражению древнеиранского *d* как *l*, с афганским (пашто) и мунджанским языком; надпись фиксирует, по всей вероятности, речь коренного населения Бактрии первых веков нашей эры. Можно полагать, что сакский диалект кушан представлен лишь в некоторых терминах, отмеченных в надписях Сурх-Коталья⁴ и в индийских памятниках кушанского времени. Судьба сакского диалекта кушан на территории Бактрии была, видимо, сходной с судьбой парнского диалекта рода Аршака в Парфии в III в. до н. э., где парны (дахи, конфедерация сакских племен) также были ассимилированы местным населением, оставив как память о своем происхождении лишь незначительный сакский слой в парфянской лексике⁵.

Наименование «бактрийский» для языка памятников Сурх-Коталья⁶ является в настоящее время общепринятым; оно, несомненно, гораздо более обосновано, чем предлагавшиеся ранее обозначения этого языка как «тохарского», «истинно тохарского» (*étéo-tokharien*) или «кушанского»⁷.

Открытие и расшифровка сурх-котальских памятников позволили более точно определить и язык надписей на кушанских и эфталитских монетах и геммах. Сейчас можно

ности. см.: I. Gershevitch, *The Well of Baghlan*, — AM, NS, 1966, vol. XII, pt. 1, стр. 90—109; его же, *Bactrian Inscriptions and Manuscripts*, — «Indogermanische Forschungen», Berlin, 1967, Bd 72, H. 1/2, стр. 27—57; H. Humbach, *Baktrische Sprachdenkmäler*, т. I, Wiesbaden, 1966; R. Göbl, *Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967. Материалы, опубликованные в этих работах, не смогли быть учтены в данной статье).

⁴ Например, XPOXO «год правления» (так же в бактрийских надписях из долины Точи), ср. хот.-сакск. *kṣuṇa-*, маралбаши *xṣaṇa-* в том же значении, *kṣuṇa-*, *kṣuṇa-* в индийских надписях на кхароштии и брахми — «время царствования, царствование; период» (соответствует инд. *kāla* и *khaṇa*), ср. кучинское *kṣuṇ*, также заимствованное из иранского. Обычно др.-ир. *xš-* в хотано-сакском отражается как *ṣṣ-* (*ṣṣavā* «ночь» и т. п.), так что в *kṣuṇa-* следует видеть заимствование из другого диалекта. См.: Henning I, стр. 367, прим. 2; Maricq I, стр. 364; Henning III, стр. 48; Gershevitch, Rev., стр. 193; ср.: Curiel, стр. 193—194; Harmatta I, стр. 207; III, стр. 376. Об этимологии хот.-сакск. *kṣuṇa-* см. H. W. Bailey, *Irano-Indica*, — BSOAS, 1948, XII, pt 2, стр. 328; его же, KT IV, стр. 62. Обычный «год» обозначался в бактрийском, по-видимому, словом *CAPA[O]* или *CAPA[O]*, засвидетельствованным в одном из фрагментов сурх-котальской «*inscription parietale*», см.: Henning III, стр. 48, прим. 3; Benveniste, стр. 142.

⁵ Henning II, стр. 93—94.

⁶ Еще до открытия большой сурх-котальской надписи это наименование было предложено Р. Кюриелем и Я. Харматтой, см.: Curiel, стр. 196; Harmatta I, стр. 207.

⁷ Maricq I, стр. 395 и сл.; II, стр. 161—165; Humbach I, стр. 16; ср. Maughofet, стр. 326—327.

считать установленным, что в этих надписях представлена не только та же письменность, но и тот же самый язык, что и в памятниках Сурх-Коталья, хотя, как это обычно для монетных легенд и гемм, количество заимствований из других иранских (прежде всего среднеперсидского), а также индийских языков здесь довольно значительно⁸. Бактрийскими по языку являются и «эфталитские» фрагменты рукописей, открытые в Восточном Туркестане еще в начале XX в. и определявшиеся первыми издателями как сакские или тохарские⁹, а также наскальные надписи из Урузгана (к северо-западу от Кандагара)¹⁰ и недавно изданные надписи из долины р. Точи (Северо-Западный Пакистан)¹¹. Следует предположить, что эфталиты в Тохаристане и в окрестных районах следовали примеру кушан и использовали в качестве языка официальной письменности бактрийский. Об этом могут свидетельствовать, в частности, остатки двух строк курсивного бактрийского письма, обнаруженные в 1965 г. на стенной росписи Афрасиаба (городище древнего Самарканда) и являющиеся, как это ясно из согдийской надписи, расположенной рядом, образцом официальной письменности Чаганиана. Курсивная бактрийская надпись на черепке (рис. 45) была обнаружена недавно и на городище Занг-тепе, неподалеку от Термеза. Нельзя, конечно, вовсе исключить возможность открытия памятников позднего бактрийского письма, фиксирующих и иные диалекты. Вспомним, что Сюань Цзан для 30-х годов VII в. отметил, что в Бамиане «письмо, обычаи и монеты те же, что в царстве Ту-хо-ло (Тохаристан), язык несколько отличен»; в Каписе «письмо во многом соответствует письменности Ту-хо-ло, обычаи, язык и религиозные установления довольно различны»; в Шугнани «письмо то же, что в стране Ту-хо-ло, в языке имеются отличия»; в Читрале «письмо то же, что и в Ту-хо-ло, язык другой»¹². Однако все памятники бактрийской письменности послекушанского периода, открытые до сих пор, несмотря на плохую сохранность многих из них и трудности их интерпретации, связанные прежде всего с характером письма (полукурсив, развитый курсив)¹³, могут

⁸ Ср.: Harmatta I, стр. 198 и сл.; III, стр. 375 и сл.; Humbach III, стр. 18—24; Henning V, стр. 79.

⁹ Ср.: Humbach III, стр. 31—43.

¹⁰ Bivar I.

¹¹ A. H. Dani, H. Humbach, R. Göbl, Tochi Valley inscriptions in the Peshawar Museum, — «Ancient Pakistan», Peshawar, 1964, vol. I, стр. 125—135.

¹² См.: P. Pelliot, Tokharien et Koutchéen, — JA, 1934, t. CCXXIV, стр. 50; H. W. Bailey, Taugara, — BSOS, 1937, vol. VIII, pt 4, стр. 892—893.

¹³ Обзор этих памятников см.: Henning II, стр. 20—21; Maricq I, стр. 417—420; И. М. Оранский в кн.: История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 445—449.

рассматриваться как фиксирующие тот же язык, что и надписи Сурх-Коталя¹⁴. Исключение составляют лишь легенды кушано-сасанидских монет, бактрийские по письму, но среднеперсидские по языку¹⁵.

II

Бактрийские надписи из Кара-тепе делятся на две группы:

1) Надписи на фрагментах глиняных сосудов, нанесенные черной краской. Первая надпись такого рода — 13 букв, остатки двух строк (надпись I) обнаружена в 1962 г. при расчистке заднего двора, расположенного к западу от надземной постройки храмового комплекса, в свалке, содержащей большое число керамических фрагментов (в том числе более 50 черепков с индийскими надписями письмом кхароштки и брахми)¹⁶. Фотография этой надписи была опубликована в первом сборнике трудов экспедиции¹⁷.

В 1964 г. при расчистке завала в северном коридоре пещерного комплекса П-II найден второй фрагмент надписи на керамике — здесь сохранились 4 буквы бактрийского письма, образующие начало слова, и 1 знак брахми (надпись II, рис. 9б).

По определению Б. Я. Ставиского, «кушанские» надписи на керамике, как и индийские надписи на черепках, обнаруженные на Кара-тепе, должны относиться к периоду функционирования буддийского монастыря¹⁸. Надпись на черепке I выполнена ранней разновидностью бактрийского письма, сходной с письмом кушанских монетных легенд, ранних кушанских гемм и надписей из Сурх-Коталя. Это письмо характеризуется отсутствием выраженных тенденций к курсиву — знаки, как правило, не соединяются между собой.

В надписи на черепке II, как можно судить по сохранившимся знакам, представлен начальный этап развития бактрийского курсива, известный по кушано-сасанидским монетам и нескольким геммам.

2) Надписи-граффити, процарапанные на стенах второго пещерного комплекса и сохранившиеся, как правило, не полностью. Письмо этих надписей — курсивное, более позд-

¹⁴ Ср.: Thomas, стр. 3; Ghirshman I, стр. 61—67; Hansen, стр. 88.

¹⁵ Herzfeld, стр. 8; H. W. Bailey, *Hārāhūta*, — «Asiatica. Festschrift Fr. Weller», Leipzig, 1954, стр. 14, прим. 21; Bivar III, стр. 16.

¹⁶ Кара-тепе, стр. 14, 45, 53. Издание индийских надписей из Кара-тепе см. Кара-тепе, стр. 62—81 (ср. также статью Я. Харматты «К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе» в настоящем сборнике).

¹⁷ Кара-тепе, рис. 41; настоящее издание, рис. 9а.

¹⁸ Там же, стр. 43: «(Надписи на керамике) относятся ко времени расцвета жизни на Кара-тепе».

нее, нежели в надписях на керамике. Надписи-граффити располагаются на стенах на различных уровнях от пола, что может указывать на разное время их нанесения. Все они, как и рисунки на стенах, процарапаны по последнему, наиболее позднему слою штукатурки и относятся, по-видимому, к периоду запустения Кара-тепе, когда пещеры были оставлены монахами. Проходы в пещерные помещения заполнялись песком постепенно, в течение веков. Судя по многочисленным надписям-граффити арабским письмом, обнаруженным на стенах трех пещерных комплексов Кара-тепе, пещеры посещались по крайней мере до X—XII вв.¹⁹ К более раннему времени помимо надписей бактрийским письмом должны относиться две среднеперсидские надписи-граффити (комплекс П-II, надписи СП-I и СП-II, рис. 12, 20)²⁰, а также очень плохо сохранившиеся фрагменты индийских надписей, процарапанных на стенах пещер комплекса П-II.

Первая надпись-граффити бактрийским курсивным письмом в Кара-тепе была обнаружена в 1962 г. (Б-7, рис. 13, 14)²¹. Работы 1963—1964 гг. открыли еще ряд надписей, всего более десятка. Исследование этих памятников только начинается²². Для некоторых из них в нашем распоряжении имеются лишь фотографии, не всегда четкие, и копии, выполненные сотрудниками экспедиции С. И. Фингарет и А. П. Кусургашевой. В 1963, 1964 и 1966 гг. я имел возможность обследовать открытые надписи на месте, однако эстампажи снять не удалось.

Трудности истолкования любых надписей-граффити хорошо известны. Для той разновидности бактрийского курсивного письма, которая применялась в Тохаристане в раннем средневековье, эти трудности особенно велики: мы до сих пор плохо знаем не только письменность, но и язык, засвидетельствованный памятниками этой письменности. Не удивительно поэтому, что исследователи иногда предпочитают даже не делать попыток чтения бактрийских надписей-граффити²³. Кара-тепинские граффити процарапаны по штукатурке очень неглубоко, так что в пещерах, при свете фонаря, нередко трудно отличить очертания отдельных знаков от процарапанных на тех же стенах рисунков и, главное, от многочисленных трещин.

Все надписи-граффити, как было отмечено, выполнены

¹⁹ Там же, стр. 20, 22, 44.

²⁰ О них см. статью В. Г. Луконина в настоящем сборнике.

²¹ Кара-тепе, стр. 20, 47, 53.

²² Предварительные сообщения о них см.: Б. Я. Ставиский, Раскопки Кара-тепе в Старом Термезе, стр. 50; В. А. Лившиц, Бактрийские надписи из Кара-тепе, — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год», Л., 1964, стр. 51—52.

²³ Ср. В и а г I, стр. 113, 116.

курсивным письмом, однако по степени курсивности можно выделить несколько серий, различающихся, как представляется, не только по индивидуальным особенностям почерков, но и хронологически, этапами развития бактрийского курсива. Сравнение с другими памятниками этой письменности позволяет выделить среди кара-тепинских надписей-граффити серию, примыкающую по письму к легендам кушано-сасанидских монет. Более поздними следует считать надписи, сближающиеся по степени курсивности с эфталитскими памятниками (монеты, геммы, наскальные надписи из Урузгана, надписи из долины Точи).

Фрагментарный характер кара-тепинских граффити еще более затрудняет их чтение и истолкование. Однако уже сейчас можно утверждать, что надписи из Кара-тепе будут иметь немалое значение для изучения бактрийского языка и особенно бактрийской палеографии — в надписях на черепках и на стенах пещер кара-тепинского монастыря представлены основные этапы развития той разновидности греческого письма, которая ныне по праву именуется бактрийской письменностью.

III

Надписи Сурх-Котала и легенды монет Великих Кушан фиксируют первый этап развития бактрийской письменности — «монументальное» письмо. Это письмо восходит к греческому деловому курсиву, широко употреблявшемуся (наряду с письменностями арамейского происхождения)²⁴ в Восточном Иране — в Греко-бактрийском царстве и в Парфии — и представленному в Авроманских пергаментях I и II — 88 и 22/21 гг. до н. э.²⁵ Не лишено вероятности, что греческое письмо было применено для фиксации бактрийского языка еще до Великих Кушан, однако первые бактрийские надписи на монетах появляются лишь при Канишке I²⁶. Переход от греческого к бактрийскому потребовал некоторых орфографических реформ. Важнейшими из них были: применение знака Ρ (*сан*) для выражения бактрийских š и ṣ; обозначение, весьма нерегуляр-

²⁴ О распространении арамейского письма на территории Бактрии и Северной Индии в ахеменидский и послеахеменидский (III в. до н. э.) период свидетельствуют как арамейские версии надписей Ашоки (Таксила, Пул-и Дарунга, Кандагар), так и возникновение письма кхароштии на арамейской основе.

²⁵ E. H. Minns, *Parchments of the Parthian period from Avroman in Kurdistan*, — «*Journal of the Hellenic Studies*», 1915, vol. XXV, стр. 25—27; Herzfeld, стр. 9—11; Junker, стр. 641—642; Curiel, стр. 26—27.

²⁶ Ср. положение в аршакидской Парфии, где греческие надписи на монетах были заменены парфянскими спустя по крайней мере два столетия после введения в канцеляриях парфянской письменности.

ное, h через Υ (*ипсилон*) при сохранении на первых порах Υ и для выражения сонанта w²⁷; употребление O (*омикрон*) в качестве символа, обозначающего конец слова (первоначально для слов, оканчивающихся на согласный, позднее и для слов с исходом на сонант)²⁸, — весьма эффективное средство, позволившее не только современным исследователям, но и самим бактрийцам вычленять отдельные слова и морфемы в scriptio continua. Эти реформы были проведены, по-видимому, в начале правления Канишки I, хотя уже в греческих надписях на монетах «индосакских» правителей можно заметить попытки передачи иранского š особым знаком²⁹.

Первоначально бактрийское письмо содержало 25 знаков (24 буквы исходного греческого алфавита + P) — эту цифру спустя несколько веков называет Сюань Цзан, сообщая о письменности Тохаристана³⁰. Однако ни одного примера употребления знаков Ξ (*кси*) и Ψ (*пси*) в бактрийских памятниках пока не обнаружено ни для кушанского периода, ни для более позднего времени. *Эпсилон* (E) засвидетельствован в памятниках кушанского периода и в «эфталитском» фрагменте из Лоу-Ляна³¹; в более поздних памятниках гласный e обозначается только через Π (*эта*). Можно предполагать, что Сюань Цзан, побывавший в Тохаристане около 630 г., имел в виду первоначальное максимальное число знаков бактрийского письма, известное еще в VII в. писцам Балха, хотя практически они употребляли вряд ли более 22 букв³².

²⁷ Например, в большой сурх-котальской надписи $\Upsilon \Delta \text{POYTO} = \text{haruwig}$ или harüg «весь» из * haruwaka- , см.: Henning III, стр. 49; Harmatta III, стр. 466; Humbach III, стр. 32. Более поздняя форма этого слова читается в берлинском «эфталитском» фрагменте IV, стк. 7: $\text{I } \Upsilon \Delta \text{POYTO} \dots$; ср. также фрагмент V, стк. 3: $\Upsilon \Delta \text{PO}(\Gamma)[O]?$ Ср. Hansen, стр. 87, 93.

²⁸ Ср. Maricq I, стр. 400, 409.

²⁹ Maricq I, стр. 399, прим. 1; ср. Ghirshman I, стр. 64.

³⁰ См.: P. Pelliot, Tokharien et Koutchéen, стр. 48 и сл.; H. W. Bailey, Taugara, стр. 891.

³¹ Thomas, стр. 2, fig. 1.

³² Исключение составляли, возможно, лишь даты, где — теоретически — могли применяться и другие буквы греческого алфавита. Так, Я. Харматта (Harmatta IV, стр. 165 и сл.) находит греческую копу ($\Phi = 90$) в обозначении даты «неоконченной надписи» из Сурх-Котая. Буквенные обозначения дат, как показывают надписи из долины Тэчи, сохранялись в бактрийской письменности вплоть до IX в. Описание письменности Тохаристана у Сюань Цзана следует сопоставить с его сообщением о письме соседнего Согда, в котором Сюань Цзан насчитывал боле 20 знаков («двадцать с чем-то» в одной версии его записок, «более тридцати» — в другой). Судя по памятникам, в согдийском письме VII в. употреблялось 19 знаков (считая γ и χ различными буквами). Однако в согдийской азбуке на черепке, найденной весной 1965 г. при раскопках цитадели Пенджикента (в слое, датируемом концом VII — началом VIII в.), представлено 23 буквы — полный комплект знаков исходного арамейского алфавита, в том числе буквы *d*, *t*, *q*, в согдийских памятниках до сих пор вообще не засвидетельствованные, и вторично выписанный (23-й знак) *ламед* — по-видимому, для обозначения

Монументальное письмо кушанского периода характеризуется сочетанием квадратных, остроугольных и округлых форм букв. Этот вариант бактрийского письма детально исследовали Кюриель, Марик и особенно Гёбль³³. Квадратные или остроугольные начертания, как можно судить по монетам и надписям Сурх-Коталья, лишь для некоторых букв встречаются чаще, чем округлые. Другие знаки, напротив, более часто имеют закругленные формы — например, *омикрон* на монетах и в версиях *М* и *В* большой сурх-котальской надписи³⁴. Так называемая «стенная надпись» (*inscription pariétale*) из Сурх-Коталья, сохранившаяся лишь частично³⁵ и являющаяся, возможно, старейшей из надписей этого святилища³⁶, содержит только квадратные и остроугольные формы, однако нет оснований предполагать, что такой тип письма был господствующим при Канишке I (ко времени его правления можно отнести «стенную надпись»), — на монетах Канишки I отмечены и округлые начертания³⁷. Не являются датирующим признаком и различия между капитальными и минускульными формами букв, поскольку на легендах кушанских монет представлены оба эти варианта.

Более важна для датировки бактрийских памятников степень курсивности письма, хотя этапы развития курсива хронологически определяются еще недостаточно четко. Несомненно, что к IV в. уже вполне сложилось унциальное письмо, сменившее монументальное и на таких официальных памятниках, как монеты и геммы. Признаки применения унциального письма можно найти уже на монетах Васудевы, однако последовательное его употребление наиболее ясно прослеживается по кушано-сасанидским монетам³⁸. Для унциального письма — бактрийского полукурсива — характерны округлые начертания всех знаков, минускульные их формы и лигатуры, состав которых еще довольно строго ограничен (так, например, *омикрон* в отличие от *альфы* и *дельты* не соединяется со следу-

ния θ. Начертания известных ранее согдийских букв в азбуке из Пенджикента — обычные для письма VII—VIII вв. По всей вероятности, в Согде, как и в соседнем Тохаристане, информаторы Сюань Цзана сообщали ему о первоначальном составе алфавита, известном писцам, но на практике в полном виде уже не применявшемся.

³³ Curriel, стр. 197—203; Maricq I, стр. 347—352; Göbl II, стр. 101—110; V, стр. 16—19.

³⁴ Göbl II, стр. 101, 106,; V, стр. 18, Taf. X.

³⁵ Всего 27 блоков. См.: Curriel, стр. 189—193; Maricq I, стр. 414—416; Benveniste, стр. 141—152. Ср. попытку реконструкции надписи на основе 12 разрозненных блоков, найденных до 1960 г.: Harmatta IV, стр. 195—205.

³⁶ D. Schlumberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (IV), — JA, 1934, t. CCLII, стр. 309, 320.

³⁷ См.: Göbl I, Taf. 2—3; II, стр. 101—103.

³⁸ Ср. Bivar III, стр. 14 и сл.

ющей буквой)³⁹. Лигатуры в очень небольшом числе отмечены и на монетах Великих Кушан начиная уже с Хувишки⁴⁰; они представлены и в версии В большой сурх-котальской надписи, выполненной гораздо менее тщательно, чем версия А и особенно М (последняя редакция большой надписи)⁴¹. Эта надпись, как показал В. Б. Хеннинг, рассказывает о строительстве гидротехнических сооружений и реконструкции храмового комплекса Сурх-Коталь⁴², проведенных в 31 году (эры Канишки); она была составлена, по всей вероятности, вскоре после завершения реконструкции и, таким образом, относится к царствованию Хувишки. I BAḠO PAO KANIṢKI NAMOVAR-ḠO KIPAO в этой надписи следует, видимо, переводить: «(храм, который) владыка царь нарек именем (букв. „сделал носящим имя“) Канишки»; PAO I BAḠOPOḠRO — «царь, devaputra». Причины, побудившие редакторов надписи не называть имя Хувишки, остаются неясными⁴³.

³⁹ Herzfeld, стр. 8. О различиях между начертаниями *альфы* и *дельты* см.: Henning IV, стр. 355; V, стр. 85, прим. 54.

⁴⁰ Göbl III, стр. 109.

⁴¹ Ср. Göbl V, стр. 19, 22.

⁴² Правильность интерпретации, предложенной Хеннингом в феврале 1960 г., блестяще подтверждена археологическими находками — в Сурх-Котале были открыты остатки гидротехнических сооружений, о которых говорится в надписи (см.: D. Schlumberger, The excavations at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and India, — «Proceedings of the British Academy», Oxford, 1962, vol. XLVII, стр. 85; Henning V, стр. 75—76, прим. 7). Для АХРТРИḠO «акведук»(?) лучшее объяснение предложено Гершевичем (Gershevitch, Rev., стр. 193), «надсмотрщик» у Хумбаха и Харматты (Humbach I; Harmatta III, стр. 464) плохо вяжется с контекстом надписи. AABAPḠO также должно обозначать, скорее всего, сооружение — «резервуар, цистерна» (Gershevitch, Rev., стр. 193). XIPḠOMANO, судя по конструкции (XIPḠOMANO KIPAO AMO... AMO... AMO..., ср. новоперс. NN... ham... ham...) и сравнению с версией В, можно толковать как имя собственное (Benveniste, стр. 139). Сходная конструкция представлена и в EPIOMANO NOBIXTO AMO... AMO..., однако наличие только двух монограмм препятствует как будто толкованию EPIOMANO как имени собственного. «Стенная надпись» показывает, что в обороте с NOBIXTO отнюдь не обязательно искать параллель к EPIO MO CAZO OZO MAPTO... KIPAO и видеть в MANO слово для обозначения самой надписи или стелы (ср.: Benveniste, стр. 147; Harmatta III, стр. 469). Значение AMIḠRAMANO убедительно истолковано Харматтой как «единодушно, совместно», из *hamiḡrāmanaha-, ср. авест. ā.manaḡha- (Harmatta III, стр. 469). MANḠARO ABO можно понимать как *MO ANḠARO ABO «внутренние воды», ANḠARO из *antar- (см. В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, стр. 192—193). Для сопоставления APAFO (в сочетании ABO APAFO ABO ANḠIZO, где ABO <*uba?) с draḡsa-, арм. drauš «Bildsäule, Götterbild», предложенного Гершевичем (Rev., стр. 193), ср. парф. drfš в значении «фигура на носу корабля, ростра» в манихейском гимне, см. М. Boyce, The Manichaean hymn cycles in Parthian, Oxford, 1954, стр. 117—119, прим. 1.

⁴³ См. Harmatta III, 391—394 (ср. В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, стр. 192—194). Нет оснований полагать, что в 31 году (эры Канишки) Хувишка был лишь соправителем «царя царей» Канишки II, как считает Харматта (III, стр. 431—432). Судя по типологии и последовательности серий кушанских монет, Канишка II, упомя-

В «незаконченной надписи» из Сурх-Коталья, в которой вырезаны только одно слово — $\chi\rho\omicron\omicron\omicron$ и начало буквенного обозначения даты, а остальной текст лишь прочерчен, о количестве лигатур судить трудно. В тех частях надписи, которые видны на фотографии эстампажа, опубликованной Мариком, соединений букв очень немного. Харматта пытается восстановить полный текст этой надписи⁴⁴. Чтение даты, предложенное им: $\Sigma \varphi \Theta = 299$, — кажется убедительным⁴⁵; вопрос об эре, абсолютной датировке надписи и связанный с этим круг проблем, относящихся к хронологии Великих Кушан, остается открытым. Несомненная связь кушано-сасанидских монет с эмиссиями Васудевы и отнесение даже самых ранних серий кушано-сасанидских монет ко второй половине IV в. заставляют нумизматов датировать начало правления Великих Кушан (Канишка и его преемники) периодом не ранее 30-х годов или даже последней четвертью III в.; на основе типологического анализа кушано-сасанидских монет В. Г. Луконин приходит к выводу о том, что первые выпуски этих монет относятся к последним годам правления Шапура II (309—379), а кушано-сасанидский правитель Варахран — это шаханшах Варахран IV до его вступления на престол Ирана (388 г.)⁴⁶. Такой датировке противоречит описание границ сасанидской державы, содержащееся в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (начало 50-х годов III в.), где владения Кушан в Средней Азии упоминаются как входящие в состав империи Шапура, а также упоминание кушаншаха в надписи Нарсе в Пайкули (ок. 293 г.). О завоевании части Кушанского царства уже при Ардашире I рассказывают и арабские источники (Табари). Этапы крушения державы Великих Кушан (в частности, определение периода, когда области к западу от Инда были уже утрачены, а за Индом сохранялись еще кушанские владения)⁴⁷ требуют дальнейших исследований.

нутый в индийской надписи из Ара, был преемником Хувишки. См. Е. В. Зеймаль, Кушанское царство по нумизматическим данным. (Автореферат диссертации), Л., 1965, стр. 4, 10; ср. Göbl V, стр. 22—24.

⁴⁴ Har m a t t a IV, стр. 164 и сл.

⁴⁵ Ср. Bivar V, стр. 499 и сл. Бивар читает $\Sigma\Theta E = 275$ или $\Sigma\Theta\Theta = 279$ и датирует надпись по «индо-бактрийской» («старой сакской») эре, за начало которой принимается 155 г. до н. э. При такой датировке «незаконченная надпись» оказывается в пределах между 120—124 гг. н. э. По мнению Бивара, форма *ню* в этой надписи, сходная с *N* на монетах Канишки и отличная от *N* в большой надписи, указывает на время Канишки. Однако на монетах Канишки I и Хувишки начертания *ню* почти не различаются, см. Göbl II, стр. 103, 114.

⁴⁶ См.: Göbl IV, стр. 147; V, стр. 24; ср.: Bivar III, стр. 14, 40; В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, — ЭВ, 1957, XVIII, стр. 16—33; Е. В. Зеймаль, Проблема кушанской хронологии и монеты, — «Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Государственного Эрмитажа», Л., 1964, стр. 45.

⁴⁷ Ср.: Bivar III, стр. 40.

Титул PAONANO PAO⁴⁸ в «незаконченной надписи» из Сурх-Коталя мне найти не удалось — во второй части эстампажа, на котором основывает свое чтение Я. Харматта⁴⁹, нельзя различить ничего, кроме Θ (конец даты) и слабых следов В(?) и О. Весьма сомнительно и чтение имени BAZO-ДННО в третьей части эстампажа и ВГООПОУРО в четвертой. В последней, пятой части достаточно уверенно читается ХРОНО (начертания точно такие же, как и в начале надписи). В целом палеографические данные, которые можно извлечь из «незаконченной надписи», более чем скромны. Вырезанная ее часть по начертаниям очень близка к большой сурх-котальской надписи и «надписи Паламеда»⁵⁰, прочерченные знаки еще весьма далеки от курсива.

Для суждения о различиях между монументальным письмом и другими вариантами бактрийской письменности показательны надписи на геммах. Насколько известно, надписи монументальным письмом представлены только на трех геммах, изданных А. Каннингэмом⁵¹; все другие издания печатей с бактрийскими надписями содержат образцы унциального или развитого курсивного письма. Надписи на этих геммах Каннингэм читал следующим образом: ХАРОВАΛΑΝΟ (pl. XI, 15), ΡΟΟΓΑΟ (pl. X, 16), ΦΡΕΙΧΟΔΑΝΟ (pl. XII, 18). Начертания букв в этих надписях лишь очень незначительно отличаются от легенд монет Канишки и Хувишки и надписей Сурх-Коталя⁵². Лигатура выступает лишь на гемме № 15 — конечные ΝΟ (или читать -ΓΟ, ХАРОВАΛΛΑΓΟ?).

⁴⁸ ΡΑΓΟ в версии В большой сурх-котальской надписи отражает šāw (или šāu, šāu), а не šāh (в отличие от ΜΑΓΟ в версии Α = mah). ΡΑΟΧΑΝΟ ΡΑΟ может быть объяснено и как бактрийское отражение *xšāwanānām xšāwā, с распространением флексии Gen. Pl. -ānām на основы с суффиксом -wan-. Унификация именного склонения в бактрийском осуществлялась, по всей вероятности, теми же путями, что и в других иранских языках, так что бактр. *šāwnān могло возникнуть и независимо от сакского *ššau-nānu. Ср.: Harmatta I, стр. 197 и сл.; III, стр. 375.

⁴⁹ Harmatta IV, стр. 168 и сл.

⁵⁰ Начертанная черной краской надпись из Сурх-Коталя, письмо и язык которой в публикации Марика остались нераспознанными (Maricq I, pl. IV; стр. 417: «la langue et l'écriture de ce text n'ont pas été identifiées jusqu'ici»), является пракритской, письмом кхароштки. Издание ее подготавливается М. И. Воробьевой-Десятовской.

⁵¹ Cunningham, 1892, pl. XI, № 15, 16; pl. XII, № 18; стр. 111—112, 116; Cunningham, 1893, стр. 127—128. (См. теперь также В. А. Лившиц, Cusano-Indica, — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия члена-корреспондента Академии наук СССР Н. В. Пигулевской», М., 1967, стр. 161—171.)

⁵² Четвертая гемма, отнесенная Каннингэмом к числу кушанских (Cunningham, 1892, pl. XII, № 13, стр. 115), имеет согдийскую надпись: на правой стороне — xšwrē, на левой — hēntk. Это имя собственное владельца печати — xšwrēh hēntk, букв. «раб (божества) Xšorēh», ср. авест. xšnaoθra-, парф., ср.-п. šnohr «благодарение», парф. išnohr, арм. šnorh. По письму гемма может быть датирована II—IV вв. н. э. и является, таким образом,

Чтение надписи на гемме № 18 уточнил Марик—ФРЕИХО АДИО⁵³. Как показал Хеннинг, это слово, имеющее прозрачную этимологию — бактр. *frixwadēw* из др.-ир. **friya-xwata-wu-* «преданный государю», засвидетельствовано в большой сурх-котальской надписи как имя отца Ноконзока, руководителя работ по реконструкции святилища: *NOKONZOKO I KARAARIGTO I FREIXOADIHO* «Ноконзок, наместник, сын Фрихвадева»⁵⁴. Патронимы с суффиксом -IO, как отметил Хеннинг, обычны для бактрийского⁵⁵. Насколько распространено было в среде бактрийской знати имя *Frixwadēw*⁵⁶, мы не знаем; не исключено, что гемма с надписью *ФРЕИХОАДИО* принадлежала отцу Ноконзока⁵⁷.

старейшей из известных до сих пор гемм с согдийскими надписями. Отмечу попутно еще две геммы с ранними согдийскими надписями, которые опубликовал Р. Гиршман (*Ghirshman* II, стр. 107—112, pl. XXI, № 5-a, 5-b), определивший их надписи как парфянские. Гемма № 5-a хранится в Калькутском музее; гемма № 5-b, содержащая близкие изображения мужского и женского бюстов и почти такую же надпись, отличается лишь размерами. Она хранится в Британском музее и была опубликована ранее в *SPA*, vol. IV, стр. 255, о. На то, что надписи на этих геммах—согдийские, указывали уже Бивар (*Bivar* II, стр. 210, прим. 25) и Хеннинг (*Henning* II, стр. 53; V, стр. 79, прим. 17-a); последний определил их письмо как близкое к согдийскому алфавиту Бухары. Фотографии гемм в *SPA* и в статье Гиршмана недостаточно четкие, некоторые знаки, особенно в первой (верхней) строке, неразличимы. Благодаря любезности А. Бивара я получил превосходную фотографию геммы, хранящейся в Британском музее (5-b). Предлагаемое ниже чтение основано на этой фотографии:

(1) 'yt myrḥ cwn 'yntmyc

(2) (p)'n'šn z'ntyh (или zc'ntyh, n'czytyh)

«Эта печать Джанди, госпожи». 'yntmyc может быть понято как относительное прилагательное (суффикс -ус, менее вероятно -тис), однако области (владения) 'yntm на территории Средней Азии мне обнаружить не удалось (толкование 'yntmyc как «индийская» маловероятно). В надписи на гемме 5-a резчик ошибочно нанес pnp'šn, исправить -np- на -n- в раннем согдийском письме было трудно. Этим, вероятно, и объясняется изготовление второй геммы (5-b)—почерк надписи тот же, что и на 5-a. Согд. p'n'šn заимствовано из среднеперсидского и точно отражает исходную форму (ср.-перс. *bānbišn*, арм. *bāmbišn* из др.-ир. **dāna-raṇi* «госпожа дома»; согд. *p-* передает перс. *b-*); ср. также согд. *p'trwšt* из перс. *bāmbuš* или *bāmbuš*, засвидетельствованное ранее, см. *W. B. Henning, Sogdica*, London, 1940, стр. 17—18. Судя по палеографическим данным, геммы 5-a и 5-b вряд ли моложе IV в. н. э.

⁵³ *Maricq* I, стр. 362—363; ср.: *Humbach* III, стр. 27—28; *Maurohofer*, стр. 326, прим. 2.

⁵⁴ *Henning* III, стр. 50—51; V, стр. 84; ср. *Harmatta* III, стр. 457, 471.

⁵⁵ *Henning* V, стр. 84, прим. 50.

⁵⁶ Соответствующая согдийская форма — *Pryxwt'w* — представлена в «Старых письмах» (*Henning* V, стр. 84, прим. 50).

⁵⁷ Этимология имени *NOKONZOKO* до сих пор не установлена, однако нет сомнений в том, что это имя бактрийское — имена его соратников и редакторов (или писцов), упоминаемые в большой сурх-котальской надписи, разъяснены Хеннингом как бактрийские (*Henning* III, стр. 55; V, стр. 80; ср.: *Gershevitch*, Rev., стр. 193—194; *Maurohofer*, стр. 399, 341—342). Очень важно установление бактрийских этимологий для имен Великих Кушан—Канишки, Хувишки и Вазишки; см. *Henning* V, стр. 82

Надпись на гемме № 16 содержит 6 знаков — РООГАО. Каннинггэм видел здесь Šao Gao, некую «царицу земли», объясняя Гао как «одно из староавестийских названий земли»⁵⁸. РООГАО должно быть объяснено как имя собственное. Сравнение с АРАФО большой сурх-котальской надписи, возводимого к *drafša-*, показывает, что древнеиранское *-fš-* в бактрийском дало *-i-* в середине слова. В начальной позиции группа *fš-* могла отразиться как *š-*, подобно *xš-* (не исключен и путь *fš->xš->š-*, ср. АХР- в АХРТРИГО, возводимое Гершевичем к **afš-*). В таком случае РООГАО разъяснялось бы как др.-ир. **Fšu-gaw-* «нуждающийся в скоте», ср. согд. *xwšr'ny* из **fšurānaka-*.

Надпись на гемме № 15 содержит также имя собственное — ХАРОВАААНО. 3-й знак может быть сочтен и за -Р-, так читал Каннинггэм, деливший надпись на два слова — *Hašo Balano*⁵⁹. Последние две буквы образуют лигатуру — -NO, менее вероятно -ГО. Выбрать один из четырех возможных вариантов чтения бактрийского имени — задача более чем затруднительная. В данном случае она облегчается тем, что имя владельца геммы засвидетельствовано в двух индийских надписях брахми из Сарнатха, около Бенареса, одна из которых имеет дату — 3-й год эры Канишки⁶⁰. Эта надпись, принадлежащая к числу самых ранних датированных индийских памятников кушанского времени, сообщает о сооружении в Бенаресе статуи Бодхисаттвы и защитного навеса, «зонта со столбом» (*chhatrayaṣṭi*), над ней. Главным донатором назван монах *Bala*, среди других участников сооружения упомянута монахиня *Buddhamitrā*, сатрапы (*kṣatrapa*) *Vanaspara* и *Kharapallāna*: *sahā kṣatrapena Vanasparena Kharapallānena*. Вторая надпись из Сарнатха, не имеющая даты, но относящаяся, несомненно, к тому же периоду, что и первая⁶¹, уточняет титул *Kharapallāna* — он был «великим сатрапом», *mahākṣatrapa*: *mahākṣatrapena Kharapallānena sahā kṣatrapena Vanasparena*.

На то, что *Kharapallāna* и *Vanaspara* (вар. *Vanaṣpara*) принадлежат к числу иранских имен, указывал уже издатель надписей из Сарнатха. Сопоставление *Kharapallāna* с ХАРОВАААНО на кушанской гемме делает более чем вероятным

и сл. Возможно, что имена эти принимались Кушанами в качестве тронных, заменяя сакские. Примечательно, что иранских теофорных имен Великие Кушаны не носили.

⁵⁸ Cunningham, 1892, стр. 111.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Издание надписей: J. Ph. Vogel, *Epigraphical discoveries at Sarnāth*. III. *Inscriptions of the third year of Kanishka*, — *Ep. Ind.*, 1905—1906, vol. VIII, стр. 173—179, pl. IIIa, b, c; уточнения к чтению надписи *a*: H. Lüders, *Three early Brahmi inscriptions*, — *Ep. Ind.*, 1907—1908, vol. IX, стр. 241, прим. 1 (S. Konow); см. также Lüders I, стр. 93—94, № 925, 926.

⁶¹ J. Ph. Vogel, *Epigraphical discoveries at Sarnāth*, стр. 173—174.

вывод о тождестве этих имен. Форма *Khaṅarapallāna*, с *-p-*, является обычной передачей иранского *-b-* или *-ḃ-* (*-v-*), поскольку в праkritах др.-инд. *-p-* (как и *-b-*) превратилось в спирант *-v-*. Написание *-ll-* для *-l-* в надписях брахми отмечается изредка и в индийских именах (см., например, *Agilla* наряду с *Agila*, скр. *Agnila*, в надписях № 600 и 1200 списка Людерса).

ХАРОВАААНО может быть осмыслено как «сидящий на осле» — *Xarbālān*, где *bālān* — причастие от *bāl-* «сидеть», ср. осет. *badyn* из **ba-ad-*, др.-ир. **ura-had-*, скифское и. с. *Vādā-χγς*, *Vādāχγς*, осет. и. с. *Badæg*⁶². Иранским является и имя *Vanaspara* — **Wanas-pāra-* «взывающий о победе», ср. древнеперс. *Vāyaspara*⁶³.

Три геммы, о которых шла речь выше, по палеографическим признакам следует, безусловно, относить к кушанскому, точнее — раннекушанскому периоду. Сравнение надписей на этих геммах с легендами кушанских монет и сурх-котальскими памятниками может привести к заключению, что по крайней мере при Канишке I и Хувишке на геммах употреблялось лишь монументальное письмо. Этот вариант бактрийской письменности, как показали находки на Кара-тепе, применялся не только в надписях, вырезанных на камне или процарапанных по глине⁶⁴, но и в текстах, начертанных краской («тушью»). 13 букв, сохранившихся на кара-тепинском черепке I

⁶² В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, I, М.—Л., 1949, стр. 159; его же, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, т. I, М.—Л., 1958, стр. 230 и сл.; L. Zgusta, *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*, Praha, 1955, стр. 81.

⁶³ См. W. Brandenstein, M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964, стр. 152; ср.: R. Kent, *Old Persian*, 2 ed., New Haven, 1953, стр. 206; Justi, стр. 342; *Air. Wb.*, столб. 1358.

⁶⁴ Краткая надпись на венчике хума, найденного на территории г. Душанбе. См. В. А. Лившиц, *Тохарская надпись на хуме*, — «Доклады АН ТаджССР», 1953, вып. VII, стр. 23—28. Чтение надписи, процарапанной до обжига сосуда, не вызывает сомнений — *ΛΑΔΟ* (капитальные формы, остроугольные начертания первых трех знаков, округлое *Ο*); истолкование, предложенное в цитированной статье, явно неудачное. *ΛΑΔΟ* не похоже на имя собственное. Быть может, читать *žad(u)*, скр. *jaṭu-* «камень», папшто *žawla*, новоперс. *žad*, *zadvār*, *žadvār* «zedgar, цитварный корень»? (Хум не является, конечно, наиболее подходящим хранилищем для лекарств). В хуме обнаружен человеческий скелет, однако аналогичные захоронения в других районах показывают, что специальных погребальных сосудов, как правило, не было — использовались обычные сосуды для хранения вина, зерна и т. п. (см., например, М. Иващенко, *Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии*, — *Изв. АН АзербССР*, Отделение общественных наук, 1947, вып. I, стр. 73—80).

Надпись на бронзовом колокольчике, поступившем в 1952 г. в Институт истории АН ТаджССР из Дашти-жумского района (Южный Таджикистан), является, скорее всего, неумелой стилизацией под греческое или раннее бактрийское письмо. Точная прорисовка этой надписи опубликована в статье: Б. А. Литвинский, *Новые материалы по археологии Таджикистана*, — *КСИИМК*, 1954, вып. 55, стр. 143, рис. 57.

(рис. 9а) и являющихся фрагментом текста, нанесенного на целый сосуд, представляют образец такого письма. Эта надпись должна указывать на то, что в кушанское время монументальное письмо употреблялось и в документах на коже. Если сопоставить эту надпись с кара-тепинской надписью на черепке II (рис. 9б) или с надписью из Балха⁶⁵, также начертанных краской, но представляющих унциальный полукурсив, то следует признать, что характер бактрийского письма определялся прежде всего этапами его развития и лишь в очень небольшой степени зависел от техники нанесения текста⁶⁶. Обращение к другим бактрийским памятникам приводит к сходным выводам.

Легенды кушано-сасанидских скифатных монет, надписи на нескольких геммах, процарапанная на керамике надпись из Балха⁶⁷ и ряд надписей-граффити на стенах пещер Кара-тепе по начертаниям знаков и степени курсивности не отличаются сколько-нибудь существенно от фрагмента рукописи из Лоу-Ляна или кара-тепинских надписей на черепках II и III^{67а}. Надписи на эфталитских монетах и наиболее поздние граффити Кара-тепе представляют тот же тип развитого курсива, что и надпись на черепке из Занг-тепе или фрагмент надписи на Афрасиабе, начертанные «тушью». Следует, конечно, учитывать тщательность выполнения надписи, попытки сохранения традиций предшествующего периода и стилистические особенности письма, свойственные определенной группе памятников. Так, на медных монетах Шапура II надпись унциальным письмом РАВОРО (вар. РОВОРО) отсутствием лигатур сближается с легендами кушанских монет, отличаясь по этому признаку от кушано-сасанидских скифатных серий⁶⁸; в надписи ВАГО МПРО на медных монетах кушапшаха Шапура I выступает для передачи -ihg-, как и на монетах Великих Кушан⁶⁹. Надписи на арабо-эфталитских монетах VII в. менее курсивны, чем эфталитские надчеканы на драхмах Балаша, Кавада I и Хосрова I. Тщательно отделанное в деталях пись-

⁶⁵ J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*,—MDAFA, Paris, 1957, t. XV, стр. 41, прим. 3, fig. 19.d.

⁶⁶ То же самое можно наблюдать и в иранских письменностях арамейского происхождения. Ср. письмо среднеперсических наскальных надписей, монет и гемм III—IV вв. и текстов середины III в. из Дура-Европос (пергаменты, черепки, надписи на стенах синагоги); согдийское письмо надписи на ранней гемме (см. выше, прим. 52) и дукт «Старых писем».

⁶⁷ J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, pl. XVI, 6; Maricq I, стр. 418.

^{67а} О черепке III (санскритско-бактрийская билингва) см. выше, стр. 25, прим. 31.

⁶⁸ Для РАВОРО ожидалась бы прежде всего лигатура -BO-. См.: Bivar III, стр. 25, pl. IV, № 32; ср.: Cunningham, 1893, стр. 173—175, pl. XIII, № 9; Herzfeld, стр. 19, 40-а, № 23; Göbl IV, стр. 145.

⁶⁹ Ср. Bivar III, стр. 22.

мо рукописных фрагментов из Туйока указывает на существование школы, воспитанной на переписке бактрийских религиозных, скорее всего буддийских⁷⁰, текстов (ср. отношение согдийско-буддийского письма к деловому курсиву Согда VIII в.). Стилистические вариации такого рода не изменяют общей картины развития от периода Великих Кушан вплоть до VIII—IX вв. н. э., когда бактрийское письмо испытало некоторое влияние арабско-персидского (три точки над Z, вероятно для обозначения ž, в надписях Урузгана; точки над I' и P (для γ и š ?) в надписях из долины Точи)⁷¹.

После Великих Кушан «монументальным» письмом не пользовались — это кажется несомненным. Гораздо труднее судить о том, могло ли унциальное полукурсивное письмо употребляться уже в раннекушанский период. Вопрос этот важен для датировки ряда бактрийских памятников, в том числе и каратепинских надписей на черепках II и III. Приведенные выше данные заставляют как будто ответить на него отрицательно. Однако к иному заключению приводит надпись на булле (Ашмолеан Музеум), опубликованная Биваром⁷² и недавно заново

⁷⁰ Ср. PAKPAZANO PAO «царь rākṣasa» (обычное для буддийских текстов выражение) в берлинском фрагменте VII, см. Bailey, KT IV, стр. 5. Хумбах (Humbach III, стр. 35—36, 41—42) читает P00P0ZANO PAO. С изданием фрагмента VII в «La Parola del Passato», 1951, fasc. XX (O. Hansen) мне ознакомиться не удалось.

⁷¹ Henning II, стр. 59; A. H. Dani, H. Humbach, R. Göbl, Tochi Valley inscriptions, стр. 131 и сл. Надписи из Урузгана представляют гораздо менее развитый курсив, чем надписи Точи, хотя по времени эти памятники, вероятно, близки. В толковании надписей из Урузгана полной ясности еще нет (ср.: Bivar I, стр. 114—116; Humbach III, стр. 29; Henning V, стр. 86, прим. 60), так что добрая новая попытка их чтения не кажется излишней. № 1: БАКОРАЛОЖАООМГРОД(О) МАГОЗИНГО «Б. (и. с. ?), джабгу (ЖАОО), находящийся под защитой (ЖИНГО) солнца и луны»; № 2: БАКО РАЛО ЖАООД МГРО ЗИНГО — пропущено МАГО. Надпись № 2, в которой БАКО РАЛО написаны раздельно, препятствует толкованию этих слов как частей сложного имени собственного; маловероятно и -К- для бактр. -γ- (БАКО=vaγ, ср. Bivar I, стр. 115). Если, как полагал Бивар, третья буква в этой надписи не *kanna*, а какой-то особый знак для передачи γ (в отличие от Γ=g), то ВА*ОРАЛО может передавать *Vaγśal «обладающий» мистостью (бога) Бага», ср. бактрийское имя Vagataga в индийской надписи из Варлака — «слуга (бога) Бага» (см. W. B. Henning, A Sogdian god, — BSOAS, 1955, vol. XXVIII, pt 2, стр. 242 и сл.); для РАЛО ср. АЛОПХАЛО в большой сурх-котальской надписи; ЗИНГО — ср. jheniga, jheniya — иранское (бактрийское?) заимствование в пракритских документах Нин, хот.-сакск. ysiniya, парф. zun'yu и т. д. Вопрос о различении в бактрийской письменности звонких смычных и спирантов, равно как и проблема исторических (и «псевдоисторических») написаний, остается открытым. Ср., например, ОДО и ОТО в большой сурх-котальской надписи, взо южные истолкования ХОТО в той же надписи, а также БАКО в надписях из Урузгана. «Эфталитские» фрагменты из Туйока также содержат слова, которые могут свидетельствовать о том, что историческая орфография не была вовсе чужда бактрийской письменности, см., например, ОТО в этих фрагментах наряду с ОДО, БАТО в фрагменте IV, стк. 4 (нин -t- из -št-?) и др.

⁷² Bivar II, стр. 203—207, pl. XV, 1.

интерпретированная Хеннингом⁷³. Эта двустрочная надпись, самая пространная из известных бактрийских надписей на геммах, выполнена полукурсивом, с многочисленными лигатурами, так что по палеографическим данным ее можно было бы относить к тому же периоду, что и кушано-сасанидские монеты. На фотографии буллы, изданной Биваром, не все знаки видны достаточно четко, однако для начальной части надписи чтение Хеннинга не вызывает сомнений: ΜΑΓΟΥ ΚΑΝΗΡΚΟ — «Луна-Канишка», ср. *saḍḡa-kaṇaiskā* в санскритско-хотанской билингве, опубликованной Г. В. Бэйли, где *saḍḡa*, скр. *sandḡa* — «луна». По мнению Хеннинга, *Māho-Kaneško* на булле — полное имя Канишки (I), которое он носил до вступления на царский престол, в период, когда он был князем Тохаристана. В пользу такого предположения говорит титул ΖΑΙΟΥ, засвидетельствованный на булле и являющийся, согласно Хеннингу, передачей хорошо известного для Куджулы Кадфиза титула «ябгу» — ΖΑΟΥΓ (Gen.) греческих легенд, инд. *yavuga-*, уйга-, кит. *hi-hou* (**xiər g'u*), получившего широкое распространение в более позднее время (*yabγu* в надписи Кюль Тегина, в других источниках также *žabγu*, *jabγu*; ср. *ŽAOO* в надписях Урузгана)⁷⁴. Тамга на булле отличается от тамги, характерной для монет Канишки I, однако не исключено, что Канишка, став царем, заимствовал тамгу Вимы Кадфиза (эта же тамга на монетах Канишки II и на ранних эмиссиях Хувишки) и расстался со своей прежней эмблемой⁷⁵. Окончательно вопрос о том, кто был владельцем геммы, может быть решен после прочтения всей надписи⁷⁶, но принадлежность его к роду Кушан кажется бесспорной. Нельзя ли предположить, что это был все же не сам Канишка I, а кто-либо из его потомков, который также носил имя «Луна-Канишка», имел титул ябгу, сохранял вариант династийной тамги, но действовал уже после падения державы Великих Кушан?

⁷³ Henning V, стр. 85—87.

⁷⁴ Несмотря на неоднократные попытки объяснить слово *yabγu* как алтайское по происхождению (см. G. Clauson, *Türk, Mongol, Tatarus*, — AM, NS, 1960, VIII, стр. 115), наиболее вероятным кажется возведение его к **yam-uka-*, ср. манх.-парф. *ymg*, ср.-перс. *žmyg* «предводитель, *ژمۇغ*». См.: Bailey, LS, стр. 136; R. N. Frye, *Some early Iranian titles*, — «Oriens», Leiden, 1962, vol. 15, стр. 356—358. Отношение постулируемой китайской формы **xiər g'u* к **yam-uka-* остается для меня не вполне ясным. Весьма близким к этой форме является согдийское *γυρω* в надписи на венчике хума, обнаруженном в Киргизии и хранящемся в Республиканском музее в г. Фрунзе (надпись, судя по палеографии, относится к периоду не ранее IX в. н. э.).

⁷⁵ Henning V, стр. 87, прим. 67; ср. Bivar II, стр. 204 и сл.

⁷⁶ По фотографии: ΜΑΓΟΥΚΑΝΗΡΚΟΙΖΑΙΟΥ(?)ΡΑΥΡΟ(ΟΙΒΟ?)₂ΠΟΥΡΟΧΟΙΣΟ(Ο?)ΓΙΝΔΟCΑΝΟΡΑΥΟ(?) «Луна-Канишка, ябгу, сын *šahrwīb'a*,..... царь Индостана?». Имя ΡΑΥΡΟΙΒΟ может быть истолковано как «разрушающий страны» или «уничтожающий власть», ΟΙΒΟ (= *wīb*) из авест. *vīvara-*, см. *Air. Wb.*, стлб. 1346, 1452.

Судя по форме тамги, ко времени кушаншаха Варахрана относится гемма с надписью BOPZOΓOΓO — «сын Бурзгоя»⁷⁷, опубликованная Каннингэмом⁷⁸. Надпись выполнена унциальным письмом, лигатур всего две (BO-, -ΓO)⁷⁹. Различия между двумя формами *гаммы* в надписи незначительны⁸⁰; более курсивный (с изгибом влево) вариант этой буквы характерен как будто для суффикса -ΓO и в некоторых других надписях на геммах, в том числе на превосходной *Nicolo Seal*⁸¹. Эта надпись, более курсивная, содержит, по-видимому, имя владельца геммы и патроним, хотя чтение имен и их истолкование остаются весьма гипотетичными: CAΓOPKO (вм. CAΓOPKO?) IAPTOOAAΓO «С., сын Аштвала»⁸². Херцфельд видел в надписи TAΓOPAO IAPA00ATX и считал ее иранской⁸³. Гиршман предложил чтение MHAРKA IAŠNV VONZO «Михира, Вишну и Шива»⁸⁴.

Весьма предположительны и чтения имен собственных на некоторых других геммах, что объясняется прежде всего почти полным отсутствием данных о бактрийской ономастике⁸⁵,

⁷⁷ Вторая часть имени отца владельца геммы неясна. Ср. *gaya-«жизнь»?*

⁷⁸ Cunningham, 1893, pl. XIII, № 11, pl. XIV (прорисовка), стр. 181. Ср.: Herzfeld, стр. 16—17; Ghirshman I, стр. 54—55.

⁷⁹ Так на фото в NC, 1893, pl. XIII, 11. Прорисовки надписи у Каннингэма и Гиршмана неточны. Ср. Herzfeld, стр. 16.

⁸⁰ Шестой знак вряд ли *сигма*. Для чтения BOPZOCAΓO надежной этимологии имени тоже не видно, связь с авест. *bərəzi-savah-* маловероятна. Ср. CAΓO (CAΓO?) на гемме из собрания Эрмитажа (Stavisky, стр. 108, pl. III, 4)—усеченное из BOPZOCAΓO?

⁸¹ Cunningham, 1893, pl. X, 2; стр. 126—127.

⁸² Вместо CAΓOPKO возможно чтение CATOPKO, вместо IAPTOOAAΓO—IAPTOOAAΓO. Для APTO0AA- возможно возведение к *Ršta-wad- «говорящий правду», авест. *vadəmna*, скр. *vadatī*. Ср. IAP(TO) в *сурх-котальской* «надписи Паламеда», см. Henning V, стр. 80, прим. 28.

⁸³ Herzfeld, стр. 16.

⁸⁴ Chirshman I, стр. 55 и сл. Транслитерации Гиршмана должно соответствовать, вероятно, MHAРKO IAPNO O OYZO. Ср.: Humbach III, стр. 39.

⁸⁵ Иранские (в том числе бактрийские) имена в надписях кхароштки и брахми исследованы еще недостаточно. По подсчетам Харматты (Harmatta II, стр. 9), в надписях кхароштки около 30% имен — иранские. Кроме Urasaka, сына Imtavhria (иран. *Windatfria- «обретающий любовь»), бактрийское происхождение которого указано в надписи из Таксилы (bahalia-, ср. скр. *bāhlika*, *bāhalika*, Konow, стр. 74; Harmatta II, стр. 18), бактрийскими можно считать имена Vaḡamareḡa в надписи из Варлака [бактр. *Vaḡ(ə)mareḡ], Haštunā-mareḡa (первая часть неясна) в той же надписи, Vakamihira (вариантное написание Vagamihira) в шести надписях из Матхуры. См.: H. W. Bailey, *Kusanica*,—BSOAS, 1952, vol. XIV, pt 3, стр. 422, сго же, *A problem of the Indo-Iranian vocabulary*,—RO, 1957, t. XXI, стр. 66, прим. 42; Maricq I, стр. 367; Harmatta I, стр. 206; III, стр. 430; W. B. Henning, *A Sogdian god*, стр. 242—254. О структуре и возможном происхождении имени Nōramurddarphaga, сына Vakamihira см.: Konow, стр. XX, 143; Bivar III, стр. 37. Большинство иранских по облику имен собственных в надписях кхароштки и брахми пока не могут быть точно привязаны к определенному диалекту: Daṣavhaga, Yola mīra, Valāna (вар. Ulāna), Humaṣpala (носящий иранский титул *bakanapatī*

а также особенностями курсивного письма: многозначность О; сходство начертаний Г, С, Т; возможность смешения К, М и N; X и Λ; Р и Р; многообразие графических форм Г. Загадочным остается имя ΡΑΝΔΟ (вряд ли титул ΡΑΥΟ) на гемме, опубликованной Каннингэмом и содержащей помимо бактрийской также и индийскую надпись на брахми⁸⁶. Ряд вариантов можно предложить для ΜΑΥΟΝΟΓΟ⁸⁷ — бактрийское Μahnōg (ср. согд. m'x pnyu «новолуние», но pnyu m'x как имя собственное) или передача индийского имени Mahānāga? Более уверенно читаются имена: ΒΙΖΟΝΟ, вряд ли связанное с парф. Wežan⁸⁸; ΓΟΖΙΝΟ на гемме с эфталитским портретом, букв. «(находящийся под) хорошей защитой»⁸⁹; ΒΑΝΔΟ (или ΒΑΝΔΟ «раб?»), засвидетельствованное на печати из Пешаварского музея⁹⁰, а также на буллах, обнаруженных в 1961 г. при раскопках Пенджикента⁹¹. ΟΟΧΡΟΠΙΩΓΟ ΒΑΓΟ на гемме Калькуттского музея⁹² вряд ли следует считать обозначением владельца печати («Сын ΟΟΧΡΟΠΙΩ-а, господин»). Скорее здесь можно видеть некую формулу, религиозный девиз: «Вахш, единственный бог», ср. ΟΧΡΟ, ΟΑΧΡΟ на монетах великих Кушан, ΙΩΓΟ в большой сурх-котальской надписи. Бактрийская форма имени Ормузда — ΟΡΜΟΖΔΟ — представлена на берлинской гемме⁹³ как имя владельца, ср.

«глава храма»), Βαπavhryaka и др. Ср.: Конов, стр. 150, 164, 175; Lüders II, стр. 67, 103—104, 135—137, 158.

⁸⁶ Cunningham, 1893, pl. X, № 1, стр. 126. Бактрийскую надпись издатель читал Shahno (ΡΑΟΝΟ), индийскую — Shāne. Ср.: Ghirshman I, стр. 54.

⁸⁷ Bivar II, pl. XV, 4, стр. 209.

⁸⁸ R. B. Whitehead, Notes on the Indo-Greeks, III.—NC, 1950, pt III—IV, стр. 230—232. Ср.: A. Maricq, Classica et Orientalia. 5. Res Gestae Divi Saporis, — «Syria», Paris, 1958, t. XXXV, стр. 322, прим. 5; O. Maenchen-Helfen, The ethnic name Hun, — «Studia serica Bernard Karlgren dedicata», Copenhagen, 1959, стр. 230; Bailey, Amb. Ind., стр. 125.

⁸⁹ Бивар возводит это имя к авест. hu-zaēna- «хорошо вооруженный» (Bivar II, стр. 207—209). Ср. парф.-маних. hwzyny «хорошо опекаемый, бдительный защищаемый».

⁹⁰ Bivar II, стр. 209.

⁹¹ Шесть оттисков одной и той же геммы, см. А. М. Беленицкий, Работы Пенджикентского отряда в 1961 г., — «Археологические работы в Таджикистане», Душанбе, 1964, вып. IX, стр. 65, рис. 5 (прорисовка).

⁹² Ghirshman II, pl. XXI, № 2, стр. 104. Надписи на калькуттских геммах № 1 и 3 по опубликованным фотографиям чтению не поддаются. Ср. Ghirshman II, стр. 103, 105.

⁹³ P. Horn und G. Steindorff, Sassanidische Siegelsteine, Berlin, 1891, стр. 21, Taf. VI, 1620. Ср. передачу бактрийской и среднеперсидской форм имени на кушано-сасанидских монетах: Bivar III, pl. I, № 4—ΟΥΡΟΜΟΖΔΟ, № 5—ΟΥΡΟΜΟΖΔΟ, № 6—ΟΡΜΟΖΔΟ. В № 2 представлено имя Péroz (ΠΡΩΖΟ, с четким написанием Π- в форме, близкой к засвидетельствованным в «эфталитских» фрагментах), в № 3—то же имя в написании ΠΙΟΡΟΖΟ (-10- для передачи -ē-). Ср.: Bivar III, стр. 28—29; Herz-

то же написание в кара-тепинской надписи-граффити Б-1 (рис. 19а), более ранняя форма $\Sigma O P O M O Z \Delta O$ на монете Ху-вишки⁹¹.

Для характеристики системы административного управления Тохаристана в период после падения державы Великих Кушан особое значение имеют титулы, содержащиеся в надписях на геммах. Чтением надписей этой группы мы обязаны Бивару и особенно Хеннингу: $\Delta C B A P O B I \Delta O$ «начальник кавалерии»⁹⁵ (гемма с так называемой «эфталитской» тамгой, появляющейся уже на подражаниях монетам кушаншаха Варахрана I)⁹⁶; $O A P A \Gamma P A N O P A \Gamma P A B O$ «Варахран сатрап»⁹⁷, где и титул и имя — западноиранские, ср. $O(A) P A \Gamma P A N O$ на кушано-сасанидских монетах, $O O P O P O N O$ на оттисках более поздней геммы⁹⁸ при собственно бактрийской форме $O P A A \Gamma N O$ (искаженное написание $O P A A \Gamma N O$), засвидетельствованной на монетах Канишки; $\Sigma A G O \Delta O X O (?) O \Delta Z O P K O \Phi P O M A \Delta A P O$ «С., вазург-фрамадар», бактрийская адаптация среднеперсидского (или парфянского) титула *Vazurg-Framādār*⁹⁹; $\Gamma A Z A P O X T O$ «хазарухт», $\Phi A P N O [] \Sigma T A X O K H \Delta A P O \Gamma A Z A P O X T O$ «Фарн[ви]стах, кедарский хазарухт», где $\Gamma A Z A P O X T O$, как показал Хеннинг, — перс. *hazārūft*, арм. *hazarawuxt* — титул од-

field, стр. 17; 40-а; Göbl I, стр. 222, 250; Göbl IV, стр. 147; В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, стр. 19.

⁹⁴ Почти все наименования божеств на реверсах кушанских монет могут быть поняты как закономерные бактрийские формы: $M P P O$ (варианты $M P O P O$, $M \Gamma P O$, $M P O$, $M P P O$, $M E P P O$); $M A O$, $M A O O$ (ср. $M A \Gamma O$ в версии А большой сурх-котальской надписи); $O \Delta \Delta O$; $O P A A \Gamma N O$ (*Urdayn*); $M O Z \Delta O O A N O$ («Мазда-победитель»); $O A N I N \Delta O$; $\Delta P O O \Delta C H O$ (*Lrwāsp*); $M A N A O B A T O$ (*Manā*); $O A X P O$; $\Gamma A P \Delta O X P O$ (из **Rta-wahišta*-), $A \Phi P O$. Не обязательно считать заимствованными и $\Phi A P P O$ (вар. $\Phi A P O$) и $P A O P H O P O$. Форма $\Delta P A E I X P O$, как недавно показал Е. В. Зеймаль, является искаженным начертанием $\Delta P \Delta O X P O$ (равно как $T E P P O$ — искажением $M E P P O$, см.: Göbl I, № 214, стр. 202; II, стр. 109). Ср.: Harmatta I, стр. 204; Humbach II, стр. 476; III, стр. 19.

⁹⁵ Публикация геммы — Б. Я. Ставиский, Хонитская гемма-печать, — СГЭ, 1961, XX, стр. 54—56; чтение надписи — Henning IV. Для $-B I \Delta O$ ср. $\Sigma H N O B I \Delta O$ в сурх-котальской «надписи Паламеда», см.: Henning III, стр. 50, прим. 9; Harmatta I, стр. 217—218; III, стр. 376. Предлог $\Pi \Delta O$ (*pid < pati*) в большой сурх-котальской надписи показывает, что титулы с $-B I \Delta O$ можно относить к числу бактрийских, не обязательно считать их заимствованиями из среднеперсидского. Для $\Delta C B A P O B I \Delta O$ следует иметь в виду, что перс. *asbār* «всадник» проникло на Восток уже при Ахеменидах — ср. *'sb'g* в документах из Нисы, *asavārīka* в пракритской надписи из Матхуры наряду с адаптированными формами (скр. *aśvavāra*, пракрит *Kṛpāraṇi* — *aśvavāra*, Матхура — *aśvavārīka*). О *daśavida*, *śadavida*, *jeṇavibā* в документах *Kṛpāraṇi* см. Harmatta I, стр. 210—217.

⁹⁶ Ср. Bivar III, стр. 18; pl. II, 14.

⁹⁷ Stavisky, стр. 103, 105; Bivar IV, стр. 321 (чтение Хеннига).

⁹⁸ Chirshman I, стр. 58, fig. 66 (прорисовка; на фотографии, pl. VII, 3 надпись не видна).

⁹⁹ Bivar IV, стр. 321—322; Henning V, стр. 81.

ного из высших сановников Сасанидской державы¹⁰⁰; МАЛО-ЛАРО(?)—«кравчий», парф. mdwdr¹⁰¹.

Легенды эфталитских монет начертаны различными вариантами бактрийского полукурсива или развитого курсивного письма (четкой хронологической последовательности этих вариантов по степени возрастания курсивности обнаружить не удается). Вопрос об этнической принадлежности эфталитов до сих пор остается дискуссионным¹⁰². Имен собственных эфталитских правителей засвидетельствовано в источниках немного, и судить по ним о языке эфталитов трудно¹⁰³. Не подлежит, однако, сомнению, что бактрийский язык сохранял значение официального в их владениях на территории Тохаристана. Бактрийский титул ХОΛΔΠΟ, как показал Хеннинг, представлен на эфталитских монетах, в форме xidēv он проин в новоперсидский язык¹⁰⁴. Менее показателен титул ΡΑΥΟ

¹⁰⁰ Публикации гемм: Stavi sky, стр. 107, pl. III, № 3; C. W. King, Handbook of engraved gems, London, 1885, стр. 124, pl. VII, 2; Bivar III, стр. 209—210, pl. XV, № 5. Чтение надписей: Henning V, стр. 81 (YAZOPOXTO и на гемме из Пенджабского собрания?, см. Bivar IV, стр. 321—322).

¹⁰¹ R. B. Whitehead, Notes on the Indo-Greeks, III, стр. 232, № 28; Henning V, стр. 80.

¹⁰² Ср.: Л. Н. Гумилев, Эфталиты и их соседи в IV в.,—ВДИ, 1959, № 1, стр. 129—140; O. J. Maenchen-Helfen, The ethnic name Hun, стр. 227 и сл.; Fr. Altheim, Geschichte der Hunnen, Bd I—V, Berlin, 1959—1962, и другие его работы (многократные утверждения Альтейма о тюркском языке эфталитов остаются совершенно недоказанными).

¹⁰³ Ср. попытку сопоставления имени вождя хионитов Грумбата (у Аммиана Марцелина) с ГРОМБАΔΟ в берлинском «эфталитском» фрагменте: Humbach III, стр. 43. Имена эфталитских правителей в *Шах-наме* Фирдоуси могут быть истолкованы как восточно-иранские: Хушнавāз или Ахшнавāз — титул или имя предводителя рода (*Ахшнавār, *Ахшнавār?, ср.: W. B. Henning, Neue Materialien zur Geschichte der Manichaeism, — ZDMG, 1936, Bd 90, стр. 17, прим. 2); Гатфар; Фаганіш или Афганіш (*Фаганіш?) — правитель Чагана (Чаганиана) и одновременно царь эфталитов (*Шах-наме*, изд. Mohl, VI, 88, 3—4). В согдийской надписи на фресках Афрасиаба чаганианский государь (сγ'пkw γw3w) носит имя Twr'ntš или Twr'ntγ, начальник чаганианской канцелярии (сγ'пkw ḍr'yrptw)—Pwrk (или Pwkk) z'tk «Сын Б.». Любопытно сообщение Бал'ами (*Та'рүх-и Табарі*): «Название *hayatila* является множественным числом от *haitāl*, что на языке Бухары означает „сильный человек“. На языке Бухары „сила“—*haitāl*, и это слово в арабском языке изменилось в *haiṭāl*» (см. перевод Зотенберга, II, стр. 128; на это место обратил мое внимание А. М. Мандельштам). Ср., быть может, хот.-сакск. hitalatsai, hivalatsā «храбрый, доблестный» из hitala-tsaa- «жертвующий жизнью», см. H. W. Bailey, Śrī Viśa Śura and the Ta-ung, —AM, NS, 1964, vol. XI, стр. 25—26.

¹⁰⁴ Henning III, стр. 51, прим. 10; V, стр. 79; ср. Humbach III, стр. 30. Об араб. xadiw, xidiw, xudaiwi «государь, князь» см. W. Eilers, Iranisches Lehngut im arabischen Lexikon, —IJ, 1962, vol. V, № 3, стр. 228. О xidēv/xiḍēv, xidēvand/xiḍēvand в ранних новоперсидских текстах см.: G. Lazard, La langue des plus anciens

(вар. PAAO, PAO), прочитанный еще Каннингэмом¹⁰⁵, поскольку он заимствован из среднеперсидского и засвидетельствован уже на кушано-сасанидских монетах (как было отмечено выше, PAIO в версии В большой сурх-котальской надписи — при PAO в версиях А и М — отражает звучание šāw (или šāu, šāu), из древней формы Nom. *xšāwā, основа *xšāwan-)¹⁰⁶.

Наибольший по объему материал для исследования эфталитских монет собрал Р. Гиршман¹⁰⁷. Чтения монетных легенд, предложенные Гиршманом, и исторические выводы, сделанные им на основе этих чтений, оказали большое влияние на всю литературу об эфталитах, появившуюся в течение последних лет. Можно считать доказанным основной вывод Гиршмана о том, что эфталиты являлись одной из ветвей хионитов и что самоназванием эфталитов было hūp (OIONO монет, hūp или хуp, хуp среднеперсидских источников). Однако реконструкция династии эфталитских правителей, основанная на чтениях монетных легенд¹⁰⁸, внушает серьезные сомнения. Некоторые замечания по поводу этих чтений были уже сделаны Хансеном¹⁰⁹.

Весьма сомнительно чтение имени Катультф (КТVΛΑΑФ у Гиршмана) на монетах № 1—2¹¹⁰, где ясно читается лишь OIONO¹¹¹. На монете № 3 слева от изображения царя (Шанур II) в бактрийской надписи видны лишь знаки OIO, справа — NOAAXO (OIONO AAXO, Гиршман: HPTAA ŠANO HIO[NO] «Эфтал, царь хионитов»)¹¹². Надпись на реверсе монеты № 4 на фотографии, опубликованной Паруком¹¹³, прочесть не удастся (штемпель сдвинут?), чтение Гиршмана — HAPATAA ŠANO HIONO — более чем сомнительно.

Монета № 5, опубликованная Н. Э. Вундцетелем¹¹⁴, является подражанием чекану Пероза. Бактрийская надпись на реверсе содержит два слова, из которых второе определяется по фотографии¹¹⁵ достаточно точно — BOGO «владыка, госпо-

monuments de la prose persane, Paris, 1963, стр. 85, прим. 54, стр. 187; е го же, Les premiers poètes persans (IX-e—X-e siècles), t. II, Teheran—Paris, 1964, стр. 107, 169.

¹⁰⁵ Cunningham, 1894, стр. 263.

¹⁰⁶ Ср.: Harmatta I, стр. 197 и сл.; III, стр. 375.

¹⁰⁷ Ghirshman I.

¹⁰⁸ Там же, стр. XII, 10—11, 86, 90, 95 и др.

¹⁰⁹ Hansen, стр. 81—85.

¹¹⁰ Здесь и далее сохранена нумерация Гиршмана.

¹¹¹ Cunningham, 1894, pl. VII, 1; Ghirshman I, pl. II, 1; ср. Herzfeld, стр. 40-а, № 24—25.

¹¹² D. J. Paruck, Sāsānian coins, Bombay, 1924, pl. XI, № 244; Ghirshman I, pl. II, 2.

¹¹³ D. J. Paruck, Sāsānian coins, pl. XIII, № 303.

¹¹⁴ Н. Э. Вундцетель, К нумизматике Сасанидов, — «Сборник в честь В. В. Бартольда», Ташкент, 1927, стр. 229—230.

¹¹⁵ Оригинал в Ташкенте мне разыскать не удалось.

дин» (ВОГО=ВАГО). Первое слово предположительно может быть, вслед за Хансеном¹¹⁶, прочтено как OIONO (второй знак плохо различим)—«владыка хионов»? Чтение Гиршмана: AKVNA ŠANO NIONO «Акун, царь хионитов». Слева от головы на реверсе можно различить три знака согдийского письма (Гиршман видел здесь среднеперсидское phl «Балх»?)—rpn, как предложил читать Хансен. Это слово—«фарн»—нередко встречается на согдийских монетах, как и βγυ «господин». Весьма вероятно, что эфталитские подражания монетам Пероза каким-то образом связаны с монетами Пероза, имеющими согдийские надчеканы (γ'γ'п, βγυ, tk'yn, ḡsсу βγυ и др.). Согдийская надпись представлена и в надчекане на монете № 6 (Пероз, собрание Эрмитажа), неточно воспроизведенном в издании коллекции Бартоломея¹¹⁷ и еще более далеко от оригинала на рисунке у Гиршмана¹¹⁸, который видит в надписи эфталитское OKNO—и. с. Акун, Κοβύνας византийских источников. Согдийские буквы этой надписи хорошо видны на фотографии монеты, опубликованной Гиршманом¹¹⁹. Согдийской является и надпись в надчекане на монете № 8, изданной Паруком¹²⁰.

В надчеканах на монетах № 7, 9—12 повторяется одна и та же надпись: YIONO XANO «государь хионитов». Необычная форма начального *ипсилона* (ср. OIONO или YIONO на монете № 17) породила различные толкования первого слова и всей надписи¹²¹. Ближе других к правильному чтению был Хансен (hyono)¹²², однако вряд ли необходимо рассматривать первый знак как лягатуру. Чтение второго слова стало возможным после того, как Хеннинг¹²³ распознал титул XOAAHO в другой серии эфталитских монет (№ 42 и 43 у Гиршмана)

и тем самым установил значение 𐭌 —*хи* в позднем бакт-

рийском письме монет, а также рукописных фрагментов (то же в надписях из долины Точи)¹²⁴. По мнению Хумбаха, XANO в надчеканах является «сокращенным» написанием вместо XOAAHO. Персидское xidēv может указывать на бакт-

¹¹⁶ Hansen, стр. 83.

¹¹⁷ Collection de monnaies Sassanides de feu le Lieutenant-Général J. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables par B. Dorn, St.-Pbg., 1873, pl. XIV, 15; D. J. Paruck, Sāsānian coins, pl. XIV, № 15.

¹¹⁸ Ghirshman I, fig. 10.

¹¹⁹ Там же, pl. II, 4.

¹²⁰ D. J. Paruck, Sāsānian coins, pl. XVII, № 389. Гиршман видел в этой надписи HAPATAA(A) «Hephthal».

¹²¹ См. Göbl III, стр. 207.

¹²² Hansen, стр. 81.

¹²³ Henning III, стр. 51, прим. 10. Ср. Junker, стр. 647.

¹²⁴ Ср. Humbach III, стр. 34.

рийскую форму (источник заимствования) xđēw, что точно соответствует ХДНО. Неясным в этом случае остается появление архаичной формы ХОАДНО на монетах № 42—43, относящихся явно к более позднему периоду — надчеканы с надписью ʾIONO ХДНО отмечены на драхмах Балаша, Кавада I и Хосрова I и, несомненно, связаны с данью, которую сасанидский Иран должен был выплачивать эфталитам¹²⁵. Об исторической орфографии в бактрийском (ХОАДНО вместо реально произносимого ХДНО xđēw) данных пока нет.

Имя Эфталъ (ср. Εϕθαλάνος у Феофана Византийского), которое Гиршман читает в надчеканах, а также на многих сериях эфталитских монет, можно попытаться обнаружить лишь на монетах № 13 и 14: ʾPTAO XIONO?, Гиршман — ΠΠΤΑΑ ΠΙΟΧΟ¹²⁶. Судя по фотографиям¹²⁷, чтение знаков -ΠΤ- нельзя признать абсолютно надежным; чтение ΧΙΓΓΙΛΟ более вероятно (для последнего чтения ср. Rajatarangini, I, 346). Написание huḍp с начальным *хи* представлено и на монете № 15 (PAʾO XIONO), где -ʾ- выступает в обычной для курсивного письма форме. Чтение AKONO вместо XIONO маловероятно.

На монете № 20 надпись начертана очень четким полукурсивом, хотя тип монеты довольно поздний (Хосров II). Надпись идет по краю и не является надчеканом: ΦΡΟΜΑΝ-ΗΣΑΡΟ, букв. «послушный приказам» или «исполняющий приказы», имя собственное или эпитет, намекающий на подчинение эфталитов Ирану? Ср. ΦΡΟΜΑΝΟ «приказ» в большой сурх-котальской надписи, согд. pṛm'nh pṛw sṛw pṛṭṛṣ- «исполнять приказ». Гиршман видел в этой надписи вместо ФРО-ΜΑΝΗΣΑΡΟ (ṢAN)O TAPAKA NISAGA «царь Тархан Низак»¹²⁸. Слова «тархан» нет не только в этой надписи, но и на арабо-эфталитских монетах. На последних ТОРҚО — имя собственное (ср. согд. twrk), вряд ли «тюрк, тюркский»; возможно и чтение ГОРІҒО «гурский»: ГОРІҒО PAʾO «царь Гура»?

Предложенные Юнкером и Гиршманом чтения кратких легенд на монетах правителей Бамиана и Забулистана не вызывают особых сомнений. № 26—28: CPIO PAʾO; 29—30: PAʾO ZOBALO; 31:... NHLO PAʾO ZAOW...; 32: MIPPO; 33: C.NAO(?) PAʾO ZOBALO; 37—38: ZOBALO PAʾANOPAY(O); ср. также № 44 и 45, отнесенные Гиршманом к эмиссиям

¹²⁵ Ср. Göbl III, стр. 208 и сл.

¹²⁶ Ghirshman I, стр. 19; ср.: Junker, стр. 652—653; J. de Morgan, Manuel de numismatique orientale, t. I, Paris, 1923—1936, стр. 451, fig. 594.

¹²⁷ Cunningham, 1894, pl. VII, 14; Ghirshman I, pl. II, 10, 11.

¹²⁸ Ghirshman I, стр. 23; превосходное воспроизведение — pl. III, 2. Ср. Hansen, стр. 84: ΦΡΟΝΟ ΝΗΣΑΓΑ (или ΝΗΣΑΖΑ).

правителей западных тюрок: СРІ РАГО¹²⁹, СРІ ТАГИНО РАГО¹³⁰.

Надписи на монетах № 42 и 43, очень четкие по начертаниям, несмотря на неоднократные попытки чтения, остаются непонятными¹³¹ — не вызывают сомнений лишь значения СРІ, ВАГО и ХОАДНО.

№ 43: Ав. СРІ ВАГО ОЗРОВАДИГО САХААНО ВАГО ХОАДНО «Великий владыка, охраняемый Брахмой»¹³², превосходный¹³³ владыка, государь»?

Rev. СРІ ВАГО ДОНВО (или АДНВО) ВАГО ОИГО К(?)АГАНО САИВАГИ.

Согласно Сюань Цзану, в 30-х годах VII в. в Тохаристане письменных произведений было больше, чем в соседнем Согде¹³⁴. От рукописных памятников бактрийского письма до нас дошли лишь немногие фрагменты, происходящие с территории Восточного Туркестана. Фрагмент из Лоу-Ляна содержит остатки 10 строк, все без начала и конца, так что выделить отдельные слова в этом тексте затруднительно. По археологическим данным А. Стейн датировал фрагмент периодом не позднее IV в. н. э. Несомненно, что этот текст относится к более раннему времени, чем «эфталитские» фрагменты, хранящиеся в Берлине, — на это прежде всего указывает наличие *эпсилона*¹³⁵, а также форма *ню* и, возможно, *каппы*.

В берлинских фрагментах, обнаруженных А. Лекоком в долине р. Туйок (Турфанский оазис, около 15 км к востоку от Хочо)¹³⁶ и изданных Хансенom, сохранились начальные части строк, так что читаются лишь отдельные слова и немногие словосочетания¹³⁷. На основании китайских текстов, найденных в том же районе, Лекок датировал фрагменты IX—X вв.¹³⁸, однако не исключено, что они относятся к более

* 129 Так начиналась, по-видимому, и бактрийская надпись, обнаруженная на Афраснабе.

130 Ср. Junker, стр. 652—653.

131 Ср. Humbach III, стр. 30.

132 Бэйли сближал ОЗРОВАДИГО с hazārapati- (H. W. Bailey, Taugata, стр. 893). Быть может, ОЗРОВАДИГО = *Zrubādīg «охраняемый Зерваном-Брахмой» (соответствует скр. Brahmarakṣita- или Brahmapālita-) из *Zarwāpāt(i)yaaka-, ср. согд.-будд. 'zrw, — «Брахма»?

133 Скр. sandana- «лучший, превосходный»?

134 «Письменные произведения (*вэнь-цзи*) постепенно увеличиваются в числе и по объему превосходят (произведения) Су-ли», см. P. Pelliot, Tokharien et Koutchéen, стр. 50.

135 Thomas, стр. 2, fig. 1, стк. 5. Различия между *ипсилоном* и *тау* в этом тексте не вполне ясны — в стк. 3 можно читать](A)PTACO (Томас: oš ha[gu]), в стк. 4 и 5—] AN(или X?)OΓOP(O), в стк. 8—TO BO?

136 A. von Le Coq, Auf Hellas Spuren in Ost-Turkistan, Leipzig, 1926, стр. 82.

137 Ср. Humbach III, стр. 40—43.

138 A. von Le Coq, Koktürkisches aus Turfan, — SPAW, 1909, стр. 1049.

раннему времени (VII—VIII вв.?). Чтение, предложенное Хансеном, нуждается в некоторых уточнениях¹³⁹: *хи* (𐎠) устанавливается на основе ХОАДНО на эфталитских монетах (Хеннинг); *каппа* и *ламбда* выясняются из сравнения с другими памятниками бактрийского письма, хотя отличить К (𐎡) от Н (𐎢) не всегда удается; форму Θ по фотографиям фрагментов I—VI мне установить не удалось¹⁴⁰. Союз ОДО, известный по большой сурх-котальской надписи¹⁴¹, несколько раз встречается в берлинских фрагментах: III, 5; IV, 7; V, 3; VI, 2. Хумбах рассматривает ΔΟ (например, IV, 5; V, 5) как сокращенное написание ОДО (ср. в надписях Урузгана)¹⁴². Из местоимений, известных по сурх-котальским надписям, в берлинских фрагментах можно отметить лишь СИΔΟ (V, 3—контекст неясен; ср. АСИΔΟΖΟ, VI, 5, где -ZO—частица?) и относительно-указательное I (IV, 3, 7; V, 2). Артикль МО, восходящий к указательному местоимению *ima*¹⁴³, выступает в V, 5, хотя и здесь контекст и границы между словами остаются неясными: ΡΑΥΡΟΣΤΑΝΟ СИΔΟ ΜΟ. (Ο)ΖΙΔ(Ο?) [...«город, который этот...»]¹⁴⁴. Глагольные формы представлены, вероятно, в ОАРΔΟ (IV, 2); К(Ι)ΡΔΟ «(он?) сделал» (V, 6); ΔΔΔΟ ΜΙ (V, 4) «я установил» или «я дал»¹⁴⁵, напоминающее по конструкции ΚΙΡΔΟ ΜΙ в сурх-котальской надписи Паламеда¹⁴⁶; ΑΒΑΝΡΙΠΟ (из *upa-dāraya-, по форме 3 Sg. Opt.); ΣΤΙΓΗΠΟ (IV, 7, также, видимо, 3 Sg. Opt.); ΝΑΤΙΡΙΝΔΟ (VI, 2)—«они не идут» или «они не пойдут», из па- и формы от глагола *tir*-, известного в ягнобском. Причастная форма на -ака-отражена, по-видимому, в ΠΑΡΧΟΡΤΙΓΟ (I, 3) «выпрошенный, вымоленный» или «вытребованный»; активное причастие на -ап- в ΣΑΓΟΝΔΟ (IV, 2, 6). Существительные и прилагательные представлены в написаниях: ΡΑΥΡΟΣΤΑΝΟ «город» (V, 5)¹⁴⁷, ΒΑΓΟ «бог» или «господин» (IV, 5—.. ΒΑΓΟ

¹³⁹ Ср. Humbach III, стр. 31—34. В берлинских фрагментах Хумбах ищет те же бесконечные серии эпитетов, что и в большой сурх-котальской надписи, толкуемой им как гимн Митре.

¹⁴⁰ Ср. Humbach III, стр. 31—32.

¹⁴¹ О бактр. ОДО и ОТО ср. Harmatta III, стр. 444 и сл.

¹⁴² Humbach III, стр. 29.

¹⁴³ Benveniste, стр. 148.

¹⁴⁴ Ср. Hansen, стр. 93—94.

¹⁴⁵ ΔΔΔΟ из *dāta*-, ср. Humbach III, стр. 35, прим. 91.

¹⁴⁶ Henning III, стр. 52, прим. 1; ср. Benveniste, стр. 151.

¹⁴⁷ Hansen, стр. 93—94.

«.. богов», весьма вероятно С ВАГО «100 богов»¹⁴⁸; ВАГАН-ГО «божественный» (IV, 3; согд. βγ'пук); КАРАНО (V, 2)—Obl. Pl. от kāga- «народ» или прилагательное «чистый» (ср. в большой сурх-котальской надписи); JXPAHANO (IV, 8)—Obl. Pl.; ПОДАГО (I, 2)—«явный, очевидный»?; ГАРО «гора» (V, 3, следующее слово — ΔΟΗΛΑΝΟ); ΓΑΒΙСО (V, 6; VI, 1), возводимое Хумбахом к hu-paisa-; ХОАВО «сон?» (VI, 5; авест. hvarah- должно было отразиться в бактрийском как ХОВО); НАМІГО «знаменитый» (III, 1, ср. ср.-перс. nāmīg); NIMO (VI, 5) «половина, сторона», авест. paēma-¹⁴⁹; ФАОАРДО (IV, 5) из *frawarti-(?)¹⁵⁰; ОРГІРДО (VI, 3). Предлог АСО «из», известный по большой сурх-котальской надписи, может быть распознан в IV, 4 и 5. Местоименное наречие ТАДО представлено в стк. 4 фрагмента VI (так читать вместо ГАДО у Хумбаха). ОТО, вариантная форма союза ОДО, выступает, как можно судить по транслитерации Хумбаха, несколько раз в фрагменте VII (чтение Хумбаха — ОГО).

Большого следует ожидать от бактрийского рукописного текста манихейским письмом, издание которого подготавливали М. Бойс и В. Б. Хеннинг¹⁵¹. Для этого текста Хеннинг уже отметил наличие местоименных и наречных форм, столь характерных для большой сурх-котальской надписи (CІАО, KІАО, ТАДО, ТАДНІО, ОТНІО)¹⁵².

Развитое курсивное письмо представлено в надписи на черепке, найденном при раскопках замка Занг-тепе, в 30 км к северу от Термеза¹⁵³. В этой надписи (рис. 45) сохранилась лишь часть 6 строк, начало всех строк и конец строк 1—2, 4—6 отсутствуют:

(x+1) | ГО |
 (x+2) | (P.) Z < P > ОДОГО¹⁵⁴ |
 (x+3) | (Г) О МО М (А) Р (О) |
 (x+4) | ОТО (Р) [·] (О) |

¹⁴⁸ Hansen, стр. 87. В стк. 3 фрагмента VI слова ВАГО я не нашел, ср. Н. W. Bailey, Kusanica, стр. 422, прим. 2.

¹⁴⁹ Ср. Humbach III, стр. 42.

¹⁵⁰ Hansen, стр. 92. Или читать ФАДАРДО (ОДО), из fratarā?

¹⁵¹ См. Mary Boyce, A catalogue of the Iranian manuscripts in Manichean script in the German Turfan collection, Berlin, 1960, стр. 69 (Tlz 1224), 150.

¹⁵² Henning III, стр. 55, прим. 8.

¹⁵³ Об этом памятнике см.: Л. И. Альбаум, Раскопки замка Занг-тепе, — ИМКУ, 1963, вып. IV, стр. 74; его же, Занг-тепе, — ИМКУ, 1965, вып. VI, стр. 87—108. Публикации фрагментов санскритских текстов на бересте (VI—VII вв.), обнаруженных в Занг-тепе: М. И. Воробьева-Десятовская, Находка санскритских текстов в Средней Азии, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 93—97; Г. М. Бонгард-Левин, М. И. Воробьева-Десятовская, Э. Н. Темкин, Фрагменты санскритских рукописей из Занг-тепе, — ВДИ, 1965, № 1, стр. 154—162.

¹⁵⁴ Ро дописано над строкой.

(x+5)](K?)[](A...O)[
(x+6)](MIGO)[

К наиболее поздним из известных в настоящее время памятников бактрийского письма¹⁵⁵ относятся три вырезанные на камне надписи, обнаруженные в Северо-Западном Пакистане, в долине р. Точи (между Идаком и Спинвамом), и хранящиеся в Пешаварском музее. Эти надписи определил как бактрийские Р. Гёбль; в январе 1964 г. на XXVI Международном конгрессе востоковедов в Дели Гёбль и Хумбах сделали сообщение об этих памятниках, в частности об их датах. В конце 1964 г. появилась предварительная публикация¹⁵⁶. Прочитанные издателями даты — надпись В — X : A : B : (632), надпись C-1 — X : A : E : (635), надпись C-2 — X : [A :]E : (635) — при сопоставлении с датами арабской и санскритских надписей, обнаруженных рядом с бактрийскими¹⁵⁷, должны быть, по-видимому, отнесены к IX в.¹⁵⁸, хотя вопрос о том, представлены ли в датах бактрийских надписей эра Канишки (как утверждают издатели) или какая-то другая эра, не может считаться окончательно решенным. Фотографии надписей в предварительной публикации очень нечеткие, так что читатель вынужден пользоваться главным образом прорисовками Гёбля. В арабской надписи А, издававшейся уже ранее (М. Х. Курайши, М. Шафи), говорится о сооружении водохранилища. Санскритские надписи содержат развернутые даты и краткую вступительную формулу, во второй санскритской надписи упоминаются также какие-то лица, контекст неясен. Бактрийские памятники Точи Хумбах пытается толковать так же, как и большую сурх-котальскую надпись и берлинские фрагменты, — в надписи В он находит «члена клана Коровы», «потомка Фрома», «стража надписи» и т. д.; в надписи C-1 Хумбах видит сообщение о сооружении kaldo для Ормузда и Митры¹⁵⁹, причем главное действующее лицо здесь некий Kužān, «член клана Коровы» и одновременно «член дома Кагана», он же «владелец коров», «звезда» и т. п. Судить о реальном содер-

¹⁵⁵ В работах последних лет неоднократно сообщалось об эфталитских надписях, обнаруженных Дж. Туччи (G. Tucci). Эти надписи, насколько известно, еще не опубликованы. Ср. Fr. Altheim und R. Stiehl, Die Araber in der alten Welt, Bd I, Berlin, 1953, стр. 250 (см. теперь: H. Humbach, Two inscriptions in Graeco-Bactrian cursive script from Afghanistan, — «East and West», NS, Roma, 1957, vol. 17, № 1—2, стр. 25—27).

¹⁵⁶ A. H. Dani, H. Humbach, R. Göbl, Tochi Valley inscriptions in the Peshawar Museum.

¹⁵⁷ Вторая санскритская надпись на одном камне с бактрийской В; первая санскритская вместе с датированной, полностью сохранившейся арабской надписью А; бактрийские C-1 и C-2 на том же камне, что и фрагментированная арабская надпись.

¹⁵⁸ Дата арабской надписи А — пятница, 13 джумада I 242 г. х. (856 г.).

¹⁵⁹ KAAAO в большой сурх-котальской надписи — наречие «когда».

жании этих надписей можно будет только после публикации четких и надежных их воспроизведений. Если сопоставить прорисовки Гёбля с опубликованными фотографиями, то для надписи В верными кажутся лишь следующие чтения: ХРОНО (и дата), МАГО, КІРАО, ФРОМАНО («приказ», а не «a scio-
of-Fromo», как у Хумбаха); для надписи С-1: ХРОНО (и дата), МАГО, ФРОМАНО, КІРАО, ДО, КОРАНО (ро с тремя точками наверху), менее ясно ΩΡΜΙΖΔΟ и ΜΠΡΟ; в надписи С-2 — Χ[ΡΟ]ΝΟ, ΚΙΡΑΟ и, возможно, ΑΓΑΔΟ.

IV

Кара-тепинская надпись на черепке I (рис. 9а), выполненная монументальным письмом, была нанесена на целый сосуд и содержала скорее всего либо формулу, удостоверяющую принадлежность сосуда определенному лицу (донатору?), либо заклинание или благопожелание. Сохранившаяся часть — одна буква в 1-й строке (начало надписи) и двенадцать букв во 2-й строке — составляет, по-видимому, не более половины или даже трети всей надписи. Членение уцелевшей части стк. 2 на слова должно исходить из принципов бактрийской орфографии, как они устанавливаются по другим памятникам (гласный исход; наиболее обычный признак границы слова — *омикрон*):

¹Ε[]₂]ΒΟΖΑΧΦΑΙΟ ΒΑΓ[

Формы букв этой надписи находят соответствия в легендах кушанских монет и сурх-котальских памятниках. *Альфа* — закругленная, в одном случае она расщеплена в верхней части¹⁶⁰. *Бета* в начале стк. 2 остроугольная в нижней части (гораздо более широкой, чем верхняя); в ΒΑΓ[*бета* закругленная, одинаковая по ширине в верхней и нижней частях¹⁶¹. *Эпсилон* округлый, видимо, без верхней хвасты, средняя короче нижней¹⁶². *Зета* имеет закругленную нижнюю линию, не отходящую вправо (сходное начертание на монетах Васудевы — Göbl II, стр. 101, № 5). *Йота* прямая, без изгиба, как обычно на монетах и в Сурх-Котале. *Омикрон* овальной формы, заостренный кверху¹⁶³. Начертания *ипсилона* находят аналогию в Сурх-Котале (В, стк. 25 и М, стк. 10) и на монетах Вимы Кадфиза¹⁶⁴. Для Φ характерна почти прямоугольная левая часть при округлой правой¹⁶⁵. *Хи* имеет горизон-

¹⁶⁰ Ср. начертания *альфы* в большой сурх-котальской надписи [М' стк. 6(1), 25(1); В, стк. 14(2), 15(1,4), см. Göbl V, Taf. VII] и на монетах Хувишки (Göbl II, стр. 101, № 26).

¹⁶¹ Ср. Сурх-Коталь, В, стк. 18 и А, стк. 8.

¹⁶² Ср. Сурх-Коталь, В, стк. 4,7; А, стк. 10(2); М, стк. 4(2), 13.

¹⁶³ Иные варианты О в Сурд-Котале, ср., однако, М, стк. 24(2).

¹⁶⁴ Göbl II, стр. 103, № 4.

¹⁶⁵ Ср. Сурх-Коталь, В, стк. 4,5, а также монеты Хувишки (Göbl II, стр. 103, № 4).

тальную черту в верхней правой части — такая форма этого знака представлена в версии *М* большой сурх-котальской надписи ¹⁶⁶.

Наиболее вероятное восстановление начала 1-й строки — E[IAO] «это(т)», после чего следует ожидать, скорее всего, обозначение сосуда. Строку 2 В. Б. Хеннинг предлагает дополнить следующим образом: [A]BO ZAXΦAIO BAΓ[PO] — и переводит надпись «this... (belongs) to the share of Z.», ZAX-ΦAIO — имя собственное, *Zaxfay или *Zaxfay ¹⁶⁷. Иное восстановление надписи предлагает Я. Харматта в статье, публикуемой в настоящем сборнике ¹⁶⁸.

На черепке II (рис. 96) — остатки двух надписей: индийская, письмом брахми, от которой сохранилась лишь конечная акшара *суа*, и начало бактрийской — BOΔΔ[. Бактрийская надпись выполнена четким унциальным письмом, близким к дукту легенд кушано-сасанидских монет. Судя по сохранившейся акшаре, индийская надпись была сделана писцом-каллиграфом. Можно предпологать, вслед за Харматтой, что обе надписи были нанесены на сосуд одновременно и идентичны по содержанию. Они обозначали, по-видимому, дарителя, как это обычно для индийских надписей на сосудах. Реконструкция полного текста надписей на черепке II, предложенная Харматтой ¹⁶⁹, может показаться слишком смелой, однако находка на Каратепе в 1965 г. полной санскритско-бактрийской билингвы (публикация ее будет дана в другом месте) свидетельствует о близости кара-тепинских надписей на сосудах к аналогичным надписям из Северо-Западной Индии.

Как уже было отмечено, надписи-граффити, процарапанные на стенах пещер комплекса Б, сохранились не полностью. Начало и конец всех строк, как правило, отсутствуют. Трудности чтения этих надписей усугубляются тем, что на стенах имеются многочисленные трещины, которые очень часто почти невозможно отличить от начертаний букв. Это следует учитывать в полной мере при обращении к фотографиям и прорисовкам кара-тепинских граффити, сделанным на месте раскопок и публикуемым в настоящем сборнике. Более четкие фотографии удалось получить для надписей Б-7, Б-9 и Б-11, извлеченных из пещер и находящихся ныне в Эрмитаже. Однако даже в этих надписях иногда весьма нелегко отличить

¹⁶⁶ Стк. 7—10, 17, 19, 21, 23, см. Göbl V, Taf. XII.

¹⁶⁷ Письмо Б. Я. Ставискому от 23.12.1964 г. Хеннинг подчеркивает, что его толкование «is merely tentative».

¹⁶⁸ См. выше, стр. 38—39. Сомнительна интерпретация BAΓ[ΔO] как 3 л. ед. ч. желательного наклонения от *baṃ*-. В бактрийском кушанского периода, насколько можно судить по большой сурх-котальской надписи, этот глагол выступал в форме BOO—vūw- или vōw- (Maricq I, стр. 361; Henning III, стр. 54, прим. 9).

¹⁶⁹ См. выше, стр. 37—38.

трещины от линий букв, процарапанных очень неглубоко. Для кара-тепинских граффити в большей степени, чем для других надписей, важно стараться распознать целые слова, а не отдельные буквы. Мне это удалось лишь в очень немногих случаях; приводимые ниже попытки чтения должны соответственно рассматриваться как сугубо предварительные¹⁷⁰.

Надпись Б-1 (рис. 19а—прорисовка) расположена на северной стене северной входной ниши, ведущей в пещеру П-II комплекса Б. Сохранились четыре неполные строки, все без начала и конца, и слабые следы знаков в 5-й строке. Красивый крупный почерк; буквы Z, I, P спускаются далеко вниз, заходя на следующие строки. Унциальное письмо, округлые формы букв (исключение — остроугольная *альфа* в КАΛΔΟ, стк. 3). Насколько можно судить по распознанным буквам, соединяются направо A, B, Γ (стк. 2), Δ, K, Λ, M, P, C. *Омикрон* четко отличается от *альфы* и *дельты*. Промежутки между словами обнаружить трудно.

В стк. 1 слово ΩΡΟΜΟΖΔΟ было прочитано Б. Я. Стависким сразу после открытия надписи в сентябре 1963 г. Легко было заметить и союз ΟΔΟ, повторяющийся несколько раз. Я. Харматта, ознакомившись в Ленинграде с прорисовкой надписи, распознал в стк. 2 имя ΒΟΡΖΟΜΙΡΟ. Предлагаемое чтение¹⁷¹.

- 1 [(B)O(O)ΔΔΟΩΡΟΜΟΖΔΟΟ[Δ]ΟΜΙΡΙΟ[Δ]Ο(Δ/ΟΛ)[..](ΑΛ?)
- 2 Ο[ΔΟΟΡΔΟΓΟ(?)Ο(Δ)ΟΒΟΡΖΟΜΙΡΟΟΔΟΟΛΡ(Α?)ΖΑΔΙ(?)Ο)[ΔΟ...¹⁷²
- 3 [(Ο)ΔΟ.ΙΒΟΚΑΑΔΔΟΜΑΔΟΑΒΟ(Ο?)].[(..ΒΟ)]
- 4 [ΓΑΣΙΔΟ¹⁷³(CΟ?)ΜΑΡΟCΔΑΙ(?)Ι(....)]¹⁷⁴
- 5 [(B)Ι(...)Α(...)]

Стк. 1 начиналась, по-видимому, на уровне остальных строк, но левая ее часть пострадала очень сильно — здесь особенно много трещин в штукатурке. Над стк. 1 видны следы рисунка — процарапанные ромбик и линии, заходящие на

¹⁷⁰ Ср. чтения Я. Харматты, публикуемые ниже, стр. 82—120. Проф. Харматта, который мог пользоваться главным образом фотографиями, значительно расходится со мной не только в чтении, но и в определении числа надписей — я видел на стенах пещер Кара-тепе гораздо меньше, чем проф. Харматта на фотографиях. Ни в одной из надписей я не мог распознать с уверенностью выражение CΑΔΟ ΓΑΒΟ, играющее столь большую роль в реконструкциях Я. Харматты, равно как и титул ΧΟΑΔΝΟ, а также многие другие слова, фигурирующие в его чтениях. Можно полагать, что все бактрийские надписи-граффити в Кара-тепе — «посетительские» по содержанию, однако с достаточной долей уверенности выражение ΚΑΛΔΟ ΜΑΔΟ (ΑΒΟ)... «когда сюда (κ)... [пришли?]

¹⁷¹ Ср. чтение Харматты, см. ниже, стр. 83.

¹⁷² -ΟΑΡ(Ι)ΖΔΟ(ΟΔ)[Ο...(?]

¹⁷³ Вряд ли ΓΑΣΙΔΟ.

¹⁷⁴ -ΜΑΡΟCΔΑΙ(....)Ι(?)

строку. Чтение (B)O(O)ΔΔO в начале сохранившейся части стк. 1 кажется наиболее вероятным. Это написание может отражать бактр. $v(u)wād$, др.-ир. * $bawāti$, и в таком случае заключает первое предложение: «[] да будет!». Далее следует длинный ряд имен собственных, сохранившихся лишь частично. $\Omega POMOZ\Delta O$ здесь, как следует из контекста, имя лица, а не божества, ср. $\Omega POMOZ\Delta O$ в надписи на берлинской гемме, также имя лица. $M\dot{y}u$ в $M\dot{I}P\dot{I}$ искажено в левой части трещиной, но сомнений в определении знака у меня нет; в составе лигатуры $M\dot{I}$ $m\dot{y}u$ имеет сходную форму и в $WORZOM\dot{I}PO$ (ср. форму M в $\Omega POMOZ\Delta O$, $MA\Delta O$).

О содержании надписи можно строить лишь догадки. Судя по стк. 3, где в средней части сохранились слова $KAA\Delta O$ $MA\Delta O$ ABO «когда сюда к» известные по памятникам Сурх-Коталья¹⁷⁵, надпись следует рассматривать как посетительскую «Оромузд¹⁷⁶ и Мир и Д. [и...] и Ордог¹⁷⁷ и Бурзмйр и Варазд(?) [и... и...] и... когда сюда к..... [прибыли]», восстанавливая в конце стк. 3: ABO [... $\Gamma A\Delta O$]. В стк. 4 $CI\Delta O$, скорее всего, относительное местоимение, известное по большой сурх-котальской надписи. TA может быть истолковано как союз («пока, до тех пор как»), однако значение стк. 4 остается непонятным. $WORZOM\dot{I}PO$, засвидетельствованное в большой сурх-котальской надписи в более ранней форме $WORZOM\dot{I}P\dot{U}PO$, является хорошо известным именем собственным лица (ср. $Brzmt\dot{r}k$ в парфянских документах из Нисы). Форма $M\dot{I}P\dot{I}$ напоминает парф. $M\dot{r}y$, известное и как имя лица, однако объяснить эту форму трудно — после $O\Delta O$ ожидался бы $Nom.$ на $-O$, ср. $M\dot{I}PO$, $ME\dot{I}PO$, $M\dot{I}P\dot{U}PO$ и т. п. на кушанских монетах, а также $WORZOM\dot{I}PO$ в надписи¹⁷⁸. Быть может, в $M\dot{I}P\dot{I}$ следует видеть первую часть композиты ($M\dot{I}P\dot{I}O.OO\Delta O$)? Ясно, однако, что $\Omega POMOZ\Delta O$ и $M\dot{I}P\dot{I}$ выступают в надписи не как имена богов — ср. $\Omega PMIZ\Delta O \Delta O M\dot{I}PO(?)$ в надписи $C-I$ из долины Тохи¹⁷⁹.

Рядом с надписью Б-1, у входа в северный пещерный коридор, видны остатки еще двух надписей, отличающихся по почеркам от Б-1:

- а) $(x+1)|(ABO).[$
 $(x+2)|(B)[$
 б) $]AB(O)$

¹⁷⁵ Henning III, стр. 50, прим. 4; стр. 51, прим. 4.

¹⁷⁶ Ср. хот.-сакск. $urmay\dot{s}de$, йидга, мундж., сангличи $orm\ddot{o}zd$, но иш-каш. $remuz(d)$, хорезм. $remazd$ или $rema\ddot{z}d$.

¹⁷⁷ $\Omega P\Delta O\Gamma O = Ord\dot{o}g?$

¹⁷⁸ Ср., однако, в большой сурх-котальской надписи: $XIP\dot{O}MANO$ $KIP\Delta O$ AMO $WORZOM\dot{I}P\dot{U}PO$ I (в версии M ошибочно AMO) $KOZGAR\dot{K}I$ $POYPO$ AMO $ASTIAOGANZEPI$ (в версии B $\Upsilon ASTIAOGANZEIPO$) AMO $NOKONZIKI$ $KAPAAPATTE$ ($PI?$ в версии B — $KAPAAPATTI$).

¹⁷⁹ A. H. Dani, H. Humbach, R. Göbl, Tochi Valley inscriptions, стр. 133.

На той же северной стене, что и надпись Б-1, над ней, прослеживаются следы еще двух надписей, каждая из которых содержала по одной строке:

в)](.BO?)ΔΔO KΙΔ[O...

г)](.)[(O/A)(.)OBI[....]ΓA/OOA. AMO C/Γ[..](B)[

Надпись Б-2 расположена на северном пилоне арки в северном пещерном коридоре комплекса Б. Сохранились остатки трех строк (рис. 18в — прорисовка). По палеографическим данным надпись может быть отнесена к тому же периоду, что Б-1.

(x+?) 1(K)A(ΔΔ?)O MAΔO (ΓA?)[ΔO(?)...]

2 PA MO CI(?)O/ΔZ[Δ?]Δ(O.)[

3 TO (M)I(.O) (A)ΔO[

«Когда сюда пришел (?)..., радость (или Pām—и. с.?)...»

Надпись Б-3 (рис. 18а) расположена на южной стене южного пещерного коридора комплекса Б. Она содержала, по-видимому, только одно слово: BAΓOOAN(O). 5-й и 8-й знаки прорезаны трещинами. 3-й знак, скорее всего, *гамма*, менее вероятно читать этот знак как Υ или Т. 5-й знак не может быть сочтен за Λ, так что чтение BAΓOΛANO «храм» следует исключить¹⁸⁰. BAΓOOANO, вероятно, имя собственное лица, оно истолковывается буквально как «Бог-победитель», ср. MOZΔOOANO «Мазда-победитель» на монетах Канишки I, Mazdā vanō¹⁸¹. В BAΓO можно видеть синоним Митры (ср. βγυ = mtr в хорезмийском календаре), либо Вага-, вед. Bhaga-, «бог Бага»¹⁸².

В надписи Б-4 (рис. 17), начертанной на той же южной стене южного пещерного коридора комплекса Б, сохранилась лишь часть одной строки:]BΩZAN(O) — имя собственное.

В надписи Б-6 (рис. 18б) сохранилось целиком только одно слово:]C/Δ(?)[.]O PA PA(B)IPA O — имя собственное, др.-ир. *xšaθra-abiag-«обретающий царство»(?), вряд ли PA PA(B)IPA/O следует толковать как название месяца, др.-ир. *xšaθraha wāyāha, ср. PAOPHOPO на кушанских монетах. Очень немного сохранилось и от надписи Б-8 (рис. 15): (M)AO NAPA O N/KAPO[...] O(.....)N/KA(.)O[...]

На той же южной стене южного пещерного коридора видны фрагменты еще нескольких однострочных надписей (все разными почерками):

а) Γ/CAO C/ΓAPO (читать ΓAOCAP O, имя собственное Γāwsar?); примечательная форма po —; ∑;

¹⁸⁰ Невозможно и чтение BOPΔOANΔ[O], ср. bwld'wndy (персидская форма) в пехлевийских надписях на реверсах кушано-сасанидских монет, см. Bivar III, стр. 20 (со ссылкой на Хеннинга).

¹⁸¹ Maricq I, стр. 424; J. Duchesne-Guillemin, La religion de l'Iran ancien, Paris, 1962, стр. 240; ср. Humbach III, стр. 24.

¹⁸² W. B. Henning, A Sogdian god, стр. 246—254.

5) B(A)ON/K(O?)[...] (AΓAΔO)¹⁸³ (....)NAPPO;
 в) [(M)O A]

Несколько лучше сохранилась надпись Б-10 на той же стене, вблизи от входа в пещеру (рис. 19б — прорисовка). Здесь можно различить XPOHO — «год» и дату, обозначенную буквами (ср. в надписях из долины Точи):

X(P)O[N]O CA(?)¹⁸⁴ T/T(APO?A)P/PΓO O[ΔO] MIP[O OΔ]O
 OAAΓO «год 230 (?)»¹⁸⁵...

Трудно установить, сколько надписей было на северной стене северного пещерного коридора. Здесь можно различить, судя по почеркам, остатки по крайней мере одной большой надписи, содержащей несколько строк, и не менее трех других (Б-5, Б-9, рис. 16). От всех этих надписей сохранилось лишь очень немного:

а)]OPZ(O?)[]T[](B)A[.]AXTO K/NO(.) (Примечательна форма *po* — ↑).

б) 1](.A(M?)AO[
 2]AMAX(O) [MAAO(?)] ABO T(.A)ΔO¹⁸⁶
 «мы [сюда], к...»
 3](M?)AO[
 4]Z(A)(.)OA(?)O(.) (MO) I(?)BO(.)[](.A)BO[.](B)[.]
 (O?)T(A?.)[](O) (A)BO[

в) MA(?)O OAPX(P)[10—12 знаков] AΓ(A)ΔO[]O Φ(.)
 [7—8 знаков](...)[.]O T/TAPΓO (.)[.]A[8—10 знаков](A)BO AZA/Δ(A)ΔO¹⁸⁷

«Месяц Вархр[ан?...], пришел (или пришли)...»

г)]O C(?)APΔ(O)... «год... (?)...»

На той же северной стене расположена и наиболее курсивная из кара-тепинских надписей-граффити — Б-11 (рис. 10, 11). Справа от нее, на том же уровне от пола, находится среднеперсидская надпись (парсик), содержащая дату: XX XX XX «[год] 60», что соответствует, скорее всего, 368-69 г. н. э. (60-й год Шапура II)¹⁸⁸. Не исключено, что бактрийская надпись Б-11 относится к тому же периоду, что и среднеперсидская. Чтение надписи Б-11 (она хранится ныне в Эрмитаже) остается во многом неясным. Стк. x+1 написана более мелко и, по-видимому, принадлежит другой надписи:

(x+1)](B?)AΓO ΦPAKA(ΔO)¹⁸⁹.

¹⁸³ Так!

¹⁸⁴ Или TA, TE, AE?

¹⁸⁵ 330?

¹⁸⁶ Чтение T(T)APO (vihār) невозможно.

¹⁸⁷ Чтение AZA(A)NO вряд ли возможно.

¹⁸⁸ Об этой дате см. выше статью В. Г. Луконина и замечания В. Б. Хеннинга, стр. 46, прим. 24.

¹⁸⁹ Или ΦPAKA(ΔO); 6-й знак сохранился очень плохо.

(x+2)](O)AN/KO OITO¹⁹⁰ BAΓP(OO/Δ)¹⁹¹.
 (x+3)(.)PI[(.Γ)AMAΓO(.)]
 (x+4)O?]APZ(?)O(O)ΔO CΔΔOΓAΦO(?)¹⁹² OΔO
 (x+5)](B?)AΓO AACKAΔOMIΓ(?)O BAΓO (O)Γ[
 (x+6)BA]IΓ(?)O TO(M?)

Надпись Б-7, начертанная на южной стене северного пещерного коридора, содержала не менее трех строк (рис. 13, 14), начало и конец разрушены. Курсивное письмо; как и в надписи Б-11, в нескольких случаях можно различить промежутки между словами. Надпись Б-7 также хранится в Эрмитаже, однако и после реставрации отличить линии знаков от многочисленных трещин в стене весьма трудно:

(x+1)](P?O/AΓAPANO?) MO(?) BAΓO (ABO?)
 (x+2)(ABO?)¹⁹³ P(?)OΓ/CΔΔO¹⁹⁴ (A)ΓAΔO¹⁹⁵ A[B?](O)
 A(Δ?)Δ/AO...ABO A...ABO(...)]
 (x+3)ABO OICΠ(?)O¹⁹⁶ AAPANO¹⁹⁷ KAPAN(ANO?)¹⁹⁸

В стк. 3—«со всеми владельцами границ?»

Выше, правее и ниже Б-7 можно различить несколько букв — жалкие остатки надписей.

Немногие слова и словосочетания, которые удалось пока прочесть и истолковать в кара-тепинских надписях-граффити, указывают на то, что эти надписи, как правило, оставлены посетителями пещер в период, когда жизнь в монастыре прекратилась. Надписи содержали имена пришельцев, иногда — даты, а в некоторых случаях также формулы, включавшие в себя оборот KAΔO MAΔO (A)ΓAΔO «когда сюда пришел (или пришли)». По крайней мере в нескольких случаях содержалось и обозначение пещерного комплекса или наименование местности (MAΔO ABO... «сюда к/в...»), однако ни в одной из надписей это слово мне не удалось прочесть.

Об особенностях письма кара-тепинских граффити можно составить некоторое представление по палеографическим таблицам, публикуемым в настоящем сборнике (рис. 22).

¹⁹⁰ Или OITO?

¹⁹¹ Менее вероятно BAΓO/A(ΔO).

¹⁹² CΔΔOCAΦO, ΓAΔOΓAΦO, CΔΔOTAΦO?

¹⁹³ OΔO?

¹⁹⁴ Второй знак в этом слове напоминает Φ, однако более вероятно видеть здесь O, прорезанное вертикальной линией, не относящейся к надписи.

¹⁹⁵ ΓAΔO?

¹⁹⁶ OICANO?

¹⁹⁷ ΓAPANO? Ср. начертания Γ в рукописном фрагменте, хранящемся в Британском музее.

¹⁹⁸ Слева от K трещина, так что на фотографии знак похож M.

J. Harmatta

THE BACTRIAN WALL-INSCRIPTIONS FROM KARA TEPE

My treatment of the Bactrian wall-inscriptions from Kara Tepe has a long history. Originally there were only three inscriptions (B-1, B-8, B-10) the photos of which were kindly sent me by Professor V. A. Livshits and Professor B. J. Stavisky. I wrote, indeed, a paper in June 1965 and in this I tried to give a preliminary reading and interpretation of the three inscriptions on the basis of the photographs. Afterwards, as I visited Leningrad again in October 1966, during my talks with Professor V. A. Livshits it became clear that the photographs placed at my disposal gave no sufficient basis to read and interpret the inscriptions reassuringly. In some cases the characters were indistinct, while in other instances they could hardly be distinguished from accidental scratches. Moreover, the photographs did not show the complete inscriptions. Taking all this into consideration I regarded a revision of my tentative readings and interpretations necessary. In this work Professor V. A. Livshits kindly came to my support with his better photos, drawings and observations made on the basis of repeated investigations of the original inscriptions at Kara Tepe. With joint efforts we studied thoroughly almost all inscriptions, two major ones (B-7 and B-11) separated from the walls of Kara Tepe and brought into the Hermitage in original, too. In this way we succeeded to establish the readings of all inscriptions with more or less certainty. As it seems, in some cases a repeated investigation of the originals will be unavoidable. We did not seek after a complete agreement in the reading of the inscriptions at any cost. Nevertheless, part of the readings can be regarded now as reassuringly established. Restricting himself to establish the text of the inscriptions, Professor Livshits friendly asked me to undertake the interpretation of the established texts. This privilege essentially widened and at the same time it rendered more difficult my original task. But only by a comprehensive study was it possible to clear up the sense of the inscriptions to a certain extent. For all kindness of Professor V. A. Livshits I should like to express my sincere gratitude at this occasion, too. I owe much thanks also to Professor B. J. Stavisky who informing about some details and finds of the excavations

gave me valuable support to the interpretation of the inscriptions.

Inscription No. 1 (Б-1, fig. 19a, for the reading of the inscription cf. V. A. Livshits, p. 77, above). I propose the following reading and interpretation of this inscription:

line 1 (ΚΑΔΑΓΟ) ΒΑΥΑΔΟ ΩΡΟΜΑΖΔΟ ΟΔΟ ΤΙΡΙΑΔΟ Ο
2 ΔΟ ΟΑΡΑΓΟ ΟΔΟ ΒΟΡΖΟΜΙΡΟ ΟΔΟ ΟΑΡΑΖΑΓΑΝΟ
3 ΟΔΟ ΖΑΖΒΟ ΚΑΛΔΟ ΜΑΛΟ ΑΒΟ CΑΔΟ ΓΑΒΟ ΓΑΔΟ
4 ΑCΙΑΔΟΖΟ ΜΙΡΟΛΛΑΔΟ ΓΑΔΟ
5 [ΩΡΟΜ](ΑΖ)ΔΟ ΖΟΥΔΟ ΖΑ(CΤ)Ο
6 [ΓΜΙ](Ρ)ΟΔΑΔΟ

Remarks on the reading.

Line 1. (ΚΑΔΑΓΟ) uncertain but taking into consideration that the other lines of the inscription begin along the same vertical, we must still suppose the existence of one word before ΒΑΥΑΔΟ. The surface of the wall is broken here, but there can be seen some faint traces of letters which I propose to read as (ΚΑΔΑΓΟ). Instead of ΤΙΡΙ- V. A. Livshits prefers the reading ΜΙΡΙ-

Line 4. The beginning of this line was read by V. A. Livshits as ΤΑCΙΑΟ (CΟ?). On the photographs being at my disposal, however, I can only observe ΑCΙΑΟ and then fairly clearly ΖΟ.

Line 5—6. The photographs being at my disposal do not contain the beginnings of these lines. My restoration is, therefore, only a stopgap one and perhaps it is unnecessary.

I suppose that we have to do properly with two inscriptions. On account of the different writing-character, lines 1—4 can be regarded as one inscription, while lines 5—6 obviously represent another, perhaps, earlier inscription.

Remarks on the interpretation.

The first inscription obviously contains a series of names. As it seems, there are listed six names: ΩΡΟΜΑΖΔΟ, ΤΙΡΙΑΔΑΔΟ, ΟΑΡΑΓΟ, ΒΟΡΖΟΜΙΡΟ, ΟΑΡΑΖΑΓΑΝΟ, ΖΑΖΒΟ. The first item, ΩΡΟΜΑΖΔΟ is well-known, but its spelling is remarkable. On the coins of the Kušāna king Huveška this name still appears in the spelling ΩΡΟΜΟΖΔΟ¹. The legends of the Kushano-Sassanian coins present the form ΟΥΡΟΜΟΖΔΟ², while the same form as in the inscription discussed from Kara Tepe occurs on the gem being kept in the collection of the Vorderasiatisches Museum in Berlin³. On the basis of these evidences it can be stated that the name *Ohrmazd* had at least

¹ Maricq I, p. 427.

² Herzfeld, pl. I, fig. 5.

³ P. Horn und G. Steindorff, *Sassanidische, Siegelsteine*, Berlin, 1891 (Königliche Museen zu Berlin: Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen, H. IV), Taf. VI, № 1620. As regards the different forms of the name *Ohrmazd* cf. Ghirshman II, p. 106.

three variants in Bactrian: *Ōhromozdo*, *Ohromozdo* and *Ōromozdo*. From the view-point of phonological history from among these variants the form *Ōromozdo* seems to be the latest one, for in this form the sound *-h-* before the *-r-* already disappeared. This phenomenon of the history of the Bactrian language can be regarded as characteristic for inscription in its entirety. It can also be observed in the case of the spelling of the name *Mihro*. The old form of this name in Bactrian seems to be *MIPO* read on the coins of the Kušāna kings, while in the Kara Tepe inscription the spelling *MIPO* occurs. A similar shortening of the long *-ī-* (*-ihr* > *-īr* > *-ir-*) took also place in the name *TIPI*: *Tīri* > *Tiri*.

The second name *TIPIΔΔΔO* raises some interesting problems. The form is in itself clear: it corresponds to Parthian *tyrydt*, *Tiridates* (in Latin sources) the phonemic form of which can be restored as **Tiridāδ* or **Tiriδāδ* in the IIIrd century A. D. This almost full identity of the forms of Parthian **Tiridāδ* and Bactrian **Tiriδāδo* is striking, for we might await properly a form **TIPOΔΔΔO* in Bactrian. Consequently, we may suspect that the form *TIPIΔΔΔO* does not reflect a Bactrian name, but it represents a Western Iranian form. On the basis of this recognition we can also presume the same case in connection with the name *ΩPOMAZΔO* discussed before.

If its reading proves to be correct, the name *OAPATO* represents probably the short form of a name composed obviously with *vara-* 'ram' (Old Iranian **varan-*, cf. Wakhi *var* 'ram', while Middle Persian *wlkw*, Modern Persian *barre* go back to an Old Iranian form **varnaka-*). As a parallel Avestan *varaka-sāna*⁴, a patronymic derivative from the personal name **vara-kasa-* 'keeper of the sheeps, shepherd' may be quoted.

The fourth name *BOPZOMIPO* is already well-known in the form *BOPZOMIPO* from the Great Bactrian inscription found at Surkh Kotal⁵. From the view-point of phonological history *BOPZOMIPO* is to be regarded as a later form. In this case, too, however, we can raise the question, whether the name *BOPZOMIPO* does not represent a Western Iranian **Burzmihr* in a slightly Bactrianized form (> *Burzomiro*).

The following name *OAPAZATANO*, too, can be interpreted without any difficulty. On the Parthian ostraca from Dura-Europos there occurs the form *wr'zk* **Varāzay*⁶ and this name belongs to the group of the most popular Iranian names⁷. Here we have to do with a patronymic formation well-known from Western Iranian but used as a personal name. As to this name we can

⁴ Air. Wb., Sp. 1364.

⁵ Harmatta III, p. 468.

⁶ Harmatta, Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos, — Acta Ant. Hung., 1958, t. VI, S. 103.

⁷ Cf. Justi, S. 348 sq.

reckon again with the possibility that it represents a Western Iranian **Varāzaṛān*.

The last name ZAZBO has a somewhat surprising form hardly known in Iranian onomastica so far. As regards its interpretation, perhaps we may refer to Avestan *zazvah-*, past participle of the verb *haz-* 'to win, to be strong, victorious'⁸. Thus this name belongs semantically to the type of names like *Vonones*, *Pērōz* etc. 'Victorious'. Contrary to *ΩPOMAZΔO*, *TIPIΔΔO*, *BOPZOMIPO* and *OAPAZAΓANΩ*, the name ZAZBO seems to be a properly Bactrian or in any case an Eastern Iranian form.

After the name ZAZBO there can be read the phrase *KAAΔO MAΔO* (first recognized by V. A. Livshits) 'when here'. Both words are already known from the great inscription found at Surkh Kotal⁹. Obviously, here begins a new sentence, consequently we must seek for the predicate of the first sentence in the words read before *ΩPOMAZΔO*. Here we read two words: (*KAAΔO*) *BAΓAΔO* the second of which can be identified with great probability: it represents the 3rd pers. sg. subjunctive of the verb *BAΓ-/BOO-* 'to be', i. e. *βavādo* restored in the form *BAΓ[AΔO]* also in the inscription on the potsherd treated above. In connection with this verbal form the first word (*KAAΔO*) must be regarded as a predicative complement. If we seek for the sense of this word, on the basis of Ossetic *kadā* 'honour', *Kuṣāṇa* (*KAAΔA* 'honoured' (in the name *KAAΔAΦEΣ*)¹⁰ the interpretation 'honoured' offers itself. Thus the first part of the inscription can be interpreted as follows: "May be honoured *Ōromazdo* and *Tiriðādo* and *Varaṇo* and *Borzomiro* and *Varāzaṛāno* and *Zazbo*".

Concluding on the basis of the first words *KAAΔO MAΔO* 'when here' we must regard the second sentence as a clause of time. As predicate of this clause of time the word *ΓA(ΔO)* read at the end can be taken into consideration. This may be the Bactrian development of Old Iranian **gata-* 'come; went'. Thus the structure of the clause will be the following: "when (they) came here...". If this interpretation turns out to be right, then the remaining phrase *ABO CAΔO ΓA(B)O* can only be an adverbial modifier specifying more exactly the word *MAΔO* 'here'.

The first element of this phrase is well-known from Surkh Kotal where it represents two different words, viz. *ABO* 'to, into' and *ABO* 'water'. Here, in an adverbial phrase the preposition meaning 'to, into' can only be taken into account.

The second word also occurs at Surkh Kotal in the meaning 'well'. Besides this word *CAΔO*, however, there can be supposed two other words with the same spelling but with different mea-

⁸ Air. Wb., Sp. 1795.

⁹ Harmatta III, pp. 427, 459.

¹⁰ H. W. Bailey, *Irano-Indica* III, — BSOAS, 1950, vol. XIII, pt 2, p. 396.

nings *viz.* CAΔO 'hundred' (Old Iranian **sata-*) and perhaps CAΔO 'whole, all' (cf. Sogdian *s't*, Armenian *satak* etc). Of course it cannot be decided in advance which of the three words is to be supposed in this passage of the Kara Tepe inscription. This problem can only be solved by the help of the context. Being a more exact specialization of MAΔO 'here', the phrase ABO CAΔO ΓA(B)O must denote the cave-sanctuary complex of Kara Tepe. Surely we can suppose, therefore, that the expression CAΔO ΓA(B)O is the denomination of the Kara Tepe cave complex. It follows that the word ΓA(B)O must have the meaning 'cave'. This result can excellently be supported by linguistic evidences. On the basis of Middle Persian *gaʒ(gwb)*, Modern Persian گُو 'hollow' (noun) we can suppose an Old Iranian form **gaba-* meaning 'cave, hollow'. Even more important is the evidence of the corresponding Old and Middle Indian word *gabha-* being a term for 'cave, cave-cell' which often occurs in cave donative inscriptions. There are mentioned caves with two or more residential cells called *bigabha*, *catugabha* and *pañcagabha*¹¹ as well as frontages of caves termed *gabhadāra*¹². The testimony of the Indian data is of great importance for the excavation of the Buddhist cave-dwellings and cave-sanctuaries at Kara Tepe stood undoubtedly in connection with the similar building practice in India.

On the basis of the above-said the meaning 'cave' of the Bactrian word γαʒο can be considered sufficiently proved. As to the adjective CAΔO qualifying γαʒο 'cave' we can make the choice of the different possibilities now easier. Surely the word CAΔO 'well' can be excluded as it does not fit into the context entirely. From among the remaining two other words, *viz.* CAΔO 'hundred' and CAΔO 'whole, all' the existence of the latter in Bactrian cannot be proved, while the former is to be regarded as a common Iranian word. Besides, it would be not clear why the author of the inscription would have emphasized that the visitors came to the "whole" cave and to "all" caves respectively. Thus we can suppose with great probability that in the phrase ABO CAΔO ΓA(B)O we have to do with the word CAΔO 'hundred'. After all the discussed phrase can be interpreted as "to the Hundred Caves". This denomination was obviously the current name for the Kara Tepe caves in the IIIrd century A. D. Similarly the ruins of Persepolis bore the name *Satstūn* 'Hundred Columns' in Sassanian times. As a further instance of similar names the denomination 'Caves of the Thousand Buddhas' can be referred.

Accordingly the whole text of the inscription runs as follows: "May be honoured Ōromazdo and Tiriðādo and Varaγo and Borzo-

¹¹ Cf. Lüders I, № 998, 1127.

¹² Ibid., № 1090, 1092, 1156, 1197.

miro and Varāzaṛāno and Zazḅo, when they came to the 'Hundred Caves' ". Another, but from syntactical view-point at all events less likely possibility would be to relate the words OAO ZAZBO to the beginning of the inscription and to connect them with the phrase (KADAI'O) BAYADO. In this case the sense of the passage would be the following: „May be honoured N.N.... and (may be) victorious!”.

Whichever of these interpretations may be right, in any case the discussed inscription represents a well-known type of Iranian epigraphic records. Here it will suffice to refer to the two Pārsik inscriptions at Persepolis and to those found in the synagogue of Dura-Europos. The main constituents of this type of record can well be observed on the following instances:

1. Persepolis I: ₁ BYRH spnd <r>mt MDM ŠNT II mzdysn bgy šhpwḥ<r>y MLK'n MLK'...₂... 'MT šhpwḥly sk'n MLK' hndy ₃]W]skstn Wtwrst<n>'D YM' dnby...₅... PWN krpkhyh LTNH 'L ststwn Y'TWN...₁₀'Pš šhpwḥry MLK'n MLK' 'plyny krty 'Pš NPŠH₁₁ 'RHY' 'plyny krty...

“In the month *Spandārmaḍ*, in the 11nd year of the Mazda-worshipping Majesty *Šāhpuhr*, the King of Kings... when *Šāhpuhr*, the Saka King of Hind and Siṛistān and Turastān up to the shore of the sea... piously came here to *Satstūn* ('Hundred Columns'=Persepolis)... And he gave blessing to *Šāhpuhr*, the King of Kings and he gave blessing to his own Majesty...”.

2. Persepolis II: ...₄... 'Pm ₅ 'plyny krty 'YK šhpwḥly ZY MLK'n MLK' GBR'n p'lsomy 'nwšky...YḤWWNt Wšhpwḥly ZY sk'n MLK' 'LYK YḤW't...

“And I gave a blessing that *Šāhpuhr* the King of Kings, the first of men be immortal... and that *Šāhpuhr* the Saka King live long...”.

3. Dura-Europos, Synagogue inscription No. 43¹³: ₁ BYRH mtry MDM ŠNT ₂ X IIII WYWM '(twry) ₃ ['](MT) mtry ZY dpywr ₄ (Wpws)dy ZY lwky Y'TWN ₅ [ḤWHn]d 'Pšn ZNH BYT' ₆ [ndy-šy]t 'Pšn nk'ly ₇ [ZNH plm']t krtn[y] ₈ ['Pš]n ['p]lyny krty.

“(It was) month *Mihr* in the XIIIth year and day *Ādur* when *Mihr* the scribe and *Pusay* the messenger arrived. And they

¹³ I quote the text of the inscription according to my reading and restoration. For earlier attempts cf. A. Pagliaro, *Le iscrizioni Pahlaviche della Sinagoga di Dura-Europo*,—ARAL, ser. VII, Roma, 1942, vol. II, fasc. 12, p. 605 sq. and B. Geiger, p. 301 sq.

In a letter dated from the 7th June 1967 Professor V. A. Livshits kindly draws my attention to the Late Middle Persian inscriptions discovered in the caves at Kaṇheri (cf. E. W. West, *The Pahlavi Inscriptions at Kaṇheri*,—«The Indian Antiquary», Calcutta, 1880, vol. IX, pp. 265—268), which also offer a good parallel to the Bactrian inscriptions at Kara Tepe. Representing the records of Parsees visiting the caves in the XIth century A. D. these inscriptions usually contain—beside the date and the names of the visitors—the formula *PWN ŠM y yztn* and the phrase 'L ZNH gyw'k Y'TWNt ḤWHd.

inspected this synagogue and they have this picture made. And they gave a blessing."

By comparing the quoted texts the usual elements of these records can clearly be established. These are the following: 1. Dating. 2. Arrival to some building. 3. Inspection of some object (building, inscription etc.). 4. Blessing to himself or also to others. What we have to think of a blessing (*āfrīn*) it is clearly indicated by the quoted passage of Persepolis II: a prayer or a good wish that somebody may be long-lived, happy *etc.*

On the basis of these parallels we can state that the discussed inscription from Kara Tepe undoubtedly belongs to the same type of Iranian epigraphic records. As the only difference between the inscription from Kara Tepe and those quoted above the absence of a dating and of an explicit reference to the inspection of the caves can be observed. But instead of these constituents we find the contents of the blessing clearly expounded, while in many instances only a short reference to the blessing exists. This it becomes clear that the wish expressed in the inscription, viz. "May be honoured (*perhaps*: and victorious) N. N." properly represents a blessing and a prayer respectively.

In possession of these results won by the interpretation of the first three lines of wall-inscription No. 1 now we can turn to the treatment of the rest. Line 4 of the same inscription seems to be an additional one. In this context there appears still one proper name, viz. ΜΙΡΟΛΛΑΟ. The reading of this word is not quite sure. At first I read the fifth sign as N and V. A. Livshits, too, had the same opinion. I was, however, well aware of the difficulty of this reading and now I propose to read the discussed character as Λ. The form of this letter is somewhat different from that of the Α read in ΚΑΛΛΑΟ and ΜΑΛΛΑΟ, but this difference can well be explained by the different junction of the two Α. In ΚΑΛΛΑΟ and ΜΑΛΛΑΟ the joining stroke starts out from the upper part of the letter Α, while in the case of ΜΙΡΟΛΛΑΟ the joining stroke sets out from the bottom of the Ο. As a consequence the joining stroke runs in ΚΑΛΛΑΟ and ΜΑΛΛΑΟ horizontally, while in ΜΙΡΟΛΛΑΟ it goes obliquely upwards in an angle of about 45 degrees and accordingly it joins with the upper part of the Α.

It is also to be noted that the I in ΜΙΡΟ- is somewhat dubious. Perhaps we can also think of a reading ΜΑ- instead of ΜΙ-. But comparing the discussed letters with ΜΑ- in ΩΡΟΜΑΖΑΟ and even in ΜΑΛΛΑΟ, we can exclude this possibility reassuringly. The surface of the wall is broken on this place and only the upper part of the I remained intact.

If after all these the reading ΜΙΡΟΛΛΑΟ turns out to be correct, it may represent the properly Bactrian development of the Old Iranian personal name **Miθra-dāta*-(> *Mirolādo*). The word ΛΑΛΛΑΟ to be discerned clearly enough after ΜΙΡΟΛΛΑΟ

can be taken as predicate ("he came"). Perhaps there stood even behind ΓΑΔΟ still one word beginning beneath ΑΒΟ of line 3 and ending beneath of the first letters of CΑΔΟ. These faint and badly damaged characters can possibly be interpreted as (ΜΑΔΟ). Thus the sentence runs as follows: "... Mirolādo came here". In the beginning the word ΑCΙΔΟ, if correctly read, could be the same as ΑCΙΔΟ in the great inscription from Surkh Kotā¹⁴. The meaning of this word could be established as 'at the same time, together'. As regards the word ΖΟ following ΑCΙΔΟ, we can identify it with the element -CO in ΦΟΡΔΑΜCΟ¹⁵, i. e. we can consider it the Bactrian development of the Old Iranian particle *ča*, the initial consonant of which became voiced in sandhi. This phenomenon can also be observed in Hephthalite Fragment 7, lines 4 and 8, where the phrase ΠΑΚΡΑΖΑΝΖΟ 'just of the *rākṣasa*-s' occurs two times¹⁶.

After all line 4 can be interpreted as follows: "At the same time came Mirolādo, too". If this interpretation proves to be correct, it can be presumed that the scribe forgot to mention Mirolādo in the inscription at first and, therefore, he added still one line stating also the arrival of Mirolādo to the 'Hundred Caves'.

Inscription No. 2 (B-1, line 5). Because of its bad preservation and the uncertainty of its reading, the interpretation of the second inscription cannot be any more than a guess. If the reading and restoration of line 5 can be regarded as correct, then the predicate of the clause is obviously represented by ΖΑ(CT)Ο. This word might be a form of the past tense corresponding to the past participle *jasta*- of Old Iranian *gad*- 'to pray'. As the object of the verb the word ΖΟΥΔΟ can be taken into account. I connect this word with Avestan *zūtay*- 'call, prayer'. Obviously the subject of the clause can be sought in the first word [?ΩΡΟΜ]ΑΖΔΟ. Thus the sense of the whole sentence would be the following: "[?Ωrom]azdo said a prayer".

Inscription No. 3 (B-1, line 6). Line 6 possibly contains a proper name like [ΜΙ]ΡΟΔΑΔΟ, in this case in Western Iranian form. If the inscription ended with this word, then this personal name might be connected with Ōromazdo and in this case ΟΔΟ is to be restored before it: "[Ōrom]azdo [and Mi]rōdādo said a prayer". But there exists the possibility that the inscription even after [ΜΙ]ΡΟΔΑΔΟ continued. There are still some faint traces of letters after this personal name which formed perhaps a separate sentence. With all reserves I think of a reading (ΓΑΔΟ ΑΒ) [Ο] (CΑ) [ΔΟ ΓΑ] (ΒΟ) here. If this presumption will prove

¹⁴ Harmatta III, p. 443 sq.

¹⁵ Ibid., p. 433.

¹⁶ Not recognized by O. Hansen, Ein neues Hephthalitenfragment, — «La parola del passato», Roma, 1951, fasc. 20, p. 361 sq.

to be correct by an examination of the original, line 6 must be regarded as a separate clause and a different inscription meaning "[Mi]roḏāḏo came to the 'Hundred Caves'".

Inscriptions No. 4-5. By the side of the discussed inscriptions and above them there are encarved four or five further inscriptions. Two of them (B-1/a and B-1/6) are too fragmentary to be restored. Only the word ABO 'to' has been preserved from both inscriptions. But the structure of these inscriptions, too, was possibly the following: [N. N.] ABO C[ΔO ΓA]B[O ΓAΔO] "N. N. came to the 'Hundred Caves'".

Inscriptions No. 6. The two other inscriptions placed above the great inscription offer somewhat more possibility for the interpretation. The text of the first item (B-1/3) runs according to the reading of V. A. Livshits as follows (I had no possibility to control the reading on the basis of photographs):

(.BO?) ΔO KIΔ[O

I would incline to see in the first word (BAI') ΔO 'may be' read in several inscriptions in Kara Tepe. If this guess proves to be correct, then the inscription can be restored in the following way:

[N. N. KAΔAI'O] (BAI')ΔO KIΔ[O MAΔO ΓAΔO]

"May be honoured (or blessed) N. N. who came here".

Inscription No. 7. The remains of the other inscription (B-1/r) seem to be more hopeless. The reading of V. A. Livshits runs as follows:

[(.) O/A(.) OBI[....]ΓA/OO A.AMO C/I' [..] (B) [

On a photograph being at my disposal above the proper name TIPIΔAΔO in the upper right-hand corner of the wall I read the following text:] (Γ)AΔO AB[O] (CA)[. Perhaps this is the same inscription as read and referred under No. B-1/r by V. A. Livshits. In any case this fragment can obviously be restored in the following way:

[N. N. MAΔO] (Γ)AΔO AB[O] (CA)[ΔO ΓABO]

"N. N. came here to the 'Hundred Caves'".

Perhaps there exists also a second line of this inscription below the first one, but only some faint traces of letters can be seen.

Inscription No. 8. I suppose still the existence of a third inscription above the great one. Between the above discussed inscription and line 1 of the great inscription beginning above the Δ of ΩPOMAZΔO there can be read the following:

BOPZO(MIPO) [some faint traces of letters]

BOPZO(MIPO) is the same personal name as discussed before. Very likely this inscription too had the same structure and contents as the former ones: „Borzomiro came here to the 'Hundred Caves'".

Inscription No. 9. This inscription (B-2, fig. 18B) has again a longer text (for the reading cf. V. A. Livshits, p. 79 above). I propose the following reading and interpretation of it:

line 1 KAΛΔO MAΛO ΓA[ΔO]

2 PAMANOZAΔO

3 TA MAΛO ZA(C)[TO]

The reading of the end of line 3 is uncertain. The photograph being at my disposal does not contain the end of this line. After the O of MAΛO I see here a Z attached immediately to the O. A similar junction of a Z with a preceding O can also be observed in PAMANOZAΔO. The lower stroke of this Z runs through a broken surface. Then a clear A follows after which a vertical stroke, probably part of a C can still be discerned. Perhaps this is the same word ZACTO as in inscription No. 2 above.

The interpretation of the inscription does not involve any difficulty. PAMANOZAΔO is a new proper name not occurring before. It consists of Old Iranian **rāman-* 'God of Peace' and **zāta-* 'born, descendant', accordingly it means 'Born by the God of Peace'. As a conjunction with the meaning 'then' TA is well-known from the great inscription from Surkh Kotal. Thus the whole inscription can be translated in the following way: "When Rāmanozādo came here, then he prayed (=said a prayer) here".

Inscription No. 10. Above the former inscription very faint traces of another, probably older inscription can be observed. There can be read only the following words of it:

[KAΛΔO N. N.] (ABO CAΔO) [ΓABO ΓAΔO TA...]

"[When N. N. came] to the 'Hundred [Caves]', then...]"

Inscription No. 11. Below of inscription No. 9 there can be discerned some traces of an older inscription. This inscription started much more from the right-hand side than No. 9. The first letter discernible on the photograph is an A/O after which CA(ΔO) Γ(AB)O Γ[can be read. The upper part of B approximately coincides with a great break in the wall which badly damaged also MA of MAΛO in line 3 of inscription No 9. Probably this inscription too represents the type already well-known:

[KAΛΔO N.N. AB]O CA(ΔO) Γ(AB)O Γ[AΔO TA MAΛO...]

"[When N. N. ca]me to the 'Hundred Caves' [then he... here]"

Inscription No. 12 (B-3, fig. 18a, for the reading cf. V. A. Livshits, p. 79 above). The text of this short inscription runs as follows:

BAΓO OANO

The two words can be interpreted in different ways:

1. As a title and proper name. The word BAΓO is well-known in Bactrian as a title 'Lord' occurring also in Surkh Kotal in the phrase I BAΓO PAO 'the Lord King'¹⁷. OANO as a

¹⁷ Harmatta III, p. 430 sq.

name might be the Bactrian development of Old Iranian **vana-* 'victor, victorious' represented e. g. by Avestan *vanō.vispa-* 'triumphant over all'.

2. It might represent a proper name BAΓOOANO 'Triumphant over Baγo (or Lord or God)', but a name with such a meaning is hardly imaginable.

3. BAΓO might be a denomination for a god¹⁸ and OANO his honorific title: 'the victorious Baγo'.

Taking into consideration that in the inscriptions from Kara Tepe the word BAΓO occurs as a title 'Lord' before personal names several times, the first interpretation seems to be most likely.

Inscription No. 13 (B-4, fig. 17, for the reading cf. V. A. Livshits, p. 79 above). This inscription consists of two lines, but the photographs only permit to read a part of them:

ΓΑΦΟ ΒΩΖΑΝΟ

ΓΑΔΟ ΤΑ

In line 1 ΒΩΖΑΝΟ obviously represents a proper name. Perhaps it is the shortened form of a name like **Miθra-baujana-* (in Greek transcription Μιθροβουζάνης)¹⁹. In line 2 ΓΑΔΟ represents the predicate 'came' well-known from the inscription from Kara Tepe treated before. Between ΒΩΖΑΝΟ and ΓΑΔΟ we have probably to presume at least still one name: "...Bōzano [and N. N.] came...". ΤΑ might be the same word as ΤΑ 'when' in line 3 of inscription No. 9 (B-2). In this case the structure of the inscription can very likely be restored in the following way: "[When...] ΓΑΦΟ ΒΩΖΑΝΟ and N. N. came then [they prayed(?) here]]".

From this context it becomes clear that in ΓΑΦΟ the denomination of the site must be hidden. Accordingly ΓΑΦΟ might be an expression parallel with ΓΑΒΟ 'cave'. Thus this word can obviously be connected with Avestan *jafra-* and *jaiwi-* (in *jaiwi.vafra-*) 'deep' and Saka *gapha* 'open space, plains'²⁰. On the basis of the Iranian and Indian data we have probably to suppose in Indo-Iranian two cognate words, viz. **gabha-* (<**gmbh-*), **g'abha-* and **gapha-* (<**gñph-*), **g'apha-* respectively. As it seems there were formed some derivatives with the formative syllable *-ra-* from both words: **gaβra-*, **gafra-* on the one hand and **jafra-* on the other hand. Denoting the cave sanctuary at Kara Tepe the word ΓΑΦΟ too has very likely the meaning 'cave'.

On the basis of these considerations the text of the inscription can probably be restored in the following way:

line 1 [ΚΑΛΔΟ ΑΒΟ CΑΔΟ] ΓΑΦΟ ΒΩΖΑΝΟ

¹⁸ E. g. Mihr, hardly the alleged Baγ, recently supposed to have been existed by W. B. Henning, whose existence is, however, more than doubtful.

¹⁹ Cf. Justi, S. 209.

²⁰ For the Saka word cf. H. W. Bailey, The Sudhana Poem of Rddhi-prabhāva, — BSOAS, 1966, vol. XXIX, pt 2, p. 519.

2 [OΔO N. N.]ΓΑΔO TA [ΜΑΔO ZACTO(?)]

"[When] Bōzano [and N. N.] came [to the 'Hundred] Caves' then [they prayed (?) here]".

Inscription No. 14 (B-5 and B-9, fig. 16, cf. for the reading V. A. Livshits above, p. 80, B-5 and B-9, a). The following inscription presents many difficulties. Containing at least 8 but perhaps even 11 lines it represents 7—8 inscriptions actually. The reading of this complex of inscriptions is extremely difficult and consequently in some degree uncertain. Its text seems to be the following:

line	1]no photo	[	(O ABO CAΔO ΓABO ΓA]
	2]no photo	[	(KAAΔO MIPOΔAΔO)]
	3]no photo	[	[..] MAΔO ZA(CTO)]
	4]no photo	[	ΔΔO MI(P)A(N)O ΓAΔO MAΔ]
	5]OAPAYAPANO]	[	(BA)ΓO XOΔΔHO ΓA]
	6](BO) CAΔO ΓAB]	[	MI(PAN)O ΓAΔO (TA MAΔO) ZAC(T)]
	7](ΔΔO) ABO (CAΔO) ΓAB]	[	faint traces of letters
	8](T) ♀ Z MAΓO [...]	BO[.]	AXTO KAPANO MAΔO (Γ)]
	9]	[	(KAAΔO ABO CA)]Δ]O Γ]
	10]no photo	[	BOPZOMI(P)O M(Δ)]
	11]no photo	[	(Γ)A(BO) Γ(AΔO) T[.]A[.]O(Z)[...?]

As to the reading I have to remark that the text of lines 1—3, 7 and 9—11 is, of course, very uncertain. The letters are hardly discernible here, but the proposed reading seems to be, in any case, a possible one. The first word of line 5 and the last one of line 6 too are very faint. Accordingly the established text of this inscription complex does not reach the same degree of reliability as the other ones.

If line 1 is read correctly, its text means: "(N. N.) came to the 'Hundred Caves' ". Obviously the inscription was longer originally, we could, therefore, suppose that there existed one more line above line 1 to be seen on the photograph. In this case the text of the inscription could be restored in the following way:

[KAAΔO N.N. OΔO N.N. ?]

[MAΔ](O ABO CAΔO ΓABO ΓA)]ΔO TA MAΔO...]

"[When N. N. and N. N. ca]me [her]e to the 'Hundred Caves' [then they... here]".

Inscription No. 15. Lines 2—5 very likely represent a separate inscription. If the reading proves to be correct, then the sense of this text is clear. After MIPOΔAΔO the phrase [MAΔO ΓAΔO] is probably to be restored, while before MAΔO ZA(CTO) obviously [TA] fits into the context. Thus the inscription seems to have the following text:

(KAAΔO MIPOΔAΔO) [MAΔO ΓAΔO]

[TA] MAΔO ZA(CTO)

"When Miroδaδo [came here],

[Then] he prayed here".

Inscription No. 16. Line 4 must represent a separate inscription for in line 5 the predicate ΓΑ[ΔΟ] occurs again. Taking into consideration that inscription only consisted of one line, we can think of a restoration like the following:

[KA]ΔΔΟ ΜΙ(P)Α(N)Ο ΓΑΔΟ ΜΑΔ[Ο ΤΑ ΜΑΔΟ ΖΑCΤΟ?]

"When Mirāno came here, [then he prayed(?) here]".

Inscription No. 17. In spite of its fragmentary preservation this inscription is a very remarkable one. The two words read before the verb, *viz.* ΒΑΓΟ ΧΟΑΔΗΟ represent a very high title. ΧΟΑΔΗΟ can probably be regarded as the properly Bactrian denomination for 'king'²¹. Thus the phrase ΒΑΓΟ ΧΟΑΔΗΟ offers a parallel to the expression ΒΑΓΟ ΡΑΟ 'Lord King' or 'His Majesty the King' of the great inscription from Surkh Kotal²². Accordingly, the preserved passage of the inscription might be translated as follows: "His Majesty the King came" or "the Lord King came". On the basis of this interpretation we could suppose that some "King" came to visit the "Hundred Caves". This "King" could not be, of course, the Sassanian King of Kings, for he would undoubtedly bear higher titles as ΧΟΑΔΗΟ. We can rather think of a Viceroy bearing the title *šāh* (= ΧΟΑΔΗΟ) either of Bactria (= *Kušan šāh*) or of some other province of the Sassanian Empire (e. g. *Sakān šāh*). If this interpretation proves to be correct, then this inscription clearly testifies to the great interest for the Kara Tepe cave sanctuary complex shown by the Sassanian dignitaries.

Before the deep break in the wall surface the name ΟΑΡΑ-ΓΑΡΑΝΟ seems to be written. Between this name and the phrase ΒΑΓΟ ΧΟΑΔΗΟ perhaps the article [Ι] can be restored. Thus the text of the inscription would run: "Varaharāno [the] Lord King came...". In this context it is worthy to refer to the fact that among the Kushano-Sassanian coins there occurs a series which bears the legend ΒΑΓΟ ΟΑΡΑΓΑΡΑΝΟ ΟΑΖΟΡΚΟ ΚΟΡΑΝΟ ΡΑΟ. A. D. H. Bivar distinguishes even between two Varaharāno-s²³. Perhaps we can suppose that "Varaharāno the Lord King" mentioned in the inscription discussed was one or the other "Varaharāno Great Kušana King" to be supposed on the basis on the Kushano-Sassanian coin legends.

Very likely this inscription too was longer originally and at least it still contained after ΓΑ[ΔΟ] the phrase [ΜΑΔΟ ΑΒΟ CΑΔΟ ΓΑΒΟ] and perhaps even a reference to the blessing given by the "King" existed. In the latter case, however, we have to presume that the inscription began with the word ΚΑΔΔΟ. Accordingly we have two alternatives for the restoration, *viz.*:

²¹ Harmatta III, p. 431.

²² *Ibid.*, p. 430 sq.

²³ Bivar III, p. 27.

either (OAPATAPANO) [I] (BA)TO XOAAHO ΓA[ΔO MAAO
(ABO CAΔO ΓABO?)]

"Varaharāṇo [the] Lord King came [here (to the 'Hundred Caves'?)]"

or [KAAΔO] (OAPATAPANO) [I] (BA)TO XOAAHO ΓA[ΔO
MAAO (ABO CAΔO ΓABO?) TA MAAO ZACTO]

"[When] Varaharāṇo [the] Lord King came [here (to the 'Hundred Caves'?), then he gave a blessing]"

Inscription No. 18. From the following inscription (line 6) somewhat more has been preserved. The existing part of the inscription can be interpreted as follows: "To the 'Hundred Caves' Mirāno came, then here he said a prayer". On the basis of this context in the beginnings obviously [KAAΔO A] is to be restored. Thus the restored text runs as follows:

[KAAΔO A]BO (CAΔO) ΓAB[O] MIPANO ΓAΔO (TA
MAAO) ZAC(T)[O]

"[When] to the 'Hundred Caves' Mirāno came, then here he prayed".

Inscription No. 19. This inscription (line 7) has been preserved very badly. This is obviously to be ascribed to the circumstance that the inscription was an older one and both the inscription treated before and the following one were superscribed on it at least partially. The preserved part of the inscription can be restored as follows: [KA] (AΔO) ABO (CAΔO) ΓAB[O...] "When to the 'Hundred Caves'..." Concluding from this phrase we can presume that the inscription had the often occurring stereotype text.

Inscription No. 20. This inscription (line 8) raises many problems again. In the beginnings of the inscription a puzzling difference between the first three letters and the subsequent ones can be observed as regards their dimensions. The first three letters have a much greater shape and they are unconnected, while the subsequent ones have much smaller dimensions and they are written in continuous script. Of the first three letters only the reading of the third one does not raise any problem. It is a clear Z. The second letter has a triangular head from which — from the middle of its bottom — a vertical stroke starts. This letter cannot be a P for in this case the vertical stroke should have to start from the left-hand side of the triangular head. Accordingly the discussed character can only be regarded as a ♀. In the Bactrian alphabet this letter was only used as the numeral '90' and in this value it also occurs in the unfinished inscription from Surkh Kotal.

On the basis of this statement it becomes clear that we have to consider the first three letters as numerals. Taking into consideration that the second and third letters have the value '97' we must seek in the first one for a hundred. At first sight this character seems to be an O, but in this case we should get

a smaller number than the subsequent one which is impossible. I prefer, therefore, to regard this O-like letter only as the right-hand part of a T, the left-hand side stroke of which can be seen on the edge of the break in the wall surface, while its vertical stroke starts downwards from the left-hand side of the O-like part of the sign but it is partly covered by a later broad scratching. Perhaps at first a $\varnothing$ with a small head was written and this sign was corrected into a T. Nor can the possibility be excluded, however, that JO $\varnothing$ Z are to be read. In this case JO would belong to the preceding word and only $\varnothing$ Z would represent a cipher.

After all the first three signs of the inscription can probably be regarded either as the three-figure number T $\varnothing$ Z '397' or JO $\varnothing$ Z, *i. e.* the end of a word and the two-figure number $\varnothing$ Z '97'. Taking into consideration that this figure occurs in the beginnings of the inscription or at all events near to its beginnings, we can presume that it represents a date. In this case the word XPONO 'era-year' is likely to be restored before it.

Accordingly this inscription began with the date "In the era-year 397..." or "In the era-year 97...". Then a word MAIO[(or MAYA[) follows which in itself could be the Bactrian term for 'moon, month' already known from the coin legends of the Kuṣāṇa kings and from Surkh Kotal. Taking this interpretation we must, however, presume that the following word represents the name of a month. Looking for a month name we must take into consideration that after MAIO/A[a gap of 2-3 letters and thereafter]BO[follows. Undoubtedly the only possible restoration fulfilling these two requirements would be [AAA]BO, *i. e.* the Bactrian equivalent of the Middle Persian month name *Dādō*.

But it is questionable whether this restoration and interpretation could be really the only possible one. At the end of the legible part of the inscription the word MAAO 'here' occurs. Before it a new word KAPANO appears. Standing before MAAO it can hardly denote any other than the site Kara Tepe itself. This statement does not involve that KAPANO ought to mean 'cave'. This word can be compared with Saka *karāna* 'building, complex of buildings' contained in the name of *hja'h-mo-ka karōn*, the first Sarvāstivāda monastery in Khotan (in Tibetan transcription), too²⁴. Perhaps this word might be connected with Avestan *'karana-* 'end (in territorial sense), boundary, edge, shore, wing (of army)'. On the basis of these data, in any case, we can certainly presume that Bactrian KAPANO too means 'building, complex of buildings' and perhaps even 'monastery' in a specialized sense. Accordingly the text of the inscription inter

²⁴ H. W. Bailey, *Hvatanica* IV, — BSOAS, 1942, vol. X, pt 4, p. 922 sq.

preted so far runs as follows: "[In the era-year] [3]97, in month [Lal]βo... the building here". It becomes clear that the context requires a subject and a predicate between [ΛΛΛ]BO and KAPANO or a subject between the two mentioned words and a predicate after MAΛO.

Consequently we are faced with two possibilities as regards the restoration and explanation of the text, *viz.*: either we must regard MAYA[...]BO[P]AXTO as subject and predicate or we take [P]AXTO as subject and we seek for a predicate after MAΛO. In the first case we can obviously restore MAYA[NO A]BO[P]AXTO of which MAYA[NO] might be a personal name *Māhān*, while [A]BO[P]AXTO could be considered as a verbal form, the Bactrian development of an Old Iranian *aβi-raxšta- derived from *aβi-raxš- 'to look, to inspect' corresponding to Old Indian *abhi-rakṣ-* 'to keep, to defend, to observe'. Thus the whole inscription could be rendered in the following way: "[In the era-year] [3]97 Māhā[no] inspected the building here".

On the other hand adopting the second possibility we could regard [P]AXTO or [O]AXTO as a proper name, while the predicate would be sought after MAΛO where perhaps a faint trace of a letter (Γ?) can be discerned. In the latter case the inscription could be interpreted as follows: "[In the era-year] [3]97, in month [Lal]βo Raxto (or Vaxto) [inspected] the building here". As to the name [P]AXTO or [O]AXTO we could think of a derivation either from *raxš-* 'to keep' or from *vaxš-* 'to grow'.

Which of the two restorations and explanations reflects the reality, can only be decided by a thorough investigation of the original. If the predicate occurs after MAΛO indeed, the second possibility is undoubtedly to be preferred.

Inscription No. 21. Lines 9-10 represent an older inscription again. Inscription No. 20 was partially superscribed on it. If the faint traces of letters are read correctly, then the inscription can probably be restored in the following way:

line 1 (KAAΔO ABO CA)[Δ]O Γ[ABO N.N. OΔO]

2 BOPZOMI(P)O M(A)[ΔO ΓAΔO TA MAΛO ZACTO(?)]

"When to the 'Hundred Caves' N. N. and]

Borzomiro came he[re then they prayed (?) here]".

Inscription No. 22. Concluding from the predicate ΓAΔO; we have to consider also line 11 a separate inscription. The preserved part can be restored as](Γ)A(BO) Γ(AΔO) T[A M]A[Δ]O (Z)[ACTO]. Accordingly this inscription too possibly represented the stereotype text of the Kara Tepe inscriptions. In this case the word KAAΔO and at least one name are still to be restored in the beginnings: [KAAΔO N.N. ABO CAΔO] (Γ)A(BO) Γ(AΔO) T[A M]A[Δ]O (Z)[ACTO] "[When N. N.] came [to the 'Hundred] Caves' then he [said a prayer] here".

Inscription No. 23 (B-6, fig. 186). This inscription presents some difficulties again (for the reading cf. V. A. Livshits, p. 79

above). At first sight only one line can be discerned:]A[.]O PAPOBIPΔO. On the basis of repeated thorough investigations, however, it can be established that this inscription consisted of several lines and besides it was superscribed on an older inscription containing at least two lines. Unfortunately only the reading of line 4 can be established reassuringly, while the letters to be read in the other lines are very faint. The reading of these inscriptions seems to be the following:

- line 1] [. . . .] (AΓO OΔ)
 2 *no photo*] (O BAΓO BOPZOM)
 3 *no photo*] (PAFO OΔO ΓA)[. .] *no photo*
 4]A[.]O PAPOBIPΔO O *no photo*
 5 *no photo*] (BO ΓAAO) [?] *no photo*
 6 *no photo*] (BO CAΔO ΓAB) [O *no photo*

As regards the reading it can be remarked that lines 1, 2, 4 and 6 probably represent the more recent inscription, while lines 3 and 5 very likely belong to the older one. The letters]A[.]O P in line 4 were read by V. A. Livshits on the basis of a photograph containing a greater part of the inscription than the one being at my disposal.

The more recent inscription starts in line 1 probably with a proper name ending with -AΓO. The following word was obviously OΔ[O] 'and'. Accordingly we have to do with an enumeration of personal names the bearer of which obviously came to visit the Kara Tepe cave sanctuary. It can hardly be said whether line 1 represents the beginning of the inscription actually. At present the possibility cannot be excluded that this inscription contained more lines and it began higher, in a line scratched in above line 1 discernible on the photograph. In any case, in line 2 the enumeration of personal names continues. This passage can possibly be restored to [OΔ](O BAΓO BOPZOM)[IPO] "and the Lord Borzomiro". Here BAΓO can surely be regarded as a honorific title or a rank again. On the basis of line 2, lines 1 and 4 can also be restored to a certain extent. Line 1 might be restored to [BAΓO. . . .] (AΓO OΔ)[O], while in line 4 the fragmentary word]A[.]O could be identified as [B]A[Γ]O followed by a proper name PAPOBIPΔO and then by O[ΔO]. In line 5 the stereotype formula A](BO CAΔO ΓAB)[O ΓAAO] might be restored. Consequently, with the above-mentioned reserves the text of this inscription could be restored as follows:

- line 1 [?....BAΓO][.....](AΓO OΔ)[O
 2 [BAΓO.....OΔ](O BAΓO BOPZOM)[IPO
 4 [OΔO B]A[Γ]O PAPOBIPΔO O[ΔO
 6 [BAΓO.....A](BO CAΔO ΓAB)[O ΓAAO
 "[.... the Lord....]aγo and
 [the Lord N. N. an]d the Lord Bořom[i]ro
 [and the L]ord Šaroβiρdo and
 [the Lord N. N. came] to the 'Hundred Caves'".

Of the names only PAPOBIPAO demands some comment. This proper name probably should be regarded as a compound formed from the elements *šaro* and *βir̥do*. The first word might be equated with Saka *šara* 'seed', Ossetic *äxsär* 'nut' going back to Old Iranian **xšara*-²⁵, while the second element could be derived from Old Iranian **br̥ta*-. Thus the whole compound would mean 'seed-born'. As a personal name Middle Persian *Čihrazād* can be compared semantically. On account of its phonemic form the name *Šaroβir̥do* could be considered as a Kušāna or Saka name especially.

Inscription No. 24 (B-6, lines 3 and 5). As mentioned above, from the older inscription two lines are only preserved partially. Very likely this inscription also contained an enumeration of the visitors arriving to the cave sanctuary. Taking into consideration the stereotype formulas recognized so far, we can restore its text as follows:

line 3 [.....]PAFO OAO ΓA[.....]
 5 [ABO CAΔO ΓA](BO ΓAΔO OAO) Z(AC)[TO]
 "[.....]šaro and Ga [?]... came [to the 'Hundred Calves' and said [a prayer]]."

Perhaps the fragmentary personal name]PAFO can be restored to [A]PAFO and it might be the Bactrian development **Ašaro* of the name **Aršaka*-.

Inscription No. 25 (B-7, fig. 13, 14, for the reading cf. V. A. Livshits, p. 81 above). Consisting of 5 lines this inscription represents 4 different inscriptions actually. Its text runs as follows:

line 1 A[about 10 letters] BI ΓAΔO
 2]PAYAPANO KAO BAYAAO
 3]AO POCAΔO ΓAΔO ABO AAOΓABO OAO ABO KAPA[N]O
 4]AO ABO OICA(Δ)O AYPAHO KAPANANO
 5]AΔO BAYO OAPAYAPA[N]O

In line 1 only the predicate ΓAΔO 'came' can be recognized. On account of the fact that in line 2 another predicate, *viz.* BAYAAO occurs, it can be presumed that line 1 represents the end of an inscription and line 2 is to be regarded as a separate inscription. If the first inscription contained the stereotype of the other Kara Tepe inscriptions, then we have to presume that it consisted of several lines. Very striking is the word ending with]BI in this inscription. It would be most obvious to regard this form as the genitive case of the word ΓABO 'cave' for the context undoubtedly speaks for a word meaning 'cave' or 'building' here. The genitive case of ΓABO might be required by a possessive denoting some part of the cave complex as *e. g.* 'entrance, corridor, etc.'. A similar construction occurs in line 4 where we read the phrase ABO OICA(Δ)O AYPAHO.

²⁵ H. W. Bailey, *Dvārā matinām*, — BSOAS, 1957, vol. XX, pt I, p. 58.

KAPANANO in which the latter two words are genitive and OICA(Δ)O obviously represents a possessive. As we shall see later, OICA(Δ)O possibly means 'opening, entrance' and this sense would also be suitable in the context of line 1. Restoring this word in the gap we obtain the following text:

A|BO OICAΔO ΓA|BI ΓAΔO

"(he or they) came to [the entrance of the ca]ve".

Of course, this restoration can only be regarded as one of several possibilities.

Inscription No. 26 (B-7, line 2). This item contains the predicate BAYΔO 'may be' occurring already in inscription No. 1. The predicate BAYΔO requires a predicative complement, too, which might be the word KAO standing before. Obviously the fragmentary word]PARAPANO is to be regarded as [OA]PARAPANO, *i. e.* the personal name *Varaharāno* = Middle Persian *Varhrān*. Accordingly the preserved passage can be interpreted as follows: "...Va]raharāno may be KAO". There can be no doubt that we have to do with a blessing here. It is remarkable that the writer gave the blessing not to himself, but to a certain Varaharāno. This might remind us of the practice of the Middle Persian inscriptions quoted above the writers of which gave the blessing to the King of Kings and to his own Viceroy, respectively. In inscription No. 17 a Viceroy Varaharāno by name occurred and this Varaharāno whom the writer gave a blessing to, might have been the same person.

On the basis of these considerations we have probably to restore the phrase [BAFO XOΔHO] before [OA]PARAPANO. As to the word KAO, this must be a honorific title or a rank or a quality of high value. It would be therefore, very attractive to identify it with the royal title *kāv*, *kāy* meaning 'giant, hero'. It is a very remarkable fact that this title apparently occurs in the Late Bactrian coin legends *kdy whl'n*²⁶, even if it is ascribed by A. D. H. Bivar to a Kidarite ruler²⁷. After all the inscription can very likely be restored and interpreted in the following way:

[BAFO XOΔHO OA]PARAPANO KAO BAYΔO

"[The Lord King Va]raharāno may be a giant!"

This repeated occurrence of a Viceroy Varaharāno and especially the blessing given to him support rather the presumption that this person might have been the Kuṣāṇa Viceroy.

Inscription No. 27 (B-7, lines 3—4). The following inscription consists of two lines, its structure, however, differs from that of the other inscriptions considerably. The predicate ΓAΔO 'came' does not stand at the end of the sentence, but it follows after the word POCAΔO, perhaps a name, while it precedes a

²⁶ Cf Bivar III, pl. IV, fig. 40.

²⁷ Ibid., p. 26 sq.

long phrase introduced by the preposition ABO 'to' and consequently describing the site Kara Tepe itself.

As regards the word POCAΔO, no obvious interpretation offers itself. Not even the syntactical function of the word is quite clear. We could mostly think of two possibilities. Either is POCAΔO a proper name and in this case]ΔO is to be restored to [O]ΔO 'and' or we have to see an adverb in it and to regard]ΔO as the end of a personal name (e. g. [MIPOΔA]ΔO). In the first case the name POCAΔO, supposed to be Bactrian, might reflect Old Iranian **srau-šāti-* 'pleased with bravery, brave' or **sraušatā-* 'obedience to divine will', while if we read PACAΔO, this form could be the Bactrian development of an Old Iranian **srava-šāti-* 'pleased with glory, glorious' (in Bactrian C denotes both *s* and *ś*=*š* in usual transcription). In the second case POCAΔO could correspond to an Old Iranian **sraušata-* 'obedient to divine will' and as an adverb it might have the meaning 'obediently, piously'. Accordingly the introductory part of the inscription runs either as follows: "[N. N. a]nd Šošādo came to..." or in the following way: "[N. N.]do piously came to...". In the latter case the inscription Persepolis I would offer a good parallel: ... PWN krpkyhy LTNH ...Y'TWN... "... (he) piously came here..."

But more important is what follows. The word AΔOΓABO denoting the site and joined by the conjunction OΔO 'and' with ABO KAPA[N]JO 'to the building' seems to reflect an Old Iranian form **haða-gaβa-* '(building) provided with caves'. From the joint use of both AΔOΓABO and KAPANO it becomes clear that the former term very likely denoted the cave complex of Kara Tepe, while KAPANO was used to describe the outer buildings.

In line 4 after]ΔO which can be restored to [O]ΔO 'and' a further term specializing the Kara Tepe sanctuary complex occurs. Undoubtedly the last word KAPANANO represents a genitive plural 'of the buildings' of the word KAPANO 'building'. The preceding word AYPANO has the same ending, it might be, therefore, an attribute to KAPANANO characterizing the buildings. If the form AYPANO too represents a genitive plural, then the singular *AYPO might be connected with Avestan *āgra-*, Middle Persian *ahr* 'evil, devilish'. Nor the possibility is, however, excluded that we have to regard AYPANO as a derivative with the formative syllable *-na-* of Old Iranian **ahra* 'evil' (**ahrana-*).

In any case the phrase AYPANO KAPANANO apparently means "of the evil (or devilish) buildings". This context clearly requires to consider OICA(Δ)O as a possessive depending on the genitive AYPANO KAPANANO. If the reading of this word can be taken for correct (Δ is imperfectly written and accordingly it is uncertain), it might be connected with Middle Persian

višāḍ 'open' and its sense might be 'open, opening, entrance etc'. Adopting this explanation we could translate line 4 as follows: "and to the entrance of the evil (*or* devilish) buildings".

If the interpretation given above proves to be correct, then this inscription vividly illustrates the Zoroastrian attitude towards the Buddhist cave sanctuary at Kara Tepe: according to the Zoroastrian view it represented the dwelling of the *dēvs*, its buildings were the 'devilish ones'.

On the basis of the above-said the whole inscription can be interpreted as follows:

"[N. N.-]ḍo piously came (*alternative rendering*: [N. N. a]nd Šošāḍo came) to the cave complex and the building [here (?) a]nd to the entrance of the evil buildings".

Inscription No. 28 (B-7, line 5). Consisting probably only of one line this inscription contains the name BAŦO OAPAIAPA[N]JO "the Lord Varaharāno" again. On account of the lack of the title XOAAHO this person cannot be identified with the Viceroy Varaharāno occurring in inscription No. 27. Before the name the fragmentary word might be restored to [I]AΔO, while in the gap before it very likely the word MAΔO disappeared. Accordingly the whole inscription might run as follows:

[MAΔO I]AΔO BAŦO OAPAIAPA[N]JO

"[Here c]ame the Lord Varaharāno".

Inscription No. 29 (B-8, fig. 15, for reading cf. V. A. Livshits, p. 79 above). On account of its fragmentary preservation as well as of its singular letter forms the reading and interpretation of this inscription presents some difficulties. Its text seems to be the following:

MAOMAPAO KAPA(NO) [?](M)A[.]JO(N)OK[.](P)[.]JO

The first word could be taken for a personal name: *Mā(h)omardo* 'Servant of Mā(h)o'. Then perhaps the word KAPANO 'building' follows. In the reading we are faced with the difficulty that the form of K seems to be very similar to that of N in this inscription. Similar forms of both K and N also occur on the coins of the Kušāna kings²⁸. After KAPANO a small gap for one letter follows which was possibly unscribed already originally. (M)A[.]JO, if it is read correctly, could be restored to (M)AΔO 'here'. At the end of the sentence we should await a predicate. The reading (NO)K[.](P)[.]JO might be restored to NOK[I](P)[Δ]O which could be regarded as a past form of Old Iranian **ni-kar-* 'to behold, to inspect' in Bactrian. Accordingly with some reserves I propose the following interpretation:

MAOMAPAO KAPA(NO) [*vacat 1 letter*] (MA)[Δ]O(N)OK[I](P)[Δ]O
 "Mā(h)omardo beheld the building here".

²⁸ Cf. Gōbl II, S. 101, № 29 (K); S. 103, № 26, 31 (N).

Inscription No. 30. Perhaps there was another inscription above the left-hand side part of inscription No. 29. Here the faint traces of a word (Λ)ΠΑΦΟ can be discerned. If the uneven surface of the wall does not mislead me, this inscription possibly continued even further: [ΓΑ](ΔΟ) [Μ](ΑΔΟ)? Nor is it excluded that one more line existed above this one but in this respect no certainty can be arrived at.

The word (Λ)ΠΑΦΟ could be the place-name *Lrafo*, the Bactrian name of Qunduz²⁹ or a word meaning 'statue (of a god)'. If there possibly was a whole inscription here actually, then we can think rather of the place-name denoting the place of origin of the visitor. In this case the contents of the inscription could be imagined as follows: "N. N. came here (*or* to the 'Hundred Caves') from *Lrafo*". But of course this is only a guess.

Inscription No. 31. A little higher than inscription No. 30 to the right of it the traces of an inscription can be observed. Perhaps the preserved letters can be read as ΜΑΪΟ ΓΑ[or ΜΑΥΑΓΑ[(the photograph comes to an end here). This could be a proper name, viz. *Māho* and the predicate ΓΑ[ΔΟ] 'came', but this interpretation is, of course, only one of the different possibilities.

Inscription No. 32. Below inscription No. 29, beginning under ΜΑ[.]Ο there can be seen some traces of letters. They are hardly discernible. Perhaps they could be read as (ΜΙΟ)Ρ[(a great break in the wall surface). This might be a personal name beginning with ΜΙΟΡΟ=*Mihro*.

Inscription No. 33. The remains of another inscription can still be discerned further down below inscription No. 32. Unfortunately the photograph only contains the beginnings of two lines:

line 1 (Ο)ΑΡ(Α)[.]
2 (ΑΒΟ) ΑΥ[

In line 1 (Ο)ΑΡ(Α)[.] [probably represents the beginnings of a proper name like ΟΑΡΑ[ΥΑΡΑΝΟ] or ΟΑΡΑ[ΖΑΓΑΝΟ], while the fragment of line 2 might be compared with the phrase ΑΒΟ ΟΙΚΑΔΟ ΑΥΡΑΝΟ ΚΑΡΑΝΑΝΟ of inscription No. 27. Perhaps we could think of a restoration (ΑΒΟ) ΑΥ[ΡΟ ΚΑΡΑΝΟ] "to the evil building". Accordingly, the content of this inscription might be approximately the following: "Vara[harāno (?) came] to the evil building".

Inscription No. 34. On the same level, but more to the left the fragmentary end of one more inscription can be observed. The letters partially fall on the broken wall surface. Nevertheless, some letters still remained discernible. This badly preserved part of the inscription can be read approximately as follows:

²⁹ Harmatta III, p. 453 sq.

no photo](BO CAAO ΓA)BO (ΓAA)O

"[N. N.] came to the 'Hundred Caves'".

Inscription No. 35 (B-10, fig. 196, for the reading cf. V. A. Livshits, p. 80 above). In spite of its shortness this inscription is a very important one. Its text runs as follows:

XP AO AE TAAO (B)APTO OAO MIP[A]NO OAAATO
Z(A)]

In the beginnings of this inscription, as it was correctly noticed by V. A. Livshits, we have probably to do with a date again. Behind the word XP AO two or three ciphers can be observed. Unfortunately, for lack of sufficient evidence for Bactrian numerals I am unable to determine these ciphers reassuringly. Bactrian numerals are known from Surkh Kotal ($\Sigma\theta = '299'$)³⁰, Tochi Valley (XAB '632'?, XAE '635' two times)³¹, Kara Tepe (T θ Z '397' or θ Z '97')³² and perhaps from Zang Tepe ($\Phi = 500$ and TMA '341'?) and Tuyuq (A '1000' or '1'?)³³, but even in these occurrences we are faced with considerable difficulties. It may suffice to refer to the fact that in the Tochi Valley inscription B H. Humbach read '612' instead of '632' firstly and even in the second case the forms of A '30' and those of E '5' do not agree in inscriptions B and C/1 and C/1 and C/2 respectively. In general, we have to reckon with a considerable difference between the forms of the letters and those of the numerals as is well illustrated by the inscriptions from Surkh Kotal, the Tochi Valley and Tuyuq. Moreover, we must also suppose a development of the cipher forms parallel to that of the letter shapes. All these difficulties render it easily comprehensible that I did not succeed to come to unambiguous results.

Presuming a two-figure numeral and relating its ciphers to the letter of the inscription formally, we could think of an interpretation AE '35' at first sight. In this case the form of A agrees with that of the other A occurring in the inscription, while E can well be compared with the numerals E of the Tochi Valley inscriptions C/1 and C/2. By a thorough investigation, however, a faint stroke starting from the top of the supposed A to the left and running slightly downwards approximately up to the middle of the space between the A and the P of XP AO can be discerned. If this stroke belongs to the discussed letter actually, then we have certainly to read not an

³⁰ Harmatta IV, p. 165.

³¹ Cf. A. H. Dani, H. Humbach, R. Göbl, Tochi Valley inscriptions in the Peshawar Museum, — "Ancient Pakistan", Peshawar, 1964, vol. I, p. 125 sq. (Inscription B — 632, inscriptions C/1 and C/2 — 635).

³² Cf. inscription № 20 above.

³³ Cf. F. Altheim, *Aus Spätantike und Christentum*, Tübingen, 1951, Pl. 9, line 5.

Α '30' but a T '300' and in this cave we obtain the two-figure numeral TE '305'.

Another possibility would be to regard the first numeral as C '200' and the second one as Α '30', as V. A. Livshits supposes. These readings could also be combined with the former ones as follows: CE '205' or TA '330'. The problem becomes even more complicated by the observation that the left-hand side stroke of the first numeral (supposed to be T above) slightly curves upwards at the end. Admitting this statement we could interpret the discussed cipher as Y '400' and the whole two-figure numeral as '405'.

In this context it should also be mentioned that the two letters following the numerals are also uncertain. The first sign could be taken for T, while the second one might represent a Γ. But it is somewhat doubtful whether this sign represents a letter at all. It is quite possible that it is only an accidental scratch, as it was supposed by V. A. Livshits. The shape of this T is very remarkable. The left-hand side stroke of the letter is somewhat concave, while if we should have to do with a T, we might await a convex stroke. If we compare this letter to the Y of BAYAAO in inscription B-11 (to be discussed below), then it becomes clear that the treated letter could also be read as Y. Unfortunately, I do not know any initial Y in the Kara Tepe inscriptions discovered so far, accordingly I cannot establish with certainty, whether the stroke starting downwards from the mentioned left-hand side stroke of the T or Y at the top, does not exclude the reading Y.

Thus we could reckon with the following readings: TFAAO, YFAAO, TAAO, YAAO. In the first two cases T and Y must obviously be separated from the rest and could be connected with the forgoing ciphers. Then we should be compelled to assume a three-figure retrograde numeral FAT '333' or FAY '433', which is very common in contemporary Greek inscriptions³⁴, it is, however, unknown in Bactrian epigraphic records so far. Together with the following BAPTO the remaining FAAO could represent a proper name *Γαλοβαρυο going back to Old Iranian *gaḍa-bara-ka- 'knob-bearer'. Taking the third possibility we could regard TAAO as the Bactrian development of Old Iranian *taḍa 'then, at that time'. In this case BAPTO should alone represent a personal name going back to Old Iranian *Bāraka- 'riding, horseman'. Lastly YAAO could be connected with subsequent BAPTO and the whole word might be again a proper name reflecting Old Iranian *haḍa-bāraka- 'riding together, helper, friend'.

³⁴ Cf. e. g. C. B. Welles, *Inscriptions from Dura-Europos*,—YCS, 1955, vol. 14, № 191, 192, 193 etc.

Unfortunately none of these readings and interpretations can be regarded as the only possible one. Nevertheless, I am inclined to consider the reading ΛE (possibly YE) $TAAO\ BAPTO$ "(In the year) 35 (possibly 405). Then Bar $\gamma o...$ " as the most probable one.

On the basis of the context the word $XPAO$ must have the meaning 'regnal year' or 'era-year'. This term might go back to an Old Iranian form $*xšāwā$ ($*xšāvan-$) unless we went to regard $XPAO$ as a clerical error for $XPONO$, which does not seem too probable, for the inscription is carefully written. If we adopt the form $XPAO$, then the question arises what relation exists between the words $XPAO$ and $XPONO$.

The use of $XPONO$ is well attested in Surkh Kotal and this word apparently belongs to the group of Prakrit $kṣuṇa-$, Saka $kṣuṇa-$, Kuci $kṣum$, Maralbaši Saka $xšana-$, Kroraina Prakrit $ch'una-$. On the other hand, the form $XPAO$ is supported by Sogdian $xš'wn$, Middle Persian and Parthian $-xšān-$ (from $*xšāvan-$)³⁵ and other related words. On the basis of its phonemic form Saka $kṣuṇa-$ and Kuci $kṣum$ must be regarded as borrowings from Gandhāri Prakrit (cf. Kroraina $ch'una- = *ṭṣuna-$). The further elucidation of the history of this term encounters, however, considerable difficulties. As to their phonemic forms Bactrian $XPONO$ and Prakrit $kṣuṇa-$ well agree, but none of them could be regarded as the source of Maralbaši Saka $xšana-$. Moreover, the meanings of the Indian and Iranian data differ considerably. Prakrit $kṣuṇa-$ has the sense 'term' in all occurrences, while Bactrian $XPONO$, Khotanese Saka $kṣuṇa-$ and Maralbaši Saka $xšana-$ clearly denote 'era-year, regnal year'. It is not easy to account for this semantical divergence, nor a semantical development 'era-year, regnal year' → 'term' or inversely seems to be probable enough. Besides, Maralbaši Saka $xšana-$ cannot immediately be borrowed either from Bactrian $XPONO$ or from Indian $kṣuṇa-$ and even the phonemic value of its initial is uncertain. The akṣara transcribed as $xšā$ by S. Konow (followed by H. W. Bailey) represents a modification of $ṣa$ properly. Hence it could also be interpreted as $ṣ(r)a$, $ṭṣa$, etc.

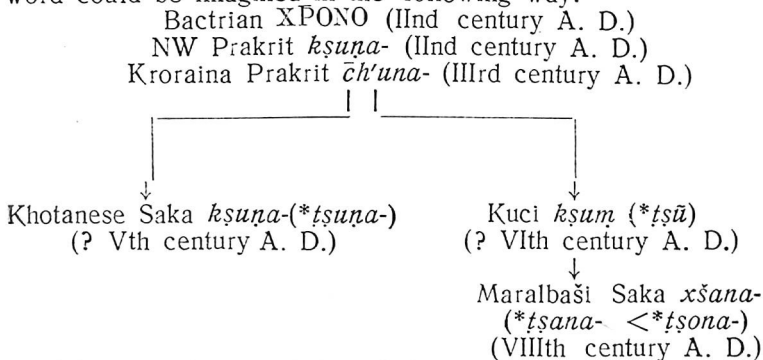
Formerly I presumed Bactrian $*xšana-$ as basic form which was immediately borrowed by Maralbaši Saka, while its later form $xšono$ (with labialization of a before nasal) penetrated into North-Western Prakrit. This interpretation has to face, however, considerable difficulties.

The use of $kṣuṇa-$ in Prakrit inscriptions only begins in the 11th year of the Kaṇiṣka-era and it is attested up to the 85th year of the same era. Hence the emerging of this term is ob-

³⁵ For these data see BBB, S. 95.

viously connected with the dynasty of the Great Kuṣāṇas. According to our present knowledge the adaptation of the Greek alphabet to write Bactrian is also to be related to the same dynasty. On the basis of these observations it seems to be probable that the orthography of XPONO was fixed in Bactrian about the forties of the IInd century A. D. and the appearance of this term in Prakrit inscriptions reflects the rule of the Great Kuṣāṇas over North-Western India.

These facts support the presumption that only Bactrian XPONO can be regarded as the source of Prakrit *kṣuna-*. But if the word *xṣana-* had the phonemic form XPONO in Bactrian already in the first half of the IInd century A. D., then it seems to be very unlikely that Maralbaši Saka *xṣana-* could reflect an earlier form than the Prakrit data. Nor can it be considered as probable that this term could have penetrated into Maralbaši Saka at an earlier date than into North-Western Prakrit. Perhaps all these difficulties can be solved by the assumption that Maralbaši Saka *xṣana-* (actually probably **tṣana-*) developed by delabialization from an older form **xṣona-/*xṣuna-* (actually **tṣona-/*tṣuna-*). As compared to Khotanese Saka, in Maralbaši Saka a delabialization of greater extent took place. Thus we can quote the Maralbaši Saka forms *tsārmana-*, *tsahara-*, *zenda-*, *xṣiṣta-*, *jezda-*, *hveṣta-*, *chi-* as against Khotanese Saka *tcūrama-*, *tcahaura-*, *ysānda-*, *kṣaṣtā-*, *gyasta-*, *hwāṣta-*, *tsu-*. As an exact parallel to the supposed development Gandhāri Prakrit *čh'una-* > Maralbaši Saka *xṣana-* (**tṣana-*) the word *cazbā-* can be cited, the source of which is represented by Gandhāri Prakrit *cojhbo* (= *čozbo*). In this word, too, a similar delabialization of the *o* took place as it is to be assumed in *xṣana-* (< **tṣona-/*tṣuna-*). Accordingly, the whole history of the word could be imagined in the following way:

Admitting the probability of this reconstruction we are still faced with the difficulty that such an early labialization as it would be supposed in XPONO, can only be supported by CKOMO < **skamba-* at present, while KOPONO (if it is to be read

in this way actually) offering a more exact parallel only occurs in Late Kuṣāṇā coin legends. It may be referred, therefore, to the possibility that Bactrian XPONO possibly represents a stem different from xšāy- 'to rule'. The original meaning of the word seems to be 'space of time' ranging from 'minute, moment' up to 'year'.

The word MIP[A](N)O can obviously be identified with the well-known Iranian name *Mihrān*. The following word OAAΔFO can be interpreted in two different ways. At the edge of the photograph two letters ZA/O| can be discerned. If these letters could be restored to ZA[CTO] actually, then OAAΔFO must be either an object/adverb belonging to the verb or an apposition relating to MIP[A](N)O. In the first case we could think of the word *vālaṣo 'prayer' to be supposed on the basis of Old Indian *vāda- 'speech, calling, etc.'. In the second case OAAΔFO may represent Old Iranian *vadaka- 'leader, guide'. Taking into consideration that an Iranian root corresponding to Old Indian vad- 'to speak' is not attested so far, I prefer the second interpretation. Accordingly the whole inscription can be explained in the following way:

"Regnal year 35 (*alternative reading*: 405). At that time Barṣo and Mirāno the guide pra[y]ed here!"

Inscription No. 36. Beside the above-discussed inscription a great number of inscriptions can be discerned on the whole surface of this wall section. For lack of good photographs I can only give a tentative reading of these inscriptions at present. It seems that this part of the wall was used for inscriptions during long time and the records were superscribed one over the other. Surely inscription No. 35 was the latest one which too was superscribed over an older record. In order to illustrate the relative position of the single inscriptions I included also this item discussed already above into my transcription:

- line 1](AΔ)O ΓAΔO[
 2]|...|O TA ZA[
 3]O ΓABO ΓAΔO [.] (PAO) YE[
 4]TA Z[
 5]O ΓABO ΓAΔO
 6]O ΓABO ΓAΔO (TA MAΔO) ZA(CTO) OAPAYAP[
 7]AΔ)ΔO O[APAYAP]ANO MAΔO ΓAΔO TA ZACTO[
 8](AΔΔ)O T[IPIΔA]ΔO]MAΔO[ΓAΔO TA ZA[
 9](AΔΔ)O BAFO OAP[AYAPAN]O MAΔO ΓAΔO TA ZA[
 10](KAΔΔO B)OPZOM(I)[P](O MAΔO ΓAΔO)[
 11](O ΓAΔO)[
 12]ΔO BOP(ZOM)[IP]O OΔO MIOPOΔAΔO (ABO CAΔO
 ΓABO ΓAΔO)[
 13](BAFO OAPAYAPANO)[.]OAAHO[
 14](B)AFO XOAAHO (ΩP)MAZΔO (ABO CAΔO ΓABO
 ΓAΔO)[

- 15]ΑΓΑΔΟ ΧΡΑΟ ΛΕ ΤΑΔΟ (Β)ΑΡΤΟ ΟΔΟ ΜΙΡ[Α](Ν)Ο
ΟΑΛΛΑΓΟ Ζ(Α)[
- 16]ΚΑΛΔΟ ΒΑΓΟ ΟΑ(ΠΑΥΑΡ)ΑΝΟ ΧΟΑΔΗΟ (ΑΒΟ CΑΔΟ
ΓΑΒΟ ΓΑΔΟ)[
- 17]ΤΑ ΜΑ(Λ)Ο ΖΑ(CΤΟ)[
- 18]ΓΑΒΟ ΑΓΑΔΟ Μ(ΑΔΟ ΟΔΟ) ΖΑ(CΤΟ) (ΧΡ)ΑΟ ΥΕ
(ΚΑΛΔΟ)[...]
- 19](ΧΡ)ΑΟ ΥΕ ΟΑΡΑΖΑΓΑ(ΝΟ)[...]
- 20](CΑΔΟ ΓΑΒΟ ΓΑΔΟ)[
- 21](Ο CΑΔΟ ΓΑΒΟ ΓΑΔΟ)[
- 22](ΤΑ ΖΑCΤΟ)[

Line 1 presumably represents the fragment of a separate inscription. It could be restored as Μ]ΑΔΟ ΓΑΔΟ and it may be interpreted in the following way: "[When N. N.] came here [? then he said a prayer]".

Inscription No. 37. Line 2 must also be regarded as a separate inscription for the reason that]Ο standing before the phrase ΤΑ ΖΑ[CΤΟ] "then he prayed" can only be restored to]ΜΑΔΟ ΓΑΔ]Ο or to]ΑΒΟ CΑΔΟ ΓΑΒΟ ΓΑΔ]Ο "he came [here]" or "he came [to the 'Hundred Caves']". Very likely this inscription, too, reproduced the stereotype text and content of the Kara Tepe inscriptions: "[When N. N. ca]me [to the 'Hundred Caves'] then he said a prayer".

Inscription No. 38. The first part of line 3 too probably represents the end of a separate inscription and can be restored to]Ν. Ν. ΑΒΟ CΑ]ΔΟ ΓΑΒΟ ΓΑΔΟ "[N. N.] came [to the 'Hundred]d Caves'". It can also be referred to the possibility that ΤΑ Ζ[in line 4 might be the continuation of this inscription. If these letters can be restored to ΤΑ Ζ[ΑCΤΟ] "then he said a prayer" correctly, then the whole inscription obviously began with the conjunction ΚΑΛΔΟ and its text may be the following:]ΚΑΛΔΟ Ν. Ν. ΑΒΟ CΑΔ]Ο ΓΑΒΟ ΤΑ Ζ[ΑCΤΟ] ["When N. N.] came [to the 'Hundred]d Caves' then he said a prayer".

The striking arrangement of line 2 of the inscription (=line 4 of the inscription complex) can probably be explained by the circumstance that in line 3 (of the inscription complex) another inscription beginning with].(ΠΑΟ) ΥΕ[was already written before and the remaining space was insufficient for inscription No. 39. Therefore, the writer could not finish the text in line 3 but he had to write the last words ΤΑ Ζ[ΑCΤΟ] somewhat lower.

Inscription No. 39. In line 3 behind]Ο ΓΑΒΟ ΓΑΔΟ after some interval the fragmentary fore-part of an inscription, *viz.*].(ΠΑΟ) ΥΕ[can be discerned. The first word can be obviously restored to]Χ[(ΠΑΟ) 'regnal year, era-year', while the letters following it probably represent the numeral '405'. Thus similarly to inscription No. 35, this inscription also began with a date. Taking into consideration that inscription No. 36 can be regar-

ded as the latest one, we have very likely to understand the date of this inscription as (4)35, *i. e.* we must assume that the hundreds were omitted.

Inscription No. 40. Concluding from the phrase]O ΓABO ΓAAO to be read in line 5, we have to do here with a separate inscription again, which represents the general type of the Kara Tepe wall-inscription: [N. N. ABO CAA]O ΓABO ΓAAO "[N. N.] came [to the 'Hundre]d Caves'".

Inscription No. 41. The end of a similar inscription seems to be preserved in line 6 where we can restore [KAAAO N. N. ABO CAA]O ΓABO ΓAAO (TA MAAO) ZA(CTO) "[When N. N.] came [to the 'Hundre]d Caves' then he prayed here"].

Inscription No. 42. In the same line after some interval the letters OAPAYAP[marking the beginning of another inscription can be discerned. Very likely we have to do with the name OAPAYAP[ANO] here. It may be the name of the visitor preparing the inscription. Besides, we can think of the possibility that the text beginning with OAPAYAP[ANO] properly represents the prayer or blessing said by the visitor engraving inscription No. 42. In this case *Varaharāno* would be regarded as a person of rank. But the whole presumption cannot be proved reassuringly.

Inscription No. 43. The following inscription in line 7 is almost completely preserved. The first word is obviously to be restored to [K](AA)AO and the visitor's name could be most likely O[APAYAP]ANO or possibly O[APAZAT]ANO. Thus the whole inscription runs as follows:

[K](AA)AO O[APAYAP]ANO MAAO ΓAAO TA ZACTO
"When V[araha]rāno came here then he said a prayer".

Inscription No. 44. The inscription in line 8 has the same structure as the following one. In the beginning the word [K](AAΔ)O might stand also here. The name T[IPIAA]AO is, of course, only a guess but in any case a probable one. The whole inscription can be interpreted in the following way:

"When T[iriḍā]ḥo came [here] then he said a prayer".

Inscription No. 45. In line 9 too an inscription of almost identical structure has been preserved. The visitor's name could be also here either OAP[AYAPAN]O or OAP[AZATAN]O but the first restoration is more probable since restoring OAP[AZATAN]O we should await some traces of Z below. In the forepart [K]AAΔO, at the end ZA[CTO] could be restored. Thus the whole inscription runs as follows:

"When Lord Var[aharān]o came here then he said a pra[yer]".

Inscription No. 46. Seemingly line 10 represents a separate inscription again. The sense is clear: "When Borzomiro came here[....]". The syntactical structure obviously requires a main clause with the repeatedly occurring content: "then he said a prayer".

Inscription No. 47. Between lines 10 and 12 the traces of an older inscription can be discerned. The legible letters seem to represent the end of a sentence (main clause or clause of time) and could be restored as [N. N. MAA]O ΓΑΔΟ or [N. N. ABO CAAO ΓAB]O ΓΑΔΟ[. "[N. N.] came h[ere]"] or "[N. N.] came [to the 'Hundred Cav]es'...".

Inscription No. 48. In line 12 a longer inscription has been preserved. This was partly superscribed on inscription No. 47 and partly on inscription No. 49. It must be, therefore, a more recent record than those represented by lines 11 and 13. The content of the inscription does not show any peculiar feature. At the fore-part [KA]ΛΔΟ, at the end a main clause of the type "then he said a prayer" should apparently be restored. Accordingly the whole inscription can be rendered as follows:

"When Borzomiro and Mihroδādo came to the 'Hundred Caves', [then they said a prayer here]".

The names *Borzomiro* and *Mihroδādo* possibly represent the Western Iranian forms **Burzmihr* and **Mihrdād*.

Inscription No. 49. Line 13 contains the fragment of an apparently older inscription. The preserved part can obviously be restored to (BAΓO OAPATAPANO) [X]OAAHO [ABO CAAO ΓABO ΓΑΔΟ or alike] "Lord King Varaharāno [came to the 'Hundred Caves']". Nor can it be excluded that the inscription began with the conjunction KAΛΔΟ 'when' and it ended with the formula TA ZACTO "then he said a prayer". In any case this inscription reminds us of inscription No. 17 which also preserved the memory of the visit of a "Varaharāno the Lord King". Unfortunately, it cannot be established at present whether this inscription attests the repeated visit of the Sassanian Viceroy Varaharāno mentioned in inscription No. 17 or it gives evidence for a second Sassanian Viceroy Varaharāno by name, different from that of inscription No. 17.

Inscription No. 50. The inscription in line 14 seems to be even more older, since inscription No. 49 is partly superscribed on it. This inscription is a very remarkable one, inasmuch as it bears witness to the visit of another Sassanian Viceroy "Lord King Ōrmazdo" to the Kara Tepe cave sanctuary. The first letters of the name are somewhat uncertain. Perhaps instead of the form OPMAZAO we have to read OPOMAZAO or OPMAZAO. Neither the beginning nor the end of the inscription is clear. Consequently, it cannot be decided whether its text began with KAΛΔΟ 'when' and ended with the phrase TA ZACTO "then he said a prayer". In any case the legible part of the inscription represents also in itself a whole sentence:

"Lord King Ōrmazdo came to the 'Hundred Caves'". As regards the person of "Lord King Ōrmazdo", we may refer to the testimony of the Kushano-Sassanian coin legends, according to which there were also two Sassanian Viceroys of Bactria

who bear the name Ōrmazd³⁶. According to the classification of the Kushano-Sassanian coins proposed by A. D. H. Bivar, both Ōrmazds preceded the two Varhrāns who were also Sassanian Viceroys of the conquered Kušāṇa Kingdom³⁷. The above observation according to which inscription No. 49 mentioning "Lord King Varaharāno" was superscribed on No. 50 containing the name "Lord King Ōromazdo", supports the sequence of the Kushano-Sassanian rulers established by A. D. H. Bivar to some extent.

Inscription No. 51. In line 15, before inscription No. 35, the word ΑΓΑΔΟ 'came' can be read. This word possibly represents the predicate of an inscription which might have the often repeated content of the Bactrian records at Kara Tepe: "N. N. came here to the 'Hundred Caves'".

Inscription No. 52. As it was mentioned above, inscription No. 35 was superscribed on another one. This record happens to be this very inscription consisting of line 16-17. The first letter of the first word ΚΑΛΔΟ can well be discerned between X and P of the word ΧΡΑΟ of inscription No. 35, while its last sign is clearly visible between A and O of the same word. Apparently the whole inscription has been preserved, but the reading of several words is somewhat uncertain. Nevertheless, its interpretation offers no difficulty:

"When Lord King Varaharāno came to the 'Hundred Caves', then he said a prayer here".

This second occurrence of a "Lord King Varaharāno" on the same wall-surface points to the possibility that two Sassanian Viceroys bearing the name Varhrān existed, indeed, as it was supposed by A. D. H. Bivar on the basis of the Kushano-Sassanian coin legends.

Inscription No. 53. The fore-part of line 18 contains the end of an inscription which can be restored and interpreted in the following way:

[N. N. ΑΒΟ ΚΑΔΟ] ΓΑΒΟ ΑΓΑΔΟ ΜΑΔΟ ΟΔΟ ΖΑΚΤΟ
"[N. N.] came [to the 'Hundred'] Caves' here and he said a prayer".

The structure of this inscription slightly differs from that of the most often occurring type of Bactrian records at Kara Tepe.

Inscription No. 54. In the same line, somewhat to the right-hand side, the fore-part of another inscription can be observed. Unfortunately, it is only the date and the conjunction ΚΑΛΔΟ which can be read: "(It was) regnal year 405, when...". The structure of this record does not correspond to the general type of the Kara Tepe inscriptions.

Inscription No. 55. In line 19, too, the fore-part of a se-

³⁶ Cf. Bivar III, p. 27.

³⁷ Ibid.

parate inscription can be discerned. After the date "In regnal year 405" the name *Varāzañāno* occurs. Apparently, this inscription, too, had its own peculiar structure.

Inscription No. 56. In line 20 the end of an inscription has been preserved again. The text seems to represent the common type: "[N. N.] came [to the] 'Hundred Caves'".

Inscription No. 57. Lines 21-22 contain the fragment of a different inscription. The structure of the text is clear, only the name of the visitor cannot be restored:

[KAAAO N. N. AB]O CAAO ΓABO ΓAAO TA ZACTO

"[When N. N.] came to the 'Hundred Caves', then he said a prayer".

As regards the whole epigraphic complex B-10 we must remark that to all probability the above treatment does not exhaust the whole material. This epigraphic complex very likely came into being in the following way. At first the central part of the photographed wall-surface was used to scratch inscriptions. This fact can clearly be established by the accumulation of inscriptions on this part of the wall-surface. Accordingly, inscription No. 50 containing the name of "Lord King Ōromazdo" seems to be one of the oldest records in this epigraphic complex. Later, as the new visitors wanted to scratch their own inscriptions, they probably scraped off the wall-surface. This assumption well explains that circumstance that the more recent inscriptions are scratched deeper as the older ones. By their position the inscriptions of the two Varhrāns, the Sassanian Viceroy, are proved to be later than that of "Lord King Ōromazdo". At a later period the upper and lower parts of the wall-surface were also used for inscriptions. The records containing the date "Regnal year 405" could be scratched on the wall at this very time. Last, as the whole wall-surface was already inscribed, the latest visitors preferred to use the central part of the wall again and they superscribed inscription No. 35 on inscription No. 52. As from this context it becomes clear that inscription No. 35 represents the latest record on this wall-surface, the date of the latter inscription is most likely to be interpreted as "Regnal year (4)35". Thus the epigraphic complex B-10 elucidates the history of the Kara Tepe cave sanctuary at Sassanian times to a certain extent.

Inscription No. 58. (B-11, fig. 10, 11, for the reading cf. V. A. Livshits, p. 80—81 above). Here again we have to do with an epigraphic complex consisting of several inscriptions:

- line 1 [(AAO A)[.....](Z)[...
2 [KAAA]O.....A](BO CAA)[
3 [(B)AΓO ΦPAΓAΔO]
4 [(ΔO TA ZA)[
5 [(O)AAHO OITO BAAAO
6 [(O) ΠIPAΓO MAΓO

7]OPAAO CAO ΓAΦO A(ΓA)AO
 8](B)AΓO IACKAAAMITO BAΓO OA(P)AΓ[
 9]AO TA ZA[..
 10 C]AAO ΓAB[O

Line 1 obviously represents the fragment of a separate inscription. If the reading proves to be correct, then the preserved letter could be restored to M] (AAO A) [ΓAAO TA] (Z) [ACTO. Thus the inscription probably reflects the common type of the Kara Tepe Bactrian records:

"[When N. N.] c[ame h]ere, [then he] s[aid a prayer]".

Inscription No. 59. In line 2 the beginning of another inscription can be discerned. Inscription No. 60 was partly superscribed on it. Thus its first character K falls under the Y of ΦPAΥAAO of line 3, while the record itself goes obliquely upwards. The structure of this inscription seems to be the following:

KAAO]O N. N. A](BO CAO)]O ΓABO ΓAAO TA ZACTO]
 "When [N. N. came] to the 'Hundred [Caves]', then he said a prayer]".

Inscription No. 60. It consists of lines 3—4. The preserved part renders possible to restore the lost one:

[KAAO] (B)AΓO ΦPAΥAAO
 [MAAO ΓA](AO TA ZA)[CTO]
 "[When] Lord Frahādo
 ca[me here], then he said a prayer".

Very remarkable is the name ΦPAΥAAO here. There can be hardly any doubt that this form represents the Parthian (or Persian) and not the Bactrian development of Old Iranian **Fra-dāta*-. Thus we meet a Western Iranian person here again.

Inscription No. 61. Line 5 apparently represents a separate inscription. This item is of peculiar interest since it differs from the common type considerably. The beginning of the inscription is missing, but there can be no doubt that a "King" was mentioned in it. Surely after the break the fragmentary word](O)AAHO is to be completed to [X](O)AAHO and obviously before it a name and the title BAΓO must still be restored. At the end the clearly legible BAYAAO, the 3rd pers. sg. subjunctive of the verb BAY-/BOO- 'to be' is to be welcomed. The word OITO shows the same peculiar form of T as it can be seen on the Kušāna seal bearing the inscription YAZAPOXTO (in the Hermitage)³⁸. In connection with the verbal form BAYAAO the word OITO must obviously be a predicative complement. Since intervocalic T in Bactrian developed from the sound group -rt-, the form OITO must be derived from Old Iranian **urtā*. This word can be identified with Old Iranian **urtā* (**urti-*) 'hero'. Apparently, this word corresponds to KAŌ 'giant, hero' occurring in

³⁸ Cf. Stavisky, pl. III.

inscription No. 27. Accordingly, the whole inscription can be restored and interpreted in the following way:

[BAFO.....X](O)AAHO OITO BATAAO

"[Lord....., the] King may be a hero!"

Assuming that all lines on this wall-surface began at the same vertical, we have only to reckon with a place for 6-7 letters between BAFO and XOAΔHO. In this case only CABOPO or ΠIPOZO could be restored as the name of the Sassanian Viceroy occurring in the record.

Inscription No. 62. Concluding from the style of the script, we must regard lines 6-7 as pertaining to a single inscription. The beginnings of the lines are broken, none the less the sense of the whole inscription can be established without any difficulty. In line 6 ΠIPATO obviously represents a proper name which can go back to an Old Iranian form **Srīraka-* (from OIr. **srīra-* 'good'). The development *sr->š-* seems to be a characteristic feature of Bactrian, accordingly the name may be regarded as a properly Bactrian one. The word MAFO can be identified with Western Iranian *maγ, moγ* 'magus' and it represents the first evidence for the existence of this term in Bactrian.

In line 7 the phrase CAΔO ΓAΦO A(ΓA)ΔO contains the predicate and an adverb of place: "(he or they) came to the 'Hundred Caves'". The fragmentary word]OPΔAAO must also be a proper name and perhaps it can be restored to [AM]OPΔAAO 'Amurdād'. If this presumption proves to be correct we have still to restore OAO before it. It is not excluded that OAO 'and' and a proper name stood also before ΠIPATO or should only the title BAFO be restored here? In the first case the whole inscription would run as follows:

[N. N. OA](O) ΠIPATO MAFO

[OAO AM]OPΔAAO CAΔO ΓAΦO A(ΓA)ΔO

"[N. N. and] Šīrāyo magus

[and Am]ordādō came to the 'Hundred Caves'".

Inscription No. 63. Apparently lines 8-9 also represent a single inscription. In line 8 two proper names occur and both persons bear the title BAFO 'Lord'. The first name is very striking. The form IACKAΔAMIPO may go back to Old Iranian **Yāskatama-ka-* and it exactly coincides with Avestan *yaskō. tama-* 'was am meisten Krankheit ist'. But even though proper names with similar meaning often occur in different onomastica—the purpose of such names is to prevent evil—it could be hardly paralleled with Iranian material. I prefer, therefore, to relate the name *Yāskadamiyo* to the Old Indian name *Yāska-* with the probable meaning 'strong, fierce'. In this case the name *Yāskadamiyo* would mean 'strongest, most fierce'. In any case, this proper name offers a welcome evidence for the existence of the Indo-Iranian superlative suffix *-tama-* in Bactrian.

The fragmentary proper name could be restored to OA(P)-AT[O] and in this case it would be identical with the proper name OAPAI'O ('Ram') occurring in inscription No. 1. It is not impossible that there was written something even after OA(P)-AT[O], but the surface of the wall was scraped off.

In line 9 the fragmentary first word [ΔO must be the predicate [ΓA]ΔO, because the main clause TA (ZA)[CT](O) "then he said a prayer" immediately follows after it. Between OA(P)AT-[O] and [ΓA]ΔO either in line 8 or in line 9 the phrase [ABO CAAO TABO] must be restored. If this phrase stood in line 9, then beside KAAΔO a third proper name before BAFO IACKA-ΔAMIFO is still to be restored. In this case the whole inscription would run as follows:

[KAAΔO BAFO.....](B)AFO IACKAΔAMIFO BAFO
OA(P)AT[O]

[ABO CAAO TABO ΓA]ΔO TA (ZA)[CT](O)

"[When Lord N. N.,] Lord Yaskaδamiŋo, Lord Vararŋo
[ca]me [to the 'Hundred Caves'], then they said a prayer".

Inscription No. 64. In line 10 another fragmentary inscription can be discerned. The phrase C]AΔO ΓAB]O 'Hundred Caves' points to the possibility that this inscription represented the common type of Bactrian records at Kara Tepe.

Inscription No. 65. On a photograph, beside two clearly legible letters of great shape, some faint traces of several other signs, representing probably remains of different inscriptions can be discerned:

line 1](O)[
2](OO)[...][
3](AFO)[..][
4](ΔO T)A (Z)[
5][...]O[...] [
6](AT)AP(A)[
7](CAAΔO ΓAB)O[
8](TA) Z(A)[
9](MAA)[

It is to be remarked that lines 6 and 9 were superscribed on lines 7 and 8. Accordingly lines 6 and 9 represent the latest record. Here we have to do probably with the remains of three different inscriptions at least. The lines can be distributed among the single inscriptions in the following way: lines 6 and 9=inscription No. 65, lines 5 and 7-8=inscription No. 66, lines 3-4=inscription No. 67. The belonging of lines 1-2 to inscription No. 67 is uncertain, perhaps they represent a different inscription.

Line 6 seems to contain the proper name [OAP](AT)AP(A)-[NO]. The wall-surface on both sides of AP is broken, but the scratching was so deep that the shapes of the letters (AT) and (A) are still discernible. In line 9](MAA)[is obviously to be

restored to](MAA)]O 'here'. Accordingly, the general sense of the record might have been the following: "[Var]aharā[no came] here [to the 'Hundred Caves']". But no more exact detail about its wording can be said. The careful writing and the great size of the letters speak for the assumption that Varaharāno was a person of rank.

Inscription No. 66. This item seems to represent the common type of Bactrian records at Kara Tepe and perhaps it can be restored in the following way:

line 5 [KAAΔO.](O)[...]
 7 [ABO](CAΔO ΓAB)O
 8 [ΓAΔO] (TA) Z(A)[CTO]
 "[When N. N. came]
 [to] the 'Hundred Caves',
 then he said [a prayer]".

Inscription No. 67. Obviously the structure of this record was also similar to that of the former one. The name of the visitor ended with -αγo here. The inscription could be restored as follows:

line 3 [KAAΔO...]ΑΓO [ABO]
 [CAΔO ΓABO ΓA](ΔO T)A (Z)[ACTO]
 "[When...]αγo [ca]me [to]
 [the 'Hundred Caves'], then he pr[ayed]".

Inscription No. 68. On a badly damaged section of the northern wall of the southern cave-corridor remains of 6-7 lines can be discerned. Because of the broken wall-surface the reading of these inscriptions is very difficult and uncertain. Therefore, I can give their text only with some reserves:

line 1][...] (TA ZA)[
 2][...]O [...]]
 3][...] ΑΓOO [...]]
 4]ΔO (MA) [Γ] A(N) ITO [
 5][...] (CAΔO ΓABO) [
 6] (ΓAΔO) T(A) Z [
 7] (ΓAΔO TA) Z(AC) [

This epigraphic complex contains very likely three inscriptions at least. Since line 4 is partly superscribed on line 5, it must belong to a later inscription. The lines can be distributed among the single inscriptions as follows: line 1 = inscription No. 68, lines 2-3 and 5-6 = inscription No. 69, lines 4 and 7 = inscription No. 70.

Line 1 seems to be the end of an inscription of the common type, because it may contain the phrase](TA ZA)[CTO] "then he said a prayer". But the reading must still be verified on the basis of the original.

Inscription No. 69. This item, too, seems to represent the general type of the Bactrian records at Kara Tepe. Lines 2-3 probably contained the conjunction KAAΔO 'when' and the na-

mes of the visitors, while in lines 5-6 the stereotype formula ABO (CAΔO ΓABO ΓAΔO) [T](A) Z[ACTO] "they came [to] the 'Hundred Caves', then they said a prayer" can be discerned.

Inscription No. 70. As it was mentioned above, this inscription must be the latest one inscribed on this wall-section. It too reflects the common type, accordingly, it could be restored among others in the following way:

line 4 [KAΛΔ]O (MA)[Γ]A(N)IΓO
 7 [MAΛO] (ΓAΔO TA) Z(AC)[TO]
 "[Whe]n Māhāniyo came
 [here], then he said a prayer".

New is the proper name *Māhāniyo* here which seems to be a derivative from *māh* 'moon'.

Inscription No. 71. On the southern wall of the southern cave-corridor there are also some records:

line 1] AΔO [
 2] AΔO ΓA(Φ)O OIMAPO [
 3] [.](AΔ)O
 4] AΔO

These fragments probably represents three or four records. Line 1 could be regarded among others as the end of a short inscription: [Γ]AΔO "he came". Of course a proper name must also be restored before it.

Inscription No. 72. Lines 2-3 seem to represent an inscription of the common type which could be restored as follows:

[N.N. ABO C]AΔO ΓA(Φ)O
 [Γ](AΔ)O
 "[N.N.] came [to] the 'Hundred Caves'".

Inscription No. 73. The second part of line 2 must belong to a different inscription because the letters are written obliquely. The word OIMAPO seems to represent a proper name which could be interpreted as a verbal noun from the stem *mar-* 'to observe, remember, count'. *Vimaro* might be the development of Old Iranian **vi-mara-* 'one who forgets'. Unfortunately, it cannot be established whether this proper name stood alone or it was only the subject of a whole sentence.

Line 4 obviously belongs to another inscription because the size of the letters is greater than that of lines 2-3.

Inscription No. 74. Similarly on the southern wall-surface of the southern cave-corridor some records can be observed. Clearly is only one line to be seen:

[(M)AZ(ΔO)BAP(Γ)A(NO)]

Besides, there are some very faint traces of letters both above and below the legible line. I am, however, unable to give a satisfactory reading on the basis of the photograph being at my disposal.

The word MAZA OBAPΓANO probably represents a proper

name with the meaning 'Mazda-worshipping'. The second component of the name can be related to Avestan *barəg-* 'willkommen heissen; huldigen'. Semantically this proper name offers, therefore, an exact parallel to the term *mazdayasna-* 'Mazda-worshipping'.

Inscription No. 75. On the same southern wall-surface of the southern cave-corridor one more epigraphic complex occurs. It comprises three or four inscriptions. Because of the broken wall-surface the reading encounters considerable difficulties. The legible text runs as follows:

line 1]OA(PAY)A(P)[ANO] (OAO MIP)[
 2](AA)O[...
 3][.JO [...
 4](M)IPOBΩZHΔO [A]BO [C]A[
 5](PZOMIPO ABO)[...
 6][....]BO[.]AΔ[...B[.]A[...]AZ[
 7][.....](MAAO ΓA)[

It should be remarked that line 4 was partly superscribed on lines 3 and 5, accordingly it must be a later record than those. On the basis of the letter-forms and the depth of the scratching we can distribute the lines among the single inscriptions in the following way: lines 1 and 4=inscription No. 75, lines 2-3 and 5=inscription No. 76, line 6=inscription No. 77, line 7=inscription No. 78.

Belonging to inscription No. 75 lines 1 and 4 very likely contain three proper names. Two of them can be satisfactorily identified: OA(PAY)A(P)[ANO] often occurs in the Bactrian records at Kara Tepe, while on the other hand MIPOBΩZHΔO appears at Kara Tepe here at the first time. The latter name apparently represents Western Iranian *Mihrbōzēd* in Bactrian transcription. The reading MIP[of the third name is only a guess. After MIPOBΩZHΔO the text could be restored in the following way: [A]BO [C]A[ΔO ΓABO ΓAΔO *etc.*] "(they) [came] to the 'Hund[red Caves] *etc.*'".

Inscription No. 76. This item can be regarded as the oldest record inscribed on this wall-section. Line 2 started perhaps with [KA]AΔO[... 'when'. Then several proper names followed, the last of which was possibly [BO](PZOMIPO). At the end probably stood the stereotype phrase ABO [CAΔO ΓABO ΓAΔO] "[(they) came] to [the 'Hundred Caves']".

Inscription No. 77. Line 6 obviously represents a separate inscription starting with a clause of time [KAΔO N. N. A]BO [C]AΔ[O ΓA]B[O Γ]A[ΔO] "[When N.N. came to the ['Hund]red [Ca]ves'" and ending with the main clause [T]A Z[ACTO] "[th]en he said a prayer".

Inscription No. 78. Perhaps the badly damaged l. 7 can also be regarded as a separate record. The phrase](MAAO ΓA)AΔO points to a structure of sentence as *e.g.* "[N. N.] came here".

Inscription No. 79. Surely the whole number of Bactrian wall-inscriptions at Kara Tepe will not be exhausted by the above treatment. By a thorough investigation of the originals on the one hand and by the help of better photographs on the other hand a further number of earlier inscriptions partly scraped off by later visitors will probably be discovered. Thus, *e.g.* such an earlier inscription can also be discerned between lines 2 and 3 of inscription No. 1. The position of these faint traces of letters can be illustrated in the following way:

line 2]ΔO OAPAI'O OΔO BOPZOMIPO...

] (ABO CΔΔO Γ'ABO Γ'ΔΔO TA ZA)]

line 3 OΔO ZAZBO KAAΔO MAΔO...

These faint letters to be seen between lines 2 and 3 of inscription No. 1 apparently represent the remains of an earlier record which the latter inscription was superscribed on. The preserved part seems to reflect the stereotype formula](ABO CΔΔO Γ'ABO Γ'ΔΔO TA ZA)]CTO] "(he) came to the 'Hundred Caves', then he said a prayer".

Some conclusions

Undoubtedly the great number of Bactrian records occurring on the wall-surface in the corridors of cave No. II at Kara Tepe requires a historical interpretation. Beside the great number of inscriptions it is also striking that among the caves excavated at Kara Tepe so far, it is only cave No. II the walls of which were inscribed with Bactrian inscriptions. On the basis of the Prakrit and Bactrian inscriptions of Buddhist character written on pottery the conclusion presents itself that Kara Tepe was a flourishing Buddhist cave-monastery, a common centre both of the Mahāsaṅghika and of the Sarvāstivāda schools during the Kuṣāṇa Age. Contrary to the inscriptions written on pottery, the Bactrian records discovered in cave complex No. II are obviously of Zoroastrian character. This fact clearly comes out from the Zoroastrian names, the occurring of the term "magus" and the whole tenor of the inscriptions. But Zoroastrian records in a Buddhist monastery are hardly imaginable, and the content of the discussed wall-inscriptions obviously speaks in favour of the assumption that the Kara Tepe buildings ceased to be a Buddhist sanctuary before the wall-inscriptions came into being. The latter texts mention the sanctuary only as "Hundred Caves" or "evil buildings," *i.e.* the visitors regarded the site no more as a Buddhist monastery but—as the phrase "evil buildings" used by them shows—being not unaware of the past of the caves they considered them as the dwellings of the *dēvs*.

Accordingly, before the period represented by the Bactrian wall-inscriptions the Buddhist monks must have been expelled from Kara Tepe and the caves and buildings ceased to be a Budd-

hist religious centre. Perhaps this event could be brought into connection with the Sassanian conquest of Bactria, when apparently Surkh Kotal, too, was devastated. The fate of Surkh Kotal and that of Kara Tepe were, however, very likely different. Surkh Kotal was the religious centre of the Kušāna Dynasty, it is, therefore, easy to understand, if it was destroyed by the Sassanian army in 233 A. D.³⁹ But in the case of Kara Tepe a similar reason did not exist and even if it was conquered during the same campaign of Ardaxšahr as Balx and Surkh Kotal, it hardly suffered any damage at the time of the tolerant religious policy of the first Sassanian kings.

But it is a well-known fact that a great change in the religious policy of the Sassanians took place during the reign of Varhrān I and Varhrān II. Under the leadership of Kirdēr, the *moγbadān moγbad*, a severe persecution of all foreign religions began on the territory of Iran. This event can best be illustrated by the words of Kirdēr itself. I quote the following passage from his inscription Kartir KZ: *Wkyšy ZY 'hlmny WŠDY'n MN štry 'DYTN W'wb'ply 'kylydy Wyhwōdy Wšmny Wblmny Wn'čl'y Wklytd'n Wmktky Wzndyky BYN štly MHYTN YH W WNd W'wzdysy gwk'nyhy Wglsty ZY ŠDY'n wyswpyhy Wyzd'n g'sy Wnšdmy 'kylydy*⁴⁰. "And the teaching of Ahriman and the dēvs disappeared from the Empire and was abandoned and Jews, and Buddhists, and Brahmins, and Nazaraeans, and Christians, and Mugdags, and Manichaeans were annihilated within the Empire and the idols were destroyed and the caves of the dēvs were devastated and transformed into the house and seat of the gods". Taking into consideration that the cave-monastery at Kara Tepe was one of the most important centres of Buddhism in Bactria, there can be hardly any doubt that it was destroyed about 275 A. D. during the persecution of the foreign religions organized by Kirdēr.

Since in the Sassanian Empire Buddhism was mainly represented in Bactria, the term *šmny* 'Buddhist monks' used by Kirdēr in his inscription may denote in the first place the Bactrian Buddhists and among them mostly the monks of Kara Tepe. The phrase *glsty ZY ŠDY'n* 'cave of the dēvs' still more clearly refers to the Buddhist cave-monastery at Termez. Such cave-monasteries belonged to a rarely occurring type of religious buildings in Buddhist Eastern Iran, thus it is most likely that behind this expression of the inscription Kartir KZ an immediate reference to the cave-monastery at Kara Tepe is hidden.

Since the text of Kirdēr explicitly emphasizes that "the caves of the dēvs were devastated and transformed into a home and

³⁹ Harmatta, IV, p. 192 sq.

⁴⁰ Lines 9—10. M. Sprengling, *Third Century Iran. Sapor and Kartir*, Chicago, 1953, pl. 15—16. Cf. for the interpretation P. J. de Menasce, *Skand-gumānik vičār*, Fribourg, 1945, p. 243 sq. and Henning II, S. 102.

seat, of the gods", this connection of the inscription Kartir KZ with the fate of the Buddhist cave-monastery at Kara Tepe also involves—as I pointed out already in the first variant of my paper written in May 1965—the conversion of this building complex into a Zoroastrian fire-temple. In this context the reason also becomes clear why these Bactrian records of Zoroastrian character are to be found only in the corridors of cave-complex No. II. When the Zoroastrian clergy took possession of the cave-monastery and a sacred fire was established, for this purpose the magi needed, of course, only one building complex. They probably chose cave-complex No. II to establish the new sacred fire there. Accordingly, the Zoroastrian believers visited exactly this building to make their religious service here and to say their prayers and blessings. Performing their religious duties they probably beheld also the cave-corridors which they regarded as the former dwelling of the dēvs and denoted as "evil buildings" and they inscribed their names, occasionally also the dates of their visits and their blessings on the wall-surface of the cave-corridors.

On the basis of the above-said it seems to be probable that the Zoroastrian believers began to visit the Kara Tepe building complex from about the eighties of the IIIrd century A. D. Accordingly, the earliest records could be inscribed on the wall-surface of cave-complex No. II at that very time. For the further history of the Kara Tepe caves-complex some evidence presents itself from the inscriptions. There are following relevant records containing some date of historical interest:

No. 17 mentions the visit of "Varaharāno the Lord King".

20 gives the date "(3)97".

26 contains the blessing "[Lord King Va]raharāno may be a giant!".

35 presents the date "Regnal year (4)35".

39 contains the date "Regnal year 405".

49 mentions the visit of "Lord Varaharāno the King".

50 refers to the visit of "Lord King Ōromazdo".

52 commemorates the visit of "Lord King Varaharāno".

54 gives the date "Regnal year 405".

55 presents the date "Regnal year 405".

61 contains the blessing "[? Pirōzo the Lord] King may be a hero!".

62 refers to the visit of "Šīraṇo the magus".

These data prove that the Sassanian Viceroy of Bactria often visited the cave-sanctuary at Kara Tepe. The visit of at least three Kushano-Sassanian rulers: Ōromazdo, Varaharāno I and Varaharāno II was commemorated in the records. Perhaps one of the two Varaharānos also visited the "Hundred Caves" several times. Besides, the Bactrian high nobility bearing the title BAŌO "Lord" also showed great interest in the cave-sanctuary

and often made his blessings for the welfare of the Sassanian Vice-roy here. The visit of Šīraṇo the magus represents the interest of the Zoroastrian clergy which probably played a great part in developing the ideas about the cave-complex as the former dwelling of the dēvs.

In the records a whole set of dates appears: "Regnal years" (3)97, 405 (three times), (4)35. In connection with these dates the important question arises which era could be reflected by them. Taking into consideration the different eras used in Iran or Western India, *viz.* the Old Saka Era, Kaniška Era, Saka Era, Vikrama Era, Arsacid Era, Seleucid Era, Sassanian Era, we must decide in favour of Old Saka Era because the Seleucid, Arsacid and Sassanian Eras are to be left out of account for chronological reasons while the use of the Saka Era and the Vikrama Era did not include the territory of Bactria. As regards the Kaniška Era, though it was used in Bactria it did not go beyond era-year 98.

If we assume the use of the Old Saka Era in the records at Kara Tepe, then on the basis of my chronological calculations⁴¹ the occurring dates can be converted as follows: (3)97=330 A. D., 405=338 A. D., (4)35=368 A. D. It should be added that the latest known dating according to the Old Saka Era is offered by the Kharoṣṭhī inscription from Skārah Dherī containing the year 399=332 A. D. which proves the use of this era still during the IVth century A. D. in Northwestern India where the omission of the hundreds from the dates seems also to be a widespread custom. The use of the Old Saka Era in the records of Kara Tepe can also be supported by the fact that this era was re-introduced by Vasudeva II in Bactria and used in Surkh Kotal, too⁴².

On the basis of the relative position of the inscriptions the following relative and absolute chronology of the records commemorating the visits of the Sassanian Viceroys can be established. Inscription No. 17 attesting the visit of "Varaharāno the Lord King" seems to be earlier than No. 20 containing the date "[Regnal year] (3)97"=330 A. D. Inscription No. 50 referring to the visit of "Lord King Ōromozdo" is again obviously earlier than No. 49 mentioning the presence of "Lord Varaharāno the King" and inscribed partly on it. Both inscriptions are, however, earlier than Nos. 39, 54 and 55 dated to "Regnal year 405"=338 A. D. Inscription No. 52 attesting the visit of a second "Lord King Varaharāno" was inscribed later than Nos. 49 and 50 but it is undoubtedly earlier than record No. 35 containing the date "Regnal year (4)35"=368 A. D. It would also be tempting to assume that inscriptions Nos. 39, 54 and 55 presenting the date "Regnal year 405"=338 A. D. are earlier than No. 52 menti-

⁴¹ Cf. Harmatta IV, p. 194 sq.

⁴² Ibid., p. 185 sq.

oning the second Varaharāno, but the chronological relationship of the latter inscription to the quoted ones cannot be established with absolute certainty. Thus we obtain the following chronological table of the Kushano-Sassanian rulers occurring in the inscriptions at Kara Tepe:

Ōromozdo visited the "Hundred Caves" before 330 A. D.

Varaharāno I came to Kara Tepe later than Ōromozdo but similarly before 330 A. D.

His second visit (if we correctly identify the kings occurring in records Nos. 17 and 49) took place in any case before 338 A. D.

Varaharāno II visited the cave sanctuary probably after 338 A. D. and surely before 368 A. D.

Apparently a further valuable chronological evidence is offered by a Middle Persian inscription occurring within the framework of epigraphic complex B-11. This short record written in Pārsī script was treated above by V. G. Lukonin and W. B. Henning. The inscription only consists of two lines read by both scholars in the following way:

line 1]XX XX XX

2]tywky

Agreeing as regards its reading, the two scholars interpreted, however, the record in different way. Henning preferred to relate the date contained in line 1 to the Sassanian Era which began according to his opinion on the 1st October, 205 A. D. while Lukonin regarded the 60 years as the regnal years of Šāhpuhr II. Thus the two alternative dates 264/5 and 368/9 presented themselves. As to line 2 Henning restored [ʾn]tywky (*i. e.* the ancient name of Termez) here. Contrary to this, Lukonin read *tyrky* (which is equally possible) and interpreted this reading as the proper name *Tīraγ*.

On the basis of repeated investigations of the original (being now in the Hermitage) I should like to propose the following reading, restoration and interpretation of the inscription:

line 1 [BŠNT] (XX) XX XX XX (')[MT]

2 [ʔmtr](y W)tyrky (Y)['TWN]

"[(It was) in year] 80 w[hen]

[ʔMihr] and Tīraγ ar[rived]]".

It should be noted that before XX XX XX both the upper and the lower strokes of one more cipher XX are clearly visible. After the numeral '80' almost the whole shape of an ' can be discerned on the broken wall-surface. In line 2 before the *t* of *tyrky* the upper part of a *w* is clearly discernible and before it the lower stroke of a *y* is still visible below the break of the wall. Similarly, after *tyrky* and below the lower edge of the break, the lower stroke of a *y* can be observed.

Undoubtedly this inscription, too, represents the same type of visitors' inscriptions as I characterized in the fore-part of my

paper. Of course, the reading (XX) XX XX XX excludes the possibility to interpret this numeral as the regnal years of Šāhpuhr II. On the contrary, it strongly supports the opinion of Henning according to which we have to do with the Sassanian Era here. In accordance with the chronology of Šāhpuhr I established by me before, the beginning of this era would fall on the 1st October 206⁴³. Accordingly, year 80 of the same era corresponds to 286 A. D. If this interpretation proves to be correct, then we have to regard this Middle Persian inscription as the earliest record in cave-complex No. II which was inscribed not much later than the Buddhist monastery was transformed into a "seat of the gods". It immediately attests the visit of Persian men of rank in Kara Tepe.

Thus the dated inscriptions throw light on the history of cave-complex No. II within the limits of a period ranging from 286 A. D. up to 368 A. D. The last dated visit in the caves took place according to the testimony of inscription No. 35 in "Regnal year (4)35"=368 A. D. It seems that shortly after this date the visits in cave-complex No. II came to an end. Perhaps this event stood in connection with the secession of Bactria from the Sassanian Empire in the seventies of the IVth century A. D.⁴⁴

⁴³ J. Har m a t t a, Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos, S. 155 sq., where the calculations of S. H. Taqizadeh and W. B. Henning [The Dates of Mani's Life — AM, NS, 1957, vol. VI, pt 1, p. 106 sq.] were corrected.

⁴⁴ Cf. К. В. Тревер, Кушаны, хиониты и эфталты, — СА, 1954, т. XXI, стр. 131 и сл. Apparently these historical events stood in connection with the southward movement of the Hunnic tribes during the IVth century A. D.

ТЕРРАКОТЫ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

Настоящая статья посвящена терракотам, которые были найдены на городище Старого Термеза на холме Кара-тепе в 1937 г. Е. Г. Пчелиной¹. С момента открытия этих памятников прошло три десятилетия. За этот большой промежуток времени, особенно за последние годы, на юге Узбекистана и Таджикистана, в Северном Афганистане и Северо-Западной Индии обнаружено немало памятников терракотовой скульптуры². В свете этих новых данных находки терракот на Кара-тепе могут расцениваться как довольно важный материал, который дополняет наши представления по короoplastике Тохаристана (Бактрии).

На Кара-тепе в 1937 г. было найдено шесть терракот: два

¹ Статуэтки были обнаружены на поверхности, поэтому не могут быть датированы стратиграфически. См. Кара-тепе, стр. 90, рис. 40.

² М. Е. Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, — ТАКЭ, Ташкент, 1940—1941, т. I («Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2), стр. 74—76; М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, — ТАКЭ, Ташкент, 1945, т. II («Труды АН УзССР»), стр. 50—52, рис. 9—11; Г. А. Пугаченкова, Сосуд из Термеза с вакхической сценой, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 128—136; Н. Н. Забелина, Новые археологические находки из Гиссарской долины, — «Сообщения РИКМ», 1952, вып. II, стр. 23—33; Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 19—36; его же, Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949), — «Труды ИИА АН УзССР», Ташкент, 1955, вып. VII, стр. 119—129; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., — МИА, М.—Л., 1958, № 66, стр. 301, 304, 310, рис. 7, 12, 13; А. М. Мандельштам, Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г., — «Доклады АН ТаджССР», 1954, вып. 11, стр. 64; В. Д. Жуков, Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе, — ИМКУ, 1961, вып. 2, стр. 177—191, рис. 1; Е. В. Зеймаль, Археологические разведки в Гиссарской долине, — «Труды ИИ АН ТаджССР», Сталинабад, 1961, т. XXVII, стр. 124—125, 132—133, рис. 36; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 39—67; Г. А. Пугаченкова, Образ Чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна, — ВДИ, 1962, № 2, стр. 88—95; R. Ghirshman, Bégram, — MDAFA, Cairo, 1946, t. XII, стр. 49—56; J.-C. Gardin, Céramiques de Bactres, — MDAFA, Paris, 1957, t. XV, стр. 54—63, pl. X—XII; J. Carli, Fouilles dans le site de Shahri-Banu et sondage au Zakar-tepe, — MDAFA, Paris, 1959, t. VIII, стр. 59—73, pl. V, fig. 213—223; J. Marshall, Taxila, Cambridge, 1951, vol. II, стр. 439—452; vol. III, pl. 132—134.

фрагмента от разных женских статуэток (головка и фигурка без головы), статуэтка сидящего Будды или бодхисаттвы с утраченной головкой и три плохо сохранившиеся фигурки животных.

1. Антропоморфные изображения

Статуэтка женщины в складчатой тунике. Лучшее из сохранившихся статуэток-плитка (рис. 23в, 24а), изображающая женщину в складчатой тунике (голова утрачена)³. Плитка почти прямоугольной формы: высота 9,2 см, ширина верхней части 4 см, нижней — 6 см. Рельефное изображение оттиснуто на одной стороне, обратная сторона плоская, с вмятинами от пальцев. Глина светло-палевая, на тыльной стороне следы красного ангоба. Изображение женщины трактовано условно, без всякой попытки реалистического воспроизведения форм человеческой фигуры. Пропорции приземисты. На плоской поверхности рельефно выделяются лишь схематично обозначенные груди и крупная кисть правой руки, которая высовывается из-под края накидки. На женщине свободная широкая туника, которая от самого верха до пят ложится строгими частыми вертикальными складками. Нижняя часть одежды несколько расширена и состоит из двух крупных оборотов. Регулярные продольные складки пересекаются в двух местах поперечными полосками. Верхняя, выпуклая, по-видимому, имитирует ленточный пояс, нижняя, вдавленная, линия обозначает границу между двумя оборотами.

Накидка, брошенная на плечи, передана условно двумя боковыми глубокими бороздами, обозначающими двойную оторочку. На шее ожерелье в виде выпуклого обруча с точечным орнаментом; ниже — еще одно ожерелье, из бус. Бусины разной величины и формы, в центре — прямоугольная бляха с округленными краями и намеченной углубленной серединой.

Образцы, аналогичные статуэтке из Кара-тепе, встречаются среди среднеазиатских терракот крайне редко. Таковы статуэтка, хранящаяся в Эрмитаже, и формочка из Термезского музея⁴.

Происхождение эрмитажной статуэтки неизвестно, хотя она и находится в числе терракот, составляющих афрасиабскую коллекцию Б. Н. Кастальского⁵. Вполне возможно, что она не согдийская, а тохаристанская, так как из трех известных экземпляров такого типа образцов два найдены на территории Бактрии (Тохаристана).

³ Музей истории религии (МИР), Ленинград, шифр А-784-1; Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ), КП № 24407.

⁴ Термезский областной краеведческий музей.

⁵ Эрмитаж, Отдел Востока, шифр А-376. Высота 8,9 см.

Эрмитажная статуэтка, как и фигурка из Кара-тепе, изображает женщину в подобном же костюме. Эта статуэтка представляет собой, как и кара-тепинская, плитку с рельефным оттиснутым изображением на одной стороне и гладкую сзади. Сделана она из светлой глины зеленоватого оттенка, без ангоба. Туника широкая и заканчивается поперечными оборками; их не две, как на статуэтке из Кара-тепе, а три. Многочисленные продольные складки, идущие от самого верха, не так регулярны и схематичны и трактованы более реалистично. Они подчеркивают эластичность ткани и фасон самой туники. Ткань туники, очень высоко стянутой поясом, собирается на груди в мелкую частую сборку. Густые складки расклеванных, свободно падающих оборок несколько крупнее и более живописны; складки самой широкой нижней оборки, сильно расходясь книзу, располагаются веерообразно. На плечи наброшена накидка с ложными свисающими рукавами. По краю она оторочена выпуклой тесьмой с точечным орнаментом. Полоской из вдавленных точек у самого ворота показано ожерелье. Фигура приземистых пропорций, очень плоская; лишь слегка выпукло моделирована грудь и крупная кисть правой руки, которая высовывается из-под края накидки.

Наши представления о статуэтках этого типа дополняет формочка Термезского музея. Она была найдена на городище Шор-тепе в Анхорском районе.

Оттиск из этой формочки дает возможность восстановить облик целых статуэток подобного типа⁶. Крупная, почти объемная голова на длинной полной шее странно сочетается с абсолютно плоским туловищем. Полное лицо с открытым лбом обрамлено волнистыми волосами, расчесанными на прямой пробор. Лоб высокий, надбровные дуги переданы перегибами от лба к глазным впадинам. Глаза большие, миндалевидной формы с выпуклыми глазными яблоками, без зрачков. Верхние веки моделированы плотными выпуклыми валиками; нижние — очерчены резкой линией. Крупный нос с узким переносьем сильно утолщен и расширен книзу. Толстые губы плотно сжаты. Под нижней губой пластически выявлена верхняя граница полного подбородка. Плотные, точно налитые щеки сведены к единой овальной обтекаемой плоскости. Поверхность как бы выглажена, отчего лицо еще больше кажется округлым и выпуклым. Изображена только правая рука, крупная кисть которой высовывается из-под накидки почти так же, как и на статуэтке из Кара-тепе. Одежда состоит из складчатой туники и накидки. Однако ткань передана не так

⁶ Однако совсем не обязательно, что все женские фигуры в складчатой тунике имели именно такую голову, которую воспроизводит слепок из шортепинской формочки.

схематично, как на кара-тепинской статуэтке. Крупные складки накидки, спадающие с правого плеча, обрисовывают согнутую руку; перетянутая под грудью туника собрана наверху в мелкую сборку и книзу падает более крупными, естественно расходящимися складками.

Таким образом, одежда, изображенная на рассмотренных нами статуэтках, представляет собой сочетание свободной греческой туники с такими чисто азиатскими деталями женского костюма, как накидка и двойное ожерелье, которое изображено на кара-тепинской статуэтке.

Накидка и ожерелье являлись обязательными элементами женского костюма Согда в эпоху кушан⁷. В литературе не раз уже отмечалось, что вообще накидка с ложными рукавами типична для восточноиранского мира⁸.

Другой важной чертой костюма рассматриваемых женских статуэток из Тохаристана является характер самой туники. Она непременно складчатая, причем складки всегда строго вертикальны и переданы ровными рельефными линиями. Туника стянута поясом либо под самой грудью, либо на талии и заканчивается двумя или тремя оборками, отделенными одна от другой поперечными членениями. Прототипы этого костюма встречаются на образцах коропластики Передней Азии. Свободную тунику с вертикальными складками, перетянутую в нескольких местах поясами, в сочетании с накидкой, мы видим на одной статуэтке из Вавилонии, которая датирована Ван Бурен 400 г. до н. э.

Привлекаемая статуэтка, по определению Ван Бурен, изображает мужчину⁹ (рис. 246). Это не должно нас смущать, так как туника в мужском и женском древнеперсидском костюме была совершенно одинаковой¹⁰. Туника с продольными частыми складками, но, правда, с большим вырезным воротом встречается на женских статуэтках эллинистического типа в Селевкии на Тигре¹¹ (рис. 25а, 25б). Эти статуэтки не датируются, но, по-видимому, они происходят из ранних слоев, так как Ван Инген отмечает, что именно в самых ранних слоях (III—I вв. до н. э.) преобладают статуэтки эллинистического типа¹². Высоко подпоясанная и собранная в густую

⁷ Ф. А. Заславская, Богиня плодородия в коропластике Афрасхаба кушанского времени, — ИМКУ, 1959, вып. I, стр. 51, 59.

⁸ Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда (по данным городищ Самаркандского района), — КСИИМК, М.—Л., 1940, вып. VI, стр. 28; O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus, London, 1905, стр. 51, fig. 9, 35, 34.

⁹ E. D. Van Buren, Clay Figurines of Babylonia and Assyria, New Haven — Oxford — London, 1930, pl. XXXI, fig. 149; стр. LXV, 114.

¹⁰ O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus, стр. 47.

¹¹ W. Van Ingen, Figurines from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor — London, 1939, pl. XLIX, № 721 (360); pl. VIII, № 115a (61); стр. 34.

¹² Там же.

сборку на груди складчатая туника в сочетании с накидкой изображена также на известной статуэтке богини Миной из Хорезма, которая датируется III—II вв. до н. э.¹³ Это единственный известный в литературе пример изображения костюма такого типа на терракотах Средней Азии.

Думается, что и другая особенность туники — поперечные оборки, идущие по низу, — восходит также к месопотамскому костюму. Длинное платье с оборками — типичный женский месопотамский костюм парфянского времени. Он изображен на статуэтках, датируемых Ван Бурен 100 г. до н. э.¹⁴ (рис. 24в). Статуэтка женщины в складчатой тунике с поперечными оборками встречена также в Таксиле, в слое III в. до н. э.¹⁵

Все приведенные аналогии позволяют считать, что статуэтка женщины в складчатой тунике из Кара-тепе и два рассмотренных в связи с нею экземпляра (формочка из Шор-тепе и статуэтка из Эрмитажа) сделаны под влиянием так называемой греко-иранской культуры, т. е. эллинистической культуры Ирана. Вполне возможно, что в Тохаристане, как и на Переднем Востоке и в Индии, такие статуэтки могли появиться в III—I вв. до н. э.

По техническим и стилистическим особенностям статуэтки женщины в складчатой тунике близки к изображениям сидящей богини (первые века н. э.) из Кобадияна¹⁶, Шари-Бану¹⁷, Беграма¹⁸. Все они отличаются общими принципами изображения человеческой фигуры. Монолитный корпус тела, широкий, плоский, без анатомической проработки; выпукло даны только кисти рук, высовывающиеся из-под края накидки.

Фигурку из Кара-тепе и две идентичные фигурки можно признать эллинистическими только по складчатой тунике, да и она в сочетании с типично азиатской накидкой представляет собой лишь часть сильно измененного античного

¹³ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яхсарта, М., 1962, стр. 126, 127, рис. 66, в: статуэтка, аналогичная изданной, но укороченных пропорций, найдена в слое III—II вв. до н. э. (53 Кой-Крылган-кала 25).

¹⁴ L. Legrain, *Terra-cottas from Nippur*, Philadelphia, 1930, pl. VII, 45; стр. 15; E. D. Van Buren, *Clay Figurines*, стр. 47 (245), pl. XV, fig. 61.

¹⁵ J. Marshall, *Taxila*, vol. III, pl. 134, № 55.

¹⁶ А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., стр. 301, 304, 310, рис. 7, 12, 13; А. М. Мандельштам, Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда, стр. 64.

¹⁷ J. Carl, Fouilles, стр. 69—70, № 38, 39; pl. V, 38, 39, fig. 217, 222 (последняя фигурка найдена в помещении V, где была обнаружена монета Кадфиза II).

¹⁸ R. Ghirshman, Bégram, стр. 50—52; pl. IX, 1, 2; pl. XXVIII, B. G. 374.

костюма. В остальном же эти геометризированные плоские фигурки, изображающие женщину в строго фронтальной позе, закутанную в одежды, складки которой выполнены в линейной манере, уже не имеют ничего общего с терракотами эллинистического Запада. Они отражают процесс, который наблюдается в коропластике всего Среднего Востока в последних веках до н. э. и первых веках н. э., когда реалистическое воспроизведение человеческого тела уступает место условной трактовке, основанной на геометризации форм и строгости линий¹⁹. Все это позволяет считать, что статуэтки женщины в складчатой тунике, представляя самый ранний тип из всех известных терракот Тохаристана, по-видимому, предшествуют появлению совершенно плоскостных статуэток сидящей богини I—III вв. н. э.

Головка женской статуэтки. К числу женских изображений, происходящих из Кара-тепе, следует отнести также глиняную головку²⁰ (рис. 23а). Она очень плохой сохранности: поверхностный слой с лицевой стороны сколот. Волосы, переданные полукруглым, ребристым валиком, обрамляя лицо, спускаются по бокам и прикрывают уши. Серьги в виде крупных колец (серьга сохранилась только с левой стороны) как бы являются продолжением валика; находясь на уровне подбородка, они касаются шеи. Характерная укладка волос из прямых коротких прядей напоминает прическу, изображенную на статуэтке из Сиркапа, которая датируется последней четвертью I в. до н. э.²¹. Но это сходство не может явиться достаточным основанием для датировки головки из Кара-тепе.

Статуэтка Будды (?). Эта фигурка²² (рис. 23б, 25в) заслуживает внимания, так как представляет собой редкий в (среднеазиатской коропластике иконографический тип, до сих пор не встречавшийся ни среди терракот Тохаристана²³, ни

¹⁹ Там же, стр. 51.

²⁰ МИР, шифр А-785; ЦАМ, КП № 24408. Глина оранжевая; высота 5 см, ширина 3,5 см.

²¹ Marshall, BAG, fig. 19.

²² МИР, шифр А-783-1; ЦАМ, КП № 24706. Высота 6,7 см.

²³ Среди терракот Тохаристана буддийского характера, отмеченных в литературе, нет ни одного образа изображения. См.: М. Е. Массон, Городища Старого Термеза, стр. 77—79, рис. 49—54; Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, стр. 27—28, рис. 13; его же, Некоторые данные по изучению Анхорской группы памятников, стр. 125—129. Из неопубликованного материала следует упомянуть образок с изображением Будды из Караул-тепе (городище в 18 км от ст. Кум-Курган; раскапывалось в 1959—1960 гг. сотрудником Музея истории АН УзССР К. Шахурным, который любезно предоставил мне возможность ознакомиться с находками). Образок из Караул-тепе (шифр $\frac{p-101}{VII}$), так же как и вышеупомянутые опубликованные терракоты, представляет другой иконографический тип Будды; на образке из Караул-тепе Будда изображен с руками, опущенными вниз.

среди терракот других среднеазиатских областей: Хорезма²⁴, Согда²⁵, Мерва²⁶.

Фигурка из Кара-тепе выполнена в горельефе. Сделана она в открытой форме. Глина оранжевая с примесями. Голова утрачена. Будда (?) сидит скрестив ноги, колени сильно раздвинуты. Правая рука поднята в *abhaya-mudra* (жест убеждения). Левая рука, лежащая на колене, по-видимому, придерживает складки материи, слегка их приподнимая.

Фигура облачена в складчатую свободную одежду, которая целиком закрывает руки и поджатые ноги. Вокруг шеи материя ложится треугольными складками, подол верхней одежды, поднятый правой рукой, огибая запястье, падает двумя рельефно выделяющимися складками. Ткань, которой обернуты ноги, почти гладкая.

Композиция построена по фигуре равнобедренного треугольника. В плечах фигура Будды (?) узкая, а книзу расширена за счет сильно раздвинутых коленей. Пластическая масса компактна: слитно с туловищем даны руки; утяжеленная нижняя часть скульптуры, изображающая поджатые ноги, представляет собой единый сплошной монолит квадратной формы. Основание статуэтки широкое, устойчивое. Эта особенность, необычная для большинства среднеазиатских терракот, приближает ее к круглой скульптуре. Впечатление пространственности усиливается еще и тем, что, несмотря на свою фасадность, терракота воспроизводит почти реальные объемы человеческого тела и линия, обрисовывающая сидящую фигуру по контуру, вполне естественна.

Иконографический тип Будды (?), воспроизведенный на кара-тепинской статуэтке, хорошо известен по памятникам монументальной скульптуры Северо-Западной Индии и Матхуры. В такой же позе с поднятой правой рукой, укутанный целиком в складчатую одежду Будда, а иногда и бодхисаттва изображены, например, на рельефах Таксилы, Нату, Сарн-Бахлола, Тахти-Бахи, Сикри, Матхуры²⁷, на реликварии Канишки²⁸.

²⁴ Поза сидящего Будды на хорезмийских терракотах существенно отличается от позы сидящего Будды (?) из Кара-тепе. См.: С. П. Толстов, Древний Хорезм, М.—Л., 1948, стр. 199, табл. 76, 1—3.

²⁵ Среди многочисленных терракот из Афрасиаба, сосредоточенных в Государственном Эрмитаже, Музее истории АН УзССР в Ташкенте, Самаркандском музее, Ферганском музее, подобных статуэток нет. См., например: С. Trever, *Terracottas from Afrasiab, Moscow — Leningrad, 1934*; В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962.

²⁶ В терракотах Мерва вообще нет изображений Будды. Однако исследователи отмечали образцы, напоминающие буддийские памятники, см. Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, — «Труды ЮТАКЭ», Ашхабад, 1949, т. I, стр. 342.

²⁷ J. E. van Lohuizen de Leeuw, *The «Scythian» period*, Leiden, 1949, стр. 150, 188—189, fig. 39—40.

²⁸ См., например, J. E. van Lohuizen de Leeuw, *The «Scythian» period*, стр. 100, pl. II.

Эти памятники датируются исследователями различно. Так, например, знаменитый сидящий Будда из Тахти-Бахи в Берлинском музее или же рельефы Сикри одними учеными принимаются за самые ранние скульптурные произведения гандхарского искусства, другими — за поздние памятники. Особенно наглядны разногласия в датировке реликвария Канишки. А. К. Кумарасвами и Лохвизен де Лёв относят его к середине I в. н. э., считая этот памятник самым древним изображением Будды²⁹. Большинство же ученых — Д. Фогель, Д. Спунер, А. Фуше, Дж. Маршалл, а также Н. Маджумдар, Х. Бухтал, Х. Ингхольт — датируют реликварий Канишки концом развития гандхарского искусства Индии (300—400 гг. н. э.)³⁰.

Несмотря на разногласия ученых в вопросах хронологии гандхарской скульптуры, для датировки терракотовой статуэтки Будды (?) из Кара-тепе следует иметь в виду два почти бесспорных положения.

Первое заключается в том, что изображения Будды в образе человека появились где-то в первой четверти, скорее всего в середине I—II вв. н. э. Такова точка зрения Дж. Маршалла, Лохвизен де Лёв, Х. Ингхольта, Б. Роуланда³¹, опровергающая ранее существовавшую теорию А. Грюнведеля и А. Фуше о происхождении образа Будды (который, по их мнению, возник в Гандхаре в начале I в. до н. э.) от греческого Аполлона³².

Для опровержения этой устаревшей теории в современной литературе по гандхарскому искусству привлекаются данные археологии и нумизматики. В этом вопросе ученые большое значение придают результатам археологического исследования Таксилы. Так, на основании находки статуэтки Гаутамы в Дхармараджике, которая датируется первой четвертью I в. н. э., Дж. Маршалл приходит к заключению, что это самый ранний образ «великого учителя», который существовал еще до возникновения канонического изображения Будды³³.

А. К. Кумарасвами и Лохвизен де Лёв убедительно до-

²⁹ J. E. van Lohuizen de Leeuw, The «Scythian» period, стр. 34; A. K. Coomaraswamy, The Origin of the Buddha Image, — «The Art Bulletin», 1926, vol. IX, стр. 289.

³⁰ См.: Ingiholt, GAP, стр. 29—30.

³¹ Marshall, BAG, стр. 7—8, 24, 25; J. E. van Lohuizen de Leeuw, The «Scythian» period, стр. 87; Ingiholt, GAP, стр. 25.

³² A. Grünwedel, Buddhist art in India, London, 1901, стр. 164; A. Foucher, L'origine grecque de l'Image du Bouddha, — «Annales du Musée Guimet», Chalon-sur-Saône, 1912, t. XXXVIII, стр. 231—272; его же, The beginnings of Buddhist art, London, 1917, стр. 128; L. Bachhofer, Plastik der Kushana Panteon, München, 1931, стр. 355—359, 502—506.

³³ J. Marshall, Taxila, vol. II, стр. 701, № 6; vol. III, pl. 212, № 6; Marshall, BAG, стр. 25.

казывают, что самый первый образ Будды мог возникнуть не раньше правления Вимы Кадфиза, так как в Сиркапе, который хорошо датируется монетами и другими находками временем Куджулы Кадфиза, не обнаружено ни одного изображения Будды³⁴. Будда в образе человека появляется только на монетах Канишки³⁵. Х. Ингхольт отмечает, что таких монет немного: одна золотая и три медные. На медных монетах изображен сидящий Будда с поднятой правой рукой (жест убеждения)³⁶, т. е. в той же позе, что и терракотовый Будда (?) из Кара-тепе.

Вторым положением, которое следует иметь в виду при датировке кара-тепинской статуэтки, является общепринятая схема развития иконографии Будды. Фигура сидящего Будды вначале изображалась облаченной в складчатую одежду, целиком покрывавшую руки и ноги, затем с одним оголенным плечом или непокрытыми ногами³⁷.

Несмотря на расхождения в датировках, Лохвизен де Лёв и Х. Ингхольт приходят к общему заключению, что изображение Будды с оголенным плечом более характерно для иконографии эпохи Гуптов (IV—V вв. н. э.)³⁸.

Исходя из этих двух положений — 1) канонический образ Будды в Тохаристане мог появиться не раньше конца I—II вв. н. э.; 2) изображение сидящего Будды в складчатом одеянии, покрывающем всю фигуру, несомненно, предшествовало появлению других иконографических типов, — можно приблизительно определить время изготовления статуэтки из Кара-тепе. Это, скорее всего, период, охватывающий расцвет и упадок Кушанской империи (конец I—III вв. н. э.), т. е. время активной жизни буддийского монастыря на Кара-тепе³⁹.

Значение находки терракотовой статуэтки Будды (?) на Кара-тепе не ограничивается только тем, что она увеличивает число уже известных памятников буддизма, обнаруженных на территории Тохаристана (Бактрии); она привлекает внимание и к следующему обстоятельству. Не случайно для датировки кара-тепинской статуэтки потребовалось обратиться не к коропластике, а к монументальным памятникам Гандхары, так как в терракотах Северо-Западной Индии и Афганистана изображения Будды встречаются крайне редко.

³⁴ J. E. van Lohuizen de Leeuw, «Scythian» period, стр. 87, 99, 105.

³⁵ Там же, стр. 105; Ingholt, GAP, стр. 25.

³⁶ Ingholt, GAP, стр. 25; ср. A. Cunningham, 1892, стр. 81, 159; pl. VIII, 12, 14.

³⁷ J. E. van Lohuizen de Leeuw, «Scythian» period, стр. 126; Ingholt, GAP, стр. 30; Marshall, BAG, pl. 116, 122, 123, 124, 125, 151.

³⁸ J. E. van Lohuizen de Leeuw, «Scythian» period, стр. 126—127; Ingholt, GAP, стр. 25.

³⁹ Кара-тепе, стр. 46.

В таких крупных коропластических центрах, как Таксила или Ахичхатра, на сотни терракот приходится лишь несколько десятков буддийских статуэток, и то принадлежащих только к эпохе раннего средневековья.

Статуэтки из Таксилы, найденные в ступах Дхармараджика, Калаван, Мохра-Марудо, датированы Дж. Маршаллом IV—V вв. н. э.⁴⁰

В. С. Агравала сообщает, что в Ахичхатре найдено пять буддийских фигурок (слой IV—VIII вв. н. э.): две из них он относит к позднекушанскому времени, остальные — к VI—VII вв. н. э. Однако ни одна из них не похожа на статуэтку Будды (?) из Кара-тепе⁴¹.

Следует отметить, что и в Бхите среди 67 терракот кушанского времени нет ни одной буддийской фигурки⁴².

В каталоге Х. Ингхольта, который является в настоящий момент самым полным изданием гандхарских памятников, группа буддийских терракот сравнительно невелика и датирована также поздним периодом (300—400 гг. н. э.). Среди семнадцати статуэток, изображающих Будду и бодхисаттв, имеется только одна фигурка сидящего Будды (№ 497), но и та представляет иной иконографический тип, чем кара-тепинская статуэтка⁴³.

Терракоты Афганистана также не дают никаких близких аналогий⁴⁴.

Все это позволяет поставить вопрос об исключительности терракотовой статуэтки Будды (?), найденной на Кара-тепе. Она необычна потому, что воспроизводит иконографический тип, хорошо известный по памятникам монументальной буддийской скульптуры, но не встречавшийся до сих пор среди терракот Тохаристана (Бактрии), Южного Афганистана и Северо-Западной Индии.

В коропластике Тохаристана сидящий Будда или бодхисаттва обычно изображались не с поднятой рукой (жест убеждения), а с опущенными руками (поза размышления).

Кроме того, изображения Будды или бодхисаттв до сих пор встречались только на терракотовых плитках, а не на горельефных статуэтках. Терракотовый Будда (?) из Кара-тепе — первая такая статуэтка, обнаруженная на территории Тохаристана.

Это не совсем обычный односторонний оттиск в открытой форме, как большинство среднеазиатских терракот, которые могут либо стоять прислоненными к стене, либо лежать.

⁴⁰ J. Marshall, *Taxila*, vol. II, стр. 468; vol. III, pl. 138, № 164—187.

⁴¹ V. S. Agrawala, *Terracotta figurines of Ahichhatra*, — AI, 1948, № 4, стр. 137.

⁴² J. Marshall, *Excavations at Bhita*, — ASI, 1915, стр. 71.

⁴³ Ingholt, *GAP*, стр. 21.

⁴⁴ R. Ghirshman, *Bégram*, стр. 49—53; J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, стр. 54—63; J. Carl, *Fouilles*, стр. 59—73.

В данном случае миниатюрная фигурка Будды (?) решена пространственно, она имеет устойчивое основание и может стоять в вертикальном положении, как произведение круглой пластики. Только тыльная сторона фигурки плоскостная; выдержан тот же принцип фасадности, который характерен для монументальной кушанской скульптуры Сурх-Коталая, Матхуры, Гандхары⁴⁵, а также для недавно открытых статуй на городище Халчаян⁴⁶.

Таким образом, статуэтка из Кара-тепе повторяет не только иконографический тип Будды, известный по монументальным памятникам, но и формальные принципы лепки большой скульптуры. Она, безусловно, представляет собой миниатюрную копию крупной статуи и поэтому, несмотря на свои небольшие размеры, выглядит монументальной.

II. Фигурки животных

Среди терракот, найденных в 1937 г., как уже говорилось выше, были и сильно попорченные фигурки животных.

Из них два фрагмента — определенно от фигурок коней. Один (высота 5 см) представляет собой голову животного с высокой гривой-гребнем (рис. 23г). Вытянутая морда — небольшая и узкая; маленькие остроконечные уши торчат вверх, глаза и ноздри не показаны. Глина светлая, оранжевая; без ангоба⁴⁷. Другой фрагмент (высота 6,8 см) изображает шею коня, на которой продольными и поперечными бороздами показана грива (рис. 23д). Черепок плоский; следы красного ангоба⁴⁸.

Третий фрагмент (длина 7,2 см, высота 4 см) — туловище какого-то четвероногого животного (голова и ноги утрачены) (рис. 23е). Корпус объемный и короткий; на поверхности (на спине и боках) — линии из углубленных ямок; местами следы красного ангоба⁴⁹.

Эти попорченные фигурки животных из Кара-тепе — материал очень невыразительный, и потому не заслуживают того, чтобы рассматривать каждый фрагмент в отдельности.

В целом следует лишь отметить, что находки фигурок животных на древних городищах Средней Азии и сопредельных зарубежных стран — явление массовое.

Особенно часто встречаются изображения коней. Фигурки

⁴⁵ D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec*, — «Syria», 1960, t. XXXVII, fasc. 1/2, стр. 157, pl. VII; fasc. 3/4, стр. 298.

⁴⁶ Г. Н. Пугаченкова, Халчаянская Афина, — ВДИ, 1963, № 2, стр. 106.

⁴⁷ МИР, шифр А-998; ЦАМ, КП № 24450.

⁴⁸ МИР, шифр А-789; ЦАМ, КП № 24412.

⁴⁹ МИР, шифр А-997-1; ЦАМ, КП № 24449.

коней были обнаружены в Термезе, Зар-тепе, Мерве, Хорезме. Бесчисленное количество их найдено на городище Афрасиаб⁵⁰.

Многочисленны также находки подобных фигурок на территории Афганистана, Северо-Западной Индии, Ирака, Ирана.

Важно отметить, что фигурки коней, аналогичные фигуркам из Кара-тепе, чаще покрытые красным ангобом, без обозначения глаз, с гривой-гребнем, иногда гривой, показанной процарапанными линиями, большинство исследователей относят к древнему периоду: такие хорезмийские фигурки С. П. Толстов датирует III в. до н. э. — I в. н. э.⁵¹; аналогичные статуэтки из Согда А. И. Тереножкин относит на основании стратиграфических данных к стадии Афрасиаб IV (II в. до н. э. — I в. н. э.)⁵², подобные же мервские фигурки Г. А. Пугаченкова датирует I—II вв. н. э.⁵³

Фигурки коней, покрытые красным ангобом, обнаружены в Афганистане в кушанских слоях Тепе-Заргарана и Тепе-Нимлика⁵⁴, а также на городище Шарн-Бану вместе с монетами Гелнокла и Кадфиза II⁵⁵.

Ж.-К. Гарден, привлекая материал по коропластике не только Средней Азии и Афганистана, но также Передней Азии и Индии, пришел к заключению, что фигурки животных, главным образом лошадей, были широко распространены в течение двух или трех первых веков нашей эры⁵⁶.

Вполне возможно, что и терракотовые фигурки из Кара-тепе — также кушанского времени. Но вместе с тем их еще нельзя датировать с такой определенностью, так как они могли быть сделаны и значительно позже. Ж.-К. Гарден отмечает, например, что, хотя рассматриваемые им фигурки животных происходят из разных хронологических слоев, все они однотипны: шея удлиненная и неподвижная, слегка выгнутая; туловище короткое, а ноги цилиндрические⁵⁷.

М. Е. Массон, опираясь на материалы этнографии, считает, что древняя традиция изготовления фигурок животных живет очень долго, вплоть до наших дней⁵⁸.

⁵⁰ В афрасиабских коллекциях Самаркандского музея, Эрмитажа хранятся сотни фигурок животных.

⁵¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 204, 206, 207, табл. 78, 79, 80.

⁵² А. И. Тереножкин, Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г., — КСИИМК, М.—Л., 1947, вып. XVII, стр. 117, рис. 51; его же, Согд и Чач, — КСИИМК, М.—Л., 1950, вып. XXXIII, стр. 157.

⁵³ Г. А. Пугаченкова, Коропластика древнего Мерва, — «Труды ЮТАКЭ», Ашхабад, 1962, т. XI, стр. 161—162.

⁵⁴ J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, стр. 59—60, pl. XI, № 5.

⁵⁵ J. Carli, *Fouilles*, стр. 707—711, pl. V, 50, fig. 219.

⁵⁶ J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, стр. 60.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ М. Е. Массон, Городища Старого Термеза, стр. 75.

Таким образом, вопрос о датировке терракотовых фигурок животных Средней Азии, в частности с городища Кара-тепе, представляет большие трудности и остается открытым.

* * *

Терракоты Тохаристана в настоящее время изучены меньше, чем терракоты других среднеазиатских областей, и они труднее поддаются хронологической классификации. Предложенная датировка статуэток из Кара-тепе может явиться лишь началом исторической периодизации коропластики Тохаристана.

Б. Я. Ставиский

**ФРАГМЕНТЫ КАМЕННЫХ РЕЛЬЕФОВ И ДЕТАЛЕЙ
АРХИТЕКТУРНОГО УБРАНСТВА ИЗ РАСКОПОК
КАРА-ТЕПЕ 1961—1964 гг.**

Во время раскопочных работ 1961—1964 гг. на Кара-тепе найдено довольно много фрагментов каменных рельефов и тесно связанных с ними каменных деталей архитектурного убранства. Находки 1961—1962 гг. опубликованы в общем отчете о раскопках этих лет¹, остальные издаются впервые.

Многие фрагменты сильно обиты, и судить об их первоначальном виде и назначении ныне не представляется возможным. Другие же — столь фрагментарны, что их принадлежность к предметам той или иной категории можно определить только предположительно. И лишь немногие кара-тепинские находки представляют собой вполне определенные вещи. Но, несмотря на это, взятая в целом коллекция каменных фрагментов из Кара-тепе не только позволяет судить об убранстве существовавшего здесь в кушанское время крупного буддийского культового центра, но и пополняет наши знания об искусстве северных (правобережных) районов Бактрии, а в известной мере и кушанской Бактрии вообще.

Публикуемые фрагменты найдены в основном при раскопках комплекса Б, т. е. второй группы кара-тепинских построек: в северо-западном и юго-западном углах двора, близ входов в пещерные помещения комплекса; на полу северного пещерного обходного коридора; в центральном пещерном помещении. Кроме того, фрагменты каменных рельефов встречены в свалке, размещавшейся к западу от наземного святилища комплекса А (первой группы построек), вне пределов этого комплекса, а в северо-западной части его двора открыта *in situ* каменная база и подобрано несколько кусков от двух подобных баз².

Значительная часть кара-тепинских находок — фрагменты каменных барельефов, назначение которых недостаточно ясно: возможно, они украшали верхние несохранившиеся части входных ниш или же стены и ниши еще не открытых буддийских ступ, но не исключено, что они могли использоваться

¹ См. Кара-тепе, стр. 25—26, рис. 26—27.

² См. там же, стр. 9—10, рис. 10—11.

и самостоятельно в интерьерах центральных культовых помещений пещер или наземных святилищ, а какая-то часть кара-тепинских рельефов вполне могла относиться к постаментам каменных статуй Будды, бодхисаттв или иных персонажей буддийского круга. Возможно, что частями таких барельефов были и найденные на Кара-тепе куски декоративных аканфовых листьев, тяг и зубцов³, хотя вполне вероятно, что это — детали архитектурного убранства различных построек. Более определенно можно судить о назначении немногочисленных явно архитектурных деталей, таких, как база колонны, часть декоративного пилястра, часть базы и капитель от одного или двух таких же пилястров. К этой же группе находок можно отнести куски каменной облицовки⁴, а также блоки каменного порога и плиты каменной вымостки, открытые у входа в целлу наземного святилища комплекса А⁵.

Все фрагменты, найденные на Кара-тепе, изготовлены из белого мраморовидного мергелистого известняка, разработки которого, как на это многократно указывалось⁶, известны на Орлиной горе (иначе Ходжа Гульсуар), неподалеку от современного Термеза; о том, что эти разработки существовали в кушанское время, позволяет судить найденная в 1904 г. в одном из заброшенных старых карьеров золотая монета царя Канишки⁷.

а) Орнаментальные полосы с розетками

Среди фрагментов, которые можно рассматривать как части каменных барельефов, четко выделяются обломки орнаментальных поясов, украшенных изображением четырехлепестковых розеток. Всего на Кара-тепе найдено четыре фрагмента, принадлежащих, судя по размеру и характеру орнаментальных узоров, четырем различным экземплярам⁸.

Фрагмент угловой части (рис. 26а)⁹ имеет высоту 5,2 см. Он украшен резьбой с трех сторон: с двух боковых и с верх-

³ Часть фрагментов опубликована, см. Кара-тепе, стр. 25—26 и рис. 26. О находках 1937 г. см. там же, стр. 88, 90—91, 94, 98 и рис. 39б.

⁴ См. выше, стр. 20—21.

⁵ См. Кара-тепе, стр. 13, 32 и рис. 10а, 12—14.

⁶ См. М. Е. Массон, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Ташкент, 1933 («Материалы Узкомстариса», вып. I), стр. 16. Ср. Кара-тепе, стр. 25.

⁷ См.: М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г., — «Известия Среднеазиатского музея», Ташкент, 1928, вып. III, стр. 286.

⁸ Указания на время и место находки отдельных фрагментов см. ниже, в прилагаемой описи, стр. 170—173.

⁹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-8}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1756.

ней. Нижняя его поверхность — плоская, заглаженная и не имеет никаких украшений. Обе боковые поверхности украшала орнаментальная полоса, состоявшая из ряда четырехлепестковых розеток, каждая из которых располагалась в овальном медальоне, образованном двумя плавно переплетающимися линиями. На верхней поверхности сохранилась часть более пышного растительного орнамента; и на боковых и на верхней поверхностях сохранилась красная раскраска (возможно, фон под позолоту), покрывавшая резьбу.

Второй фрагмент (рис. 26в)¹⁰ с лицевой стороны украшен орнаментальной резьбой того же характера, что и предыдущий: четырехлепестковые розетки в овальных медальонах, образованных двумя плавно переплетающимися линиями. На верхней поверхности — часть пышного растительного узора. Поверх резьбы, как и на первом фрагменте, видны остатки красной раскраски. Высота этого фрагмента такая же, как и первого. Это наряду со сходством орнаментальных элементов наводило на мысль, что оба фрагмента могли принадлежать одному и тому же барельефу. Однако заметная разница в размере розеток (на первом фрагменте их диаметр равен 3,3 и 3,6 см, на втором — 2,8 см) заставляет предпочесть иное решение, а именно относить их к двум разным экземплярам.

Третий фрагмент (рис. 26б)¹¹ сильно обит. У него не сохранилась не только нижняя поверхность, но и низ лицевой стороны, так что высоту ее можно вычислить лишь приблизительно; она не превышала 3,5 см. На лицевой стороне в поле, образованном переплетающимися линиями, помещена четырехлепестковая розетка (ее диаметр — 2,2 см). На верхней поверхности видна часть пышного растительного узора. На обеих обработанных сторонах сохранились остатки красной раскраски.

Последний кара-тепинский фрагмент с розетками (рис. 26г)¹² также сохранился лишь в верхней части: низ лицевой стороны и нижняя поверхность фрагмента отломаны. Наиболее вероятная высота лицевой стороны — около 4 см. На лицевой стороне этого фрагмента размещался несколько

¹⁰ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-8a}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1743.

¹¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-8в}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1744.

¹² Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-8б}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1742.

более сложный узор: в треугольных полях между ромбовидными медальонами, образованными двумя переплетающимися линиями, были помещены половинки розеток; в медальонах же располагались целые розетки. На верхней поверхности фрагмента узор состоял как будто бы из круга с розеткой и обрамлявших его полукружий (или овалов) с частями розеток. На верхней поверхности в углублениях сохранились следы красной раскраски, на лицевой — резьба покрыта черной краской или копотью.

Рассмотренные нами четыре фрагмента — однотипны как по своему общему характеру, так и по украшавшим их рельефным узорам. По-видимому, мы вправе предполагать, что и назначение этих фрагментов сходно. Все они были украшены резьбой как с лицевой стороны, так и сверху. Нижняя же поверхность тех из них, на которых она сохранилась, плоская, не обработанная и, следовательно, не рассчитанная на обозрение; скорее всего, она служила дном статуй или барельефа, а вся полоса с розетками — нижним выступающим перед плоскостью барельефа или статуй обрамлением постамента.

В том, что такое определение рассмотренных нами фрагментов вполне вероятно, убеждает сопоставление кара-тепинских находок с гандхарскими барельефами и статуями. Орнаментальная полоса, состоящая из расположенных в ряд четырех- или пятилепестковых розеток, — это один из наиболее излюбленных мотивов украшения постаментов, а иногда и боковых обрамлений гандхарских барельефов, что достаточно хорошо видно хотя бы на примере знаменитого рельефа с воинством Мары из музея в Лахоре (рис. 41)¹³; хранящейся в том же музее скульптурной группы, изображающей Будду и донаторов (рис. 42б)¹⁴; рельефа такого же содержания из Пешаварского музея (рис. 42а)¹⁵. Постамент первого из них представляет собой прямоугольный выступ, фасадная сторона которого украшена рядом четырехлепестковых розеток, аналогичных кара-тепинским. На втором — пятилепестковые розетки украшают трон Будды, а части таких же розеток, помещенные в треугольные поля, — основание барельефа. На третьем экземпляре пятилепестковые розетки, размещенные в ряд между извивающимся виноградным побегом, дугой обрамляют рельефную композицию. Полосы с розетками часто украшают трон Будды не только на барельефах¹⁶, но и на его статуях, например на статуе Индийского музея в

¹³ Ingholt, GAP, № 64, стр. 65, 66; ср. № 65.

¹⁴ Там же, № 187, стр. 106.

¹⁵ Там же, № 188, стр. 106; ср. там же, № 432 и Foucher, AGBG, I, стр. 221, fig. 96; стр. 359, fig. 183.

¹⁶ Ingholt, GAP, № 68, 70, 127 и pl. XXII, 2; Foucher, AGBG, I, стр. 423, fig. 213; Marshall, BAG, pl. 34, fig. 54.

Калькутте (рис. 40а)¹⁷. Часты они и на постаментах статуй других персонажей буддийского круга¹⁸. Изображения розеток употребляются и как украшение гроба Будды¹⁹ и его покрывала в сцене нирваны²⁰. Мы встречаем их и в сцене посещения Будды в пещере Индросала Индрой и Брахмой на рельефе из Таксилы (здесь небожители осыпают пещеру и Будду дождем таких четырехлепестковых розеток)²¹ и в сцене поклонения ступе (здесь пяти- и шестилепестковые розетки украшают это культовое сооружение)²².

Столь широкое применение мотива розетки в гандхарских барельефах и статуях объясняется, по-видимому, тем, что этот мотив в буддийских памятниках имел помимо чисто эстетического еще и определенное смысловое значение: розетки с пятью (четырьмя или шестью) лепестками в ряде случаев явно подменяли изображение священного цветка лотоса. Это видно и на примере постаментов статуй Будды из Пешаварского музея²³, собрания Кеворкьяна в Нью-Йорке²⁴ и Университетского музея в Филадельфии²⁵, где пышные цветы распустившегося лотоса исполняют ту же роль, что и пяти- или четырехлепестковые розетки. Об этом же свидетельствуют барельефы с изображением триратны из Дхармараджики (Таксила)²⁶, Лахора²⁷ и Пешавара²⁸; на двух первых триратна покоится на пятилепестковой розетке, на последнем — на цветке лотоса²⁹.

Учитывая все вышесказанное, не удивительно, что мотив розеток нашел применение и в орнаментации каменных барельефов (или статуй) буддийского культового центра в Термезе. Напомню в связи с этим, что на Кара-тепе известны также изображения самого цветка лотоса³⁰, а в стенных росписях северного пещерного коридора комплекса Б в качестве основного мотива орнаментации выступают четырехлепестко-

¹⁷ Ingholt, GAP, стр. 36, pl. XII. 3: ср. № 195, 209, 225.

¹⁸ Там же, № 292, 339, 477: Marshall, BAG, pl. 99, fig. 137.

¹⁹ Ingholt, GAP, № 144.

²⁰ Ср. Grünwedel, BKL, стр. 107, Abb. 40.

²¹ Ingholt, GAP, № 132, стр. 90.

²² Marshall, BAG, pl. 68, fig. 97.

²³ Ingholt, GAP, № 215, стр. 112.

²⁴ Там же, pl. XVII, 4.

²⁵ B. Rowland, Exhibition of Gandhara sculpture from Pakistan, New York, 1961, fig. 2.

²⁶ Ingholt, GAP, № 75, стр. 69.

²⁷ Там же, № 79, стр. 70.

²⁸ Там же, № 77, стр. 70. Ср. также Marshall, BAG, pl. 1, fig. 1.

²⁹ Цветок лотоса встречается также как элемент орнамента в полосах обрамлений. См. Marshall, BAG, pl. 37, fig. 59; Foucher, AGBG, I, стр. 221, fig. 97—98; Grünwedel, BKL, стр. 19, Abb. 3.

³⁰ См. Кара-тепе, стр. 35—38, 32, рис. 2) и 14. Ср. М. Е. Массон, Города Старого Термеза и их изучение, —ТАКЭ, Ташкент, 1940—1941, т. I («Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2), стр. 77 и рис. 57 на стр. 81.

вые розетки, правда еще более схематизированные, чем розетки на каменных фрагментах³¹.

Отмечая сходство розеток на каменных орнаментальных полосах из Кара-тепе с украшением постаментов и обрамлений барельефов Гандхары, нельзя не указать и на некоторые различия между ними. Эти различия проявляются лишь в деталях: в количестве лепестков и в том, как размещаются розетки — основной орнаментальный и символический элемент узора. В каменных фрагментах из Кара-тепе розетки во всех известных сейчас случаях четырехлепестковые, в то время как в гандхарских памятниках используются и четырех-, и пяти- и шестилепестковые розетки, причем преобладают пятилепестковые. Далее, полные розетки в орнаментальных полосах Кара-тепе помещены в медальоны, овальные или ромбические, образованные двумя переплетающимися линиями. В гандхарских же памятниках они обычно либо отделены друг от друга веточками или стилизованными листьями³², либо вытянуты в ряд без каких-либо дополнительных орнаментальных элементов³³, либо размещены в волне одного растительного побега³⁴. Размещение полных розеток в ограниченные со всех сторон поля здесь в отличие от Кара-тепе встречается редко³⁵.

б) Фигурки Будды (?)

Отдельную группу каменных фрагментов из Кара-тепе составляют обломки фигурок в складчатой одежде, возможно изображавших Будду. Пока что найдено три таких фрагмента; к этой группе можно, по-видимому, отнести и еще один обломок — с изображением головки.

На первом фрагменте (высота 4 см, ширина 10 см)³⁶ сохранилась часть торса, правая, согнутая в локте рука (кисть отбита) и плечо левой руки (рис. 29в, 30в). В верхней части фрагмента четко виден круглый ворот. Одежда лежит живо-

³¹ См. Кара-тепе, стр. 18, 27—28, 31—32, рис. 21. Интересно отметить, что эти схематизированные четырехлепестковые розетки в свою очередь находят себе аналогию в древнебуддийских памятниках Индии, например в Амаравати. См. Foucher, AGBG, I, стр. 287, fig. 146; стр. 289, fig. 147; стр. 294, fig. 148.

³² См., например, Ingholt, GAP, pl. XII, 3 и № 64, 65, 195, 209, 292, 339.

³³ Там же, № 63, 70, 127; Foucher, AGBG, I, стр. 359, fig. 183.

³⁴ Ingholt, GAP, № 188; Foucher, AGBG, I, стр. 221, fig. 95; Marshall, BAG, pl. 68, fig. 97.

³⁵ См., например, рельеф Калькуттского музея с розетками внутри гнезд, образованных сетчатым узором (Foucher, AGBG, I, стр. 423, fig. 213).

³⁶ Полевый шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-1}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1742.

писными складками: на рукавах — в виде косых линий, на груди — в виде опущенных вниз дуг. На левом краю обломка сохранились два треугольных зубца от арочного (?) обрамления. Между ними и фигурой Будды — гладкий фон, покрытый красной краской. На оборотной, грубо уплощенной стороне — следы обработки острым узким инструментом.

На втором фрагменте (высота 8 см, ширина 5 см)³⁷ сохранилась часть торса и часть согнутой в локте правой руки (рис. 29г, 30г). Одежда складчатая, на рукаве складки переданы косыми линиями, на груди — плавно удлиненными, опущенными вниз дугами. Слева от фигуры виден небольшой участок фона с красной раскраской. Обратная, грубо уплощенная сторона носит следы обработки инструментом того же типа, что и на первом фрагменте.

Третий фрагмент (высота 3,5 см, ширина 8 см)³⁸ представляет собой обломок с изображением нижней части лица и верхней части туловища (рис. 29б, 30б). Лицо сильно обито, и черты его плохо различимы; это относится и к ушам, однако сохранившиеся выступы позволяют предполагать, что здесь были изображены сильно удлиненные мочки или серьги. На шее хорошо видно ожерелье, составленное из отдельных продолговатых звеньев. На груди прослеживаются две дужки-складки. Слева и справа видны участки фона с красной раскраской. Справа — обитый край арочного (?) обрамления. Обратная сторона отломана.

Обломок (размером 3,5×2,5 см)³⁹ с изображением головы (рис. 30а) слева и справа был покрыт позолотой: часть ее сохранилась в виде тоненьких листиков, часть отлетела, оставив после себя потемневшую (почти черную) полосу. Эта полоса справа от головы заходит на красную раскраску фона; таким образом, мы вправе предполагать, что и у фрагментов с фигурками Будды (?) фон с красной раскраской первоначально был покрыт позолотой либо полностью, либо частично. Лицо, изображенное на обломке, удлиненное с заостренным выступающим вперед подбородком. Кончик длинного прямого носа обит, что не позволяет судить о его форме. Маленький сжатый рот глубоко врежется между носом и подбородком. Глаза — большие, миндалевидные. Ни яблоко, ни зрачок особо не отмечены. Брови в виде слабо высту-

³⁷ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-2}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1750.

³⁸ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-3}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1751.

³⁹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-5}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1753.

пающих дуг сходятся к переносице. Сзади фрагмент обломан. Принадлежность его к какой-либо из фигур, изображенных на двух первых фрагментах, сомнительна, хотя размеры головки позволяют предположить, что она могла относиться к какому-то подобному изображению.

Все фрагменты с изображением фигурок найдены вместе (во входной части северного пещерного коридора комплекса Б)⁴⁰, что наряду со сходством в стиле и размерах дает право рассматривать их как части одного и того же барельефа. Об общем виде и характере такого барельефа в настоящее время судить было бы преждевременно, но думается, что наиболее вероятно размещение всех фигурок в ряд. На такое размещение фигурок указывает и сходство их поз и одежд, как бы специально рассчитанных на построение ритмичного ряда, и аналогии в памятниках Гандхары (и буддийского мира вообще), где подобные ряды статуй часто служат украшением нижних частей ступы⁴¹. Кара-тепинские фрагменты со своими небольшими фигурками отнюдь не были частями базы какой-либо ступы. Но они вполне могли украшать рельефное изображение такой ступы или, что более вероятно, постамент статуи Будды, сходный с экземпляром из Тахти-Бахи⁴², или статуей, хранящейся в Британском музее (рис. 40б)⁴³. Это, конечно, не единственное возможное решение вопроса о назначении рассматриваемых фигурок. Оно предложено здесь лишь в виде рабочей гипотезы, которую еще предстоит доказать или опровергнуть новыми находками и материалами.

в) Изображения аркад с людьми

В эту группу каменных фрагментов из Кара-тепе входят три фрагмента с аркадами и обломок с хоботом слона (или слонолового чудовища); последний включен в эту группу, так как принадлежит изображению, аналогичному тому, которое поддерживает аркаду на одном из публикуемых фрагментов.

Один из фрагментов с изображением человека, стоящего под аркой, опубликован в отчете о раскопках Кара-тепе в 1961—1962 гг. (его высота 9 см, ширина 6 см)⁴⁴. На фраг-

⁴⁰ Опись находок см. ниже, стр. 170—173.

⁴¹ См., например, Foucher, *AGBG*, I, стр. 201, fig. 81 (ср. стр. 19, fig. 2)—ступы близ Али-Масджида, или Ingholt, *GAP*, № 521, 522—ступы в монастыре Джаулиан в Таксиле.

⁴² Marshall, *BAG*, pl. 98, fig. 135.

⁴³ Ingholt, *GAP*, pl. XV, 3.

⁴⁴ См. Кара-тепе, стр. 25—26 и рис. 27. Полевой шифр этого фрагмента KT-61
III-1420; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа—А-1641.

менте хорошо видна часть арки, украшенной треугольными зубчиками, и помещенная в ней фигура, от которой сохранились голова, часть туловища от груди и выше и кисть поднятой до уровня плеча правой руки с цветком, переданным в виде горки из трех ромбов (рис. 35). Человек под аркой изображен как бы выходящим из-под нее; его голова явно перекрывает верх дуги арки. Безбородое лицо изображенного сильно обито, и его черты плохо различимы. Видно лишь, что оно широкое, овальное. Слева сохранились пряди волос, доходящих до плеч. Одежда со складками, переданными плавными углубленными линиями, имеет подтреугольный вырез, обнажающий полную шею, сливающуюся с грудью. Обратная сторона фрагмента сколота. Верх и низ отломаны.

На втором фрагменте (высота 20 см, ширина 16 см)⁴⁵ сохранилось изображение низкой арки с человеческой фигуркой и, ниже ее, часть орнаментальной полосы с аканфовыми листьями (рис. 36). Арка, украшенная треугольными зубчиками, опирается на стилизованные капители с листвой аканфа, причем левая капитель помещена ниже правой. На левой капители видно основание еще одной арки, размещавшейся левее сохранившейся. Капители лежат непосредственно на гладкой горизонтальной полосе, отделяющей пояс с аркадой от расположенного ниже орнаментального пояса с аканфовыми листьями. Такая же гладкая полоса видна и выше арки; она, очевидно, обрамляла пояс с аркадой сверху. Фигура под аркой сохранилась плохо: поверхность лица обита, правого плеча недостает. Голова, как и в первом фрагменте, перекрывает верхнюю часть арки. Слева от лица видны пряди, аналогичные изображенным на первом фрагменте. На шее хорошо различимо ожерелье с тремя крупными шаровидными подвесками. На левом плече — складчатый плащ или накидка. На груди — одежда со складкой в виде дуги. Поверх резных изображений сохранилась раскраска кирпичного цвета. Сверху, снизу и сзади фрагмент обломан.

Третий фрагмент (рис. 33а, 33б, 34а) представляет собой обломок угловой части с рельефными изображениями на обеих боковых сторонах (высота фрагмента 11 см, левая сторона сохранилась на ширину 9 см, правая — на 7 см)⁴⁶. Изображения на этом фрагменте размещены в два пояса: в верхнем находилась аркада с человеческими фигурками, от нижней сохранилась помещенная на углу голова слона или, что более вероятно, слоноголового чудовища. Между поясами

⁴⁵ Склеен из трех обломков. Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-1a, б, в}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1741 (а, б, в).

⁴⁶ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-7}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1755.

рельефных изображений по обеим сторонам фрагмента тянется гладкая горизонтальная полоса — карниз.

На левой боковой поверхности сохранилась часть арки, украшенной треугольными зубчиками. Арка опирается на капитель с листвой аканфа, венчающую круглую колонну; на рельефе изображена лишь верхняя часть ствола этой колонны, суживающейся кверху. На правой боковой поверхности фрагмента сохранилось основание второй арки, опирающейся на ту же капитель и колонну.

Под левой аркой видно изображение человеческой фигурки. Ее голова, переданная в отличие от двух первых фрагментов в профиль вправо, обита: лицо — удлиненное, безбородое, глаз — большой, миндалевидный, с изображенным в виде кружка яблоком; подбородок выдается вперед. На левом плече — складчатый плащ или накидка. Близ левого скота фрагмента хорошо различима кисть правой руки, поднятой до уровня груди и держащей цветок, аналогичный изображенному на первом фрагменте. В сохранившемся углу правой арки также угадываются остатки согнутой в локте правой руки. В обеих арках видны остатки фона с красной раскраской. На гладкой разграничительной полосе еле различимы остатки орнамента в виде вытянутых в ряд отдельных ромбов, выполненных красной краской.

Ниже пояса с аркадой на углу фрагмента помещено чудовище. Правая сторона изображения сохранилась лучше. Здесь хорошо видны узкий небольшой глаз, складки бровей, поднятый вверх хобот со складками кожи, высунутый из рта язык. Левая сторона головы чудовища обита, и на ней можно различить лишь маленький глаз, помещенный несимметрично к первому, основание бивня и, несколько лучше, ухо животного. На правой стороне и на нижней части изображения местами сохранилась позолота. Сверху, снизу и сзади фрагмент обломан.

К этой группе каменных фрагментов можно отнести и небольшой обломок с изображением хобота, принадлежащего, по всей видимости, слону или чудовищу, аналогичному тому, которое мы видели на третьем фрагменте (его высота 6,5 см)⁴⁷. Хобот животного изображен здесь, как и на предыдущем фрагменте, поднятым вверх (рис. 33в, 34б). На хоботе хорошо различимы складки кожи. Ниже помещены бивни. Поверх резьбы видны следы раскраски кирпичного цвета и остатки позолоты. Вполне вероятно, что этот обломок относится ко второму углу того же барельефа, от которого отломан рассматриваемый нами ранее фрагмент угла с аркадой и чудовищем.

⁴⁷ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-6}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1754.

Фрагменты этой группы, скорее всего, принадлежали одному или нескольким барельефам с изображениями архитектурных форм. Барельефы такого рода хорошо известны среди гандхарских памятников, где сцены, повествующие о жизни Будды, часто изображались на фоне архитектуры. Интересно отметить, что даже столь мелкая, казалось бы, деталь, как украшение внутренней стороны арки треугольными зубчиками, находит себе аналогии в гандхарских памятниках⁴⁸, не говоря уже о распространении в качестве архитектурного орнамента листвы аканфа или изображении колонн и капителей, сходных с воспроизведенными на кара-тепинских фрагментах. Встречаются на гандхарских рельефах и изображения людей, держащих в согнутой в локте руке цветок или букет⁴⁹. (Позднее изображения человека с цветком в поднятой перед лицом руке обычны для резных гемм-печатей хионито-эфталитского круга.) Нельзя, однако, не отметить, что трактовка цветка на фрагментах из Кара-тепе отлична от гандхарской и в то же время совпадает с изображениями на кара-тепинской капители (о ней см. ниже, стр. 159 и сл.) и, насколько позволяет судить недостаточно четкое воспроизведение, на терракотовой фигурке из Хайрабад-тепе (городище в 30 км к северо-западу от современного Термеза), где эта фигурка найдена в слое с кушанской керамикой и монетами⁵⁰.

г) Изображения тигров (?)

Три фрагмента с изображением хищника из породы кошачьих (скорее всего — тигра) принадлежат, вероятно, тем же (или подобным им) барельефам, что и фрагменты предшествующей группы.

На первом из этих фрагментов (высота и ширина — 8,5 см)⁵¹ изображение тигра (?) помещено ниже гладкой горизонтальной полосы карниза на фоне листьев аканфа; последние видны слева от хищника (рис. 31а, 32б). Животное изображено в фас, как бы в прыжке. Его передние лапы подобраны, подняты вверх и прижаты к туловищу. На широкой

⁴⁸ См., например, фрагмент с аркадой из ступы в Дхармараджике — Marshall, BAG, pl. 55, fig. 80; стр. 59. Ср. барельефы Лахорского и Калькутского музеев — там же, pl. 79, fig. 114; pl. 87, fig. 122; pl. 88, fig. 123; стр. 86—87, 94—96; Ingholt, GAP, № 9—11, 39 и др.

⁴⁹ См., например, Marshall, BAG, pl. 28, fig. 43—44; pl. 29, fig. 45; стр. 34—36. Ср. Ingholt, GAP, № 412—414, стр. 161; № 102, стр. 78; № 7, стр. 50—51.

⁵⁰ В. Д. Жуков, Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе, — ИМКУ, 1961, вып. 2, стр. 190—191, рис. 8 на стр. 189. Ср. ниже, стр. 168—169.

⁵¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-4}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1752.

морде старательно изображены большая пасть, нос, глаза, складка на переносице. Хорошо видны правое ухо (левое отбито), переданное в виде треугольника, и стилизованно трактованная шерсть (грива?) надо лбом. По туловищу идет продольная углубленная полоса. Поверх резьбы и гладкой полосы карниза сохранилась раскраска красновато-кирпичного цвета. Сверху, сзади, снизу и с боков фрагмент обломан.

На втором фрагменте (высота 8,5 см)⁵² изображение сохранилось лишь частично: правая и нижняя его части отбиты, не хватает правого уха (рис. 32в). Хорошо виден широкий нос с глубокой складкой на переносице, правый глаз с очерченным глазным яблоком, тяжелая надбровная дуга. Слева различимы переданные углубленной линией усы. Правая лапа хищника сохранилась плохо, но угадывается, что зверь был изображен в той же позе, что и на предыдущем фрагменте. Левее лапы хищника помещается какая-то рельефная наклонная полоса, скорее всего стебель или часть листвы аканфа. На морде животного сохранились следы позолоты. Надо лбом сходятся окрашенные в красный цвет две пряди, возможно, изображающие шерсть или гриву. Еще выше помещалась, вероятно, гладкая горизонтальная разграничительная полоса-карниз (от нее остались лишь следы). Со всех сторон фрагмент обломан.

Третий фрагмент (высота 5 см и ширина 5,5 см)⁵³ представляет собой обломанное по краям рельефное изображение морды хищника (рис. 31б, 32а). Передача широкой морды, глаз, носа, надбровных дуг и глубокой складки на переносице аналогична той, которую мы уже видели на предыдущих фрагментах. Усы, прочерченные над пастью, и две пряди шерсти или гривы, окрашенные в красный цвет, трактованы так же, как на втором фрагменте этой группы. Отличительной чертой изображения является лишь то, что пасть зверя изображена полуоткрытой и в ней четко различимы треугольные клыки. Как уже указывалось выше, пряди надо лбом окрашены в красный цвет. На морде же хищника видны остатки раскраски кирпичного цвета.

Если бы у нас были какие-либо основания считать последний из рассматриваемых кара-тепинских фрагментов медальоном в виде морды животного, то этот фрагмент (А-1739) можно было бы сопоставить с медальонами, украшавшими торцы балок карниза в тех гандхарских рельефах, где воспроизводится облик парадных павильонов; таким ме-

⁵² Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-5}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1740.

⁵³ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-4}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — 1739.

дальном придавался обычно вид львиной морды⁵⁴. Однако, как ни заманчиво это предположение, более вероятно, что здесь, как и на двух предыдущих фрагментах, мы имеем дело с обломком погрудного изображения зверя, наиболее полное представление о котором дает первый фрагмент (А-1752).

Особенности изображения — поза хищника, готовящегося к прыжку (или совершающего его) и помещенного на фоне листы аканфа — заметно отличают его от всех известных мне древнебуддийских памятников Индии, где хищники из породы кошачьих изображаются довольно часто во всевозможных позах и положениях. Так, их фигуры, сидящие в фас и в профиль, можно встретить на рельефе с изображением ступы из Амаравати⁵⁵. Скульптурные изваяния сидящих львов венчают стоящие отдельно близ ступы колонны⁵⁶, живо напоминающие колесны Ашоки. На спинах львов или тигров восседают на гандхарских рельефах и статуях различные буддийские персонажи⁵⁷, а протомы львов служат ножками тронов⁵⁸. Могучие хищники довольно миролюбиво выглядят из пещер в сценах посещения Будды Индрой⁵⁹ и угрожающе выступают навстречу посетителям из кладок ступы в Али-Масджиде⁶⁰. «Тигры» кара-тепинских каменных фрагментов ближе всего по позе к фигурам львов или тигров в композициях верхних поясов капителей Кара-тепе и Шамкалы (о них см. ниже, стр. 159 и сл.) и на перекликающихся с этими композициями изображениях древнебуддийских рельефов⁶¹. Но во всех этих случаях львы (или тигры) тесно связаны рамками определенного и в известной мере традиционного композиционного приема: их изображения помещены между двумя симметрично расположенными фигурами, например, крылатых львов (на украшениях ворот Большой сту-

⁵⁴ См., например, Ingholt, GAP, № 116 (ср. Foucher, AGBG, I, стр. 531, fig. 261), № 257 и 259; Foucher, AGBG, I, стр. 193, fig. 77; стр. 195, fig. 78; Marshall, BAG, pl. 87, fig. 122; pl. 88, fig. 123 (ср. Grünwedel, ВКИ, стр. 110, Abb. 42).

⁵⁵ Foucher, AGBG, I, стр. 179, fig. 68; ср. фигуры сидящих львов на северных воротах Большой ступы в Санчи.

⁵⁶ Ingholt, GAP, № 167, стр. 102.

⁵⁷ См., например, там же, № 363, стр. 151; № 577, стр. 156—157; № 458, стр. 171 (ср. Foucher, AGBG, I, стр. 216, fig. 91).

⁵⁸ См.: Ingholt, GAP, № 37, стр. 58; № 299, стр. 137; № 428, стр. 119; № 306, стр. 138; № 308, стр. 138—139; № 457, стр. 171. Ср.: Foucher, AGBG, I, стр. 124, fig. 48; Auboyer, Le Trône et son symbolisme dans l'Inde ancienne, Paris, 1949, стр. 34—35.

⁵⁹ Foucher, AGBG, I, стр. 493, fig. 246; стр. 495, fig. 247 (ср.: Marshall, BAG, pl. 83, fig. 118; Ingholt, GAP, № 129, стр. 88).

⁶⁰ Foucher, AGBG, I, стр. 201, fig. 81. Убранству ступы принадлежал также фрагмент с изображением льва и яки; см.: Ingholt, GAP, № 453, стр. 171; ср. № 454—456, стр. 171 и № 576, стр. 195.

⁶¹ См., например, барельефы восточных ворот Большой ступы в Санчи: Grünwedel, ВКИ, стр. 18, Abb. 2.

пы в Санчи) или быков-зебу (на капителях из Кара-тепе и Шам-калы и на отдельных гандхарских барельефах). Таким образом, приближаясь к изображениям львов (или тигров) в этих композиционных группах, хищники кара-тепинских фрагментов заметно отличаются от них тем, что они размещены поодиночке и к тому же на фоне листьев аканфа.

д) Элементы архитектурного орнамента

Эта, наиболее многочисленная, группа каменных фрагментов из Кара-тепе состоит из 39 обломков: фрагментов скульптурных изображений листьев аканфа, декоративных ступенчатых зубцов, разного вида обрамлений-тяг и криволинейных узоров.

Фрагменты изображений листьев аканфа были найдены в Кара-тепе еще в 1937 г. при раскопках Е. Г. Пчелиной⁶². В 1961—1964 гг. здесь найдены еще шесть обломков такого рода, не считая рельефного изображения капители, нижний пояс которой также украшала пышная аканфовая листва (см. ниже, стр. 159 и сл.). Два фрагмента, найденные в 1961 г., уже опубликованы⁶³. Остальные четыре (рис. 28а) в дошедшем до нас виде, обломанные по краям, мало чем отличаются от опубликованных ранее. Размер одного из них⁶⁴ — 8×6 см; второго⁶⁵ — $5,5 \times 5,5$ см; третьего⁶⁶ — $3 \times 3,5$ см; четвертого⁶⁷ — 5×3 см. На двух первых хорошо видна утрированная центральная прожилка и отходящие вверх, по обе стороны от нее, контуры отдельных листиков, на двух последних — части листиков, отогнутых вниз. На трех первых фрагментах местами сохранилась первоначальная, пожелтевшая от времени поверхность камня, на последнем — остатки раскраски коричневого цвета.

О широком распространении скульптурных изображений листьев аканфа в архитектурном убранстве древнего мира вообще и кушанских областей в частности писалось неодно-

⁶² См. Кара-тепе, стр. 88, 90—91, 94, 98 и рис. 33б.

⁶³ Там же, стр. 25—26 и рис. 26. Первый (размером $6 \times 6 \times 3$ см) имеет полевой шифр $\frac{\text{КТ-61}}{\text{III-1431}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмита-

жа — А-1640; полевой шифр второго (размером $5 \times 5 \times 6$ см) — $\frac{\text{КТ-61}}{\text{III-1432}}$.

⁶⁴ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-7a}}$.

⁶⁵ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-7b}}$.

⁶⁶ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-7c}}$.

⁶⁷ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-7d}}$.

кратно⁶⁸, причем советские исследователи особо подчеркивали, что в Средней Азии в кушанский период этот мотив во многом сохранял еще живость и реалистичность, заметно отличавшую воспроизведения аканфа этого времени от более поздних схематизированных его изображений⁶⁹. Новые находки на Кара-тепе фрагментов с изображениями листьев аканфа еще раз подтверждают эти сделанные ранее заключения. В то же время два последних фрагмента в сочетании с изображением капители позволяют несколько уточнить наши представления о характере изображения аканфовых листьев в кушанской Бактрии (см. ниже, стр. 164—165).

Фрагментов с изображениями ступенчатых зубцов на Кара-тепе найдено всего два. Один из них опубликован в отчете о раскопках 1961—1962 гг., второй издается впервые. Первый представлял собой обломок угловой части карниза (?) с угловым трехступенчатым зубцом, помещенным на фоне широко горизонтального пояса над гладкой горизонтальной тягой⁷⁰. Второй (размером 7×5,5 см)⁷¹ — обломок такого же зубца, но, видимо, не от угловой, а от центральной части карниза (рис. 286). Как и в первом фрагменте, зубец передан наклонно, нависая над горизонтальной тягой. На зубце, горизонтальном поясе фона и сверху сохранились следы раскраски кирпичного цвета. Снизу, с боков и сзади фрагмент обломан.

Декоративные зубцы из Кара-тепе, служившие украшением верхней части какого-то небольшого архитектурного сооружения или, что, по-видимому, вернее, барельефных воспроизведений архитектурных форм, продолжают древневосточную традицию венчания ступенчатыми зубцами крепостных, дворцовых и бытовых построек, засвидетельствованную в древней Месопотамии и ахеменидском Иране⁷² и сохранившуюся как в различных памятниках Парфянской державы⁷³, так и в кушанской Бактрии, где крупные зубцы-мерлоны были найдены

⁶⁸ См.: M. Meurer, Die Ursprungsformen des griechischen Akantusornaments und ihre natürlichen Vorbilder, Berlin, 1896; Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, Ташкент, 1961, стр. 47. Ср. Кара-тепе, стр. 26.

⁶⁹ См. Г. А. Пугаченкова, Акант в архитектуре Средней Азии, — «Труды АН ТаджССР», 1960, т. СХХ, стр. 169—180.

⁷⁰ См. Кара-тепе, стр. 25 и рис. 26. Полевой шифр $\frac{\text{КТ-61}}{\text{III-1418}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1639.

⁷¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-33}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1747.

⁷² См. G. Garbini, The Stepped pinnacle in Ancient Near East, — «East and West», Rome, 1958, vol. 9, № 1—2, стр. 85—91.

⁷³ См. Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 62 и рис. 18, 1—3.

и к югу от Аму-Дарьи — в Сурх-Котале⁷⁴, и к северу от нее — в Халчаяне⁷⁵. Находки на Кара-тепе свидетельствуют о существовании этой традиции и в кушанском Термезе. Вместе с тем эти находки в сочетании с мерлонами Сурх-Котала и Халчаяна позволяют также утверждать, что Кушанское царство⁷⁶ наряду с Парфией и сасанидским Ираном⁷⁷ было тем культурным посредником, от которого эту древнюю восточную традицию унаследовали среднеазиатские народы периода раннего средневековья; терракотовые ступенчатые зубцы этого периода найдены в Самарканде⁷⁸, Чаче (район современного Ташкента)⁷⁹, Таразе (современный Джамбул)⁸⁰, Семиречье⁸¹, а их воспроизведения встречаются в стенных росписях Пенджикента⁸².

Интересно отметить, что по количеству зубцов кара-тепинские изображения сходны с мерлонами из Сурх-Котала. Думается, что это сходство не случайно и объясняется хронологической близостью Кара-тепе и Сурх-Котала и принадлежностью обоих памятников к единой художественной школе кушанской Бактрии.

Больше всего найдено на Кара-тепе фрагментов разных линейных поясов-тяг (рис. 27). Два таких фрагмента были опубликованы раньше⁸³: один из них⁸⁴ представляет собой обломок угла, где сходятся горизонтальная и вертикальная

⁷⁴ D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec*, — «Syria», 1960, t. XXXVII, fasc. 1—2.

⁷⁵ Г. А. Пугаченкова, К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана (по раскопкам в Халчаяне), — СА, 1963, № 4, стр. 78—79, рис. 4 и 6.

⁷⁶ Ср.: G. Tucci, Preliminary report on an archeological Survey in Swat, — «East and West», Rome, 1958, vol. 9, № 4, стр. 29, fig. 3; Ing-holt, GAP, № 466, 470, стр. 174; Foucher, AGBG, I, стр. 233, fig. 99.

⁷⁷ См., например, Е. А. Пахомов, Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, — ПИМК, 1933, № 9—10, стр. 45, рис. 10.

⁷⁸ А. И. Тереножкин, Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, — ВДИ, 1947, № 4, стр. 131.

⁷⁹ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), — «Труды ИИА АН УзССР», Ташкент, 1948, т. I, стр. 119—120, рис. 23; его же, Согд и Чач, — КСИИМК, М.—Л., 1950, вып. 33, рис. 71, на стр. 164.

⁸⁰ Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 84 и рис. 25, на стр. 83. Ср. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Гумбаз Манаса, М., 1950, стр. 110.

⁸¹ Л. Р. Кызласов, Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим, — СА, 1958, № 3, стр. 154—155, рис. 4.

⁸² См.: сб. «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954, табл. XIX, XX, XXIV; сб. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», М., 1959, табл. XIII и XV.

⁸³ См. Кара-тепе, стр. 25 и рис. 26.

⁸⁴ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-61}}{\text{III-1419}}$; размер 7×7×5 см.

тяги; второй⁸⁵ — часть двойной тяги. Новые находки можно разбить на три группы: а) обломки тяг, оформлявших нижние части барельефов (?); б) обломки тяг карнизов (?); в) обломки тяг закругленных угловых частей.

В первую группу входят семь фрагментов, имеющих плоское дно и горизонтальное рельефное обрамление из двух тяг: нижнее в виде прямоугольной полосы и верхнее — в виде вала. У первого из этих фрагментов (размером $6,5 \times 7,5 \times 13$ см)⁸⁶ верхняя поверхность начинается почти сразу же после вала и, покато повышаясь, тянется на 9 см от края. У второго (размером $3 \times 5,5 \times 8$ см)⁸⁷ верхняя поверхность, начинающаяся после неширокого пояска, прослеживается на 4 см от края. На лицевой поверхности сохранились следы раскраски кирпичного цвета. Третий фрагмент (размером $7 \times 7,5 \times 7,5$ см)⁸⁸ имеет высокий вал, выше которого после неширокого пояска начинается верхняя поверхность. У трех последующих фрагментов (размеры — $6,5 \times 6 \times 5$ см⁸⁹; $6,5 \times 6,5 \times 5$ см⁹⁰; $7 \times 4 \times 7$ см⁹¹) поясок между валом и началом верхней поверхности несколько шире (до 8—9 мм). У последнего фрагмента этой группы (размером $4,5 \times 11 \times 4$ см)⁹² верх (начиная от нижней выкружки вала) отломан, а в углублении между прямоугольной тягой и валом сохранились остатки позолоты; там же и отчасти на лицевой поверхности тяги видны также черные пятна (следы от позолоты?).

Вторая группа состоит из девяти фрагментов. Два из них, лучше сохранившиеся, происходят, вероятно, от угловых частей карниза (?). По верху каждого фрагмента тянется основание орнаментального пояса с вертикальным членением. Ниже основной гладкой горизонтальной полосы тянутся, отступая от угла, еще две горизонтальные полоски. На основной полосе слабо различимы в виде темных пятен следы орнамента, состоящего из ряда стилизованных шестилепестковых

⁸⁵ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-51}}{\text{Ин-1429}}$; размер 9×6 см.

⁸⁶ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-17}}$.

⁸⁷ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-20}}$.

⁸⁸ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-18}}$.

⁸⁹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-21}}$.

⁹⁰ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-19}}$.

⁹¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-16}}$.

⁹² Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-12}}$.

розеток. Размеры первого фрагмента — $6 \times 9 \times 5$ см⁹³, второго — $6 \times 9,5 \times 3,5$ см⁹⁴. Третий, сильно обитый фрагмент (размером $5 \times 4,5 \times 6$ см)⁹⁵ представляет собой обломок левого угла такого же карниза (?) с тремя горизонтальными полосами. На следующих фрагментах (размером $4 \times 7 \times 5$ см⁹⁶ и $3 \times 3,5 \times 4$ см)⁹⁷ сохранились части гладкой горизонтальной полосы и над ней остатки пояса с вертикальным членением. Еще один фрагмент (размером $6 \times 4 \times 3$ см)⁹⁸ состоит из гладкой полосы и остатков каких-то неясных поясов по обе стороны от нее. Маленький обломок размером $2,5 \times 2,5 \times 1$ см⁹⁹ сохранил часть тяги из трех параллельных полосок, а обломки размером $2 \times 3,5 \times 3$ см¹⁰⁰ и $2 \times 3 \times 1,5$ см¹⁰¹ — гладкую полосу карниза (?), на которой сверху и снизу видны следы красной краски.

Третья группа включает пять фрагментов тяг закругленных углов. На большем из них (размером $4,5 \times 9 \times 10$ см)¹⁰² видна часть вертикальной тяги и гладкая, плавно закругляющаяся горизонтальная полоса, над которой сохранились остатки какого-то рельефа. Другой фрагмент (размером $5 \times 4,5 \times 2$ см)¹⁰³ представляет собой обломок двух закругляющихся гладких прямоугольных полос и вала между ними. Третий (размером $3,5 \times 4 \times 2,5$ см)¹⁰⁴ — обломок такого же типа с сохранившимися частями одной прямоугольной полосы и

⁹³ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-11c}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1745.

⁹⁴ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-11a}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1746.

⁹⁵ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-23}}$.

⁹⁶ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-11b}}$.

⁹⁷ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-15b}}$.

⁹⁸ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-24}}$.

⁹⁹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-15d}}$.

¹⁰⁰ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-15a}}$.

¹⁰¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-15c}}$.

¹⁰² Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-22}}$.

¹⁰³ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-3b}}$.

¹⁰⁴ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-23a}}$.

вала. Два последних (размером $2,5 \times 5 \times 2,5$ см и $2 \times 2 \times 1,5$ см) ¹⁰⁵ — обломки закругленных углов с профилированными тягами.

Рассмотренные выше фрагменты разного рода тяг перекликаются с опубликованными Г. А. Пугаченковой «элементами эллинистической архитектуры» из Термеза и близлежащих памятников правобережной Бактрии ¹⁰⁶, но ничего более определенного о них пока что сказать нельзя.

Восемью фрагментами представлены на Кара-тепе криволинейные узоры. Об их первоначальном облике и месте, какое они занимали в архитектурном убранстве какой-либо постройки, или, что вернее, в барельефном воспроизведении архитектурных форм, судить в настоящее время не представляется возможным. На двух из них (размером $8,5 \times 5 \times 4$ см и $4 \times 3 \times 3$ см) ¹⁰⁷ виден угол прямоугольной рамки, в которую помещена овальная фигура с расходящимися лучами (?). На третьем (размером $6 \times 8 \times 4,5$ см) ¹⁰⁸ — полукружия, образующие что-то вроде волуты, под полосой с вертикальным членением. На четвертом (размером $8 \times 6 \times 4,5$ см) ¹⁰⁹ — изогнутая линия (побег ?) с остатками частей каких-то неясных изображений по обе стороны от нее. На резной поверхности всех четырех фрагментов сохранились остатки раскраски кирпичного цвета. На пятом фрагменте этой группы (размером $3,5 \times 4 \times 3$ см) ¹¹⁰ можно различить неширокий горизонтальный (?) поясик и плавно изгибающиеся линии под ним. На поверхности пояска сохранились остатки позолоты, а на остальной резьбе — черные пятна (от нее же ?). На шестом, сильно обитом фрагменте (размером $7 \times 3 \times 5$ см) ¹¹¹ видны неясные узоры, покрытые позолотой и красной краской. Фрагмент размером $7,5 \times 1,5 \times 4,5$ см ¹¹² сохранил узкую полоску резной поверхности с красной раскраской, а последний обло-

¹⁰⁵ Полевые шифры: $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-25b}}$ и $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-25c}}$.

¹⁰⁶ Г. А. Пугаченкова, Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, — ТАКЭ, Ташкент, 1945, т. II («Труды АН УзССР»), стр. 76—78.

¹⁰⁷ Полевые шифры: $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-14a}}$ и $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-14c}}$.

¹⁰⁸ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-3a}}$.

¹⁰⁹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-14b}}$.

¹¹⁰ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-10a}}$.

¹¹¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-10b}}$.

¹¹² Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-13}}$.

мок¹¹³ этой группы (размером $3 \times 2,5 \times 1,5$ см) — небольшой углубленный участок с ярко-синей раскраской.

е) Прочие фрагменты

В эту группу объединены пять различных фрагментов. Первый, наиболее сохранившийся из них (размером $4 \times 7 \times 2,5$ см)¹¹⁴, — обломок рельефного изображения человека (рис. 29а). Хорошо видны большой подпрямоугольный вырез у шеи, широкий воротник и складчатая одежда на сохранившемся левом плече. На поверхности фрагмента незначительные остатки раскраски красного или кирпичного цвета. На втором фрагменте (размером $5 \times 4 \times 6$ см)¹¹⁵ видна часть гладкой горизонтальной полосы и под ней неясное рельефное изображение (возможно, головы человека). На гладкой полосе остатки красной краски, на остальной резной поверхности — следы раскраски кирпичного цвета. На третьем фрагменте (размером $7 \times 8,5 \times 4$ см)¹¹⁶ слабо различимо какое-то изображение, покрытое красной краской. Столь же непонятно изображение на четвертом фрагменте (размером $8 \times 7,5 \times 4,5$ см)¹¹⁷. На последнем, пятом фрагменте (размером $9 \times 8,5 \times 5$ см)¹¹⁸ сохранилось изображение прямоугольной ниши (?) со столбиком посередине и тройной тягой по низу.

ж) Архитектурные детали

В эту группу наряду с опубликованными ранее — базой колонны из северо-западной части двора комплекса А¹¹⁹ и блоками порога от входа в целлу наземного здания этого же комплекса¹²⁰ — входят также архитектурные фрагменты, найденные при раскопках комплекса Б. Таковы половина декоративного пилястра, часть профилированной базы от этого или подобного ему пилястра и пять облицовочных блоков, на одном из которых помещено рельефное изображение капители.

¹¹³ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-9}}$.

¹¹⁴ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-6}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1738.

¹¹⁵ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-3с}}$.

¹¹⁶ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-2б}}$.

¹¹⁷ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-2с}}$.

¹¹⁸ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-2а}}$.

¹¹⁹ См. Кара-тепе, стр. 10 и рис. 10—11.

¹²⁰ Там же, стр. 13, 32 и рис. 14.

Половина декоративного пиллястра¹²¹ представляет собой массивный каменный блок почти кубической формы (высота 18 см, при основании 19,5×17,5 см), украшенный с двух сторон изображением трех перспективно углубленных одна в другую прямоугольных ниш (рис. 37а).

Фрагмент базы¹²² имеет сложную профилировку: гладкая горизонтальная тяга по верху (высота 5 см), неширокая горизонтальная полоска (высота 1,5 см) и вал (высота около 6 см), под которым сохранилось начало еще одного горизонтального обрамления (рис. 37б).

Облицовочные блоки имели подтреугольную в плане форму (рис. 38б) и в постройке были скреплены между собой бетонным раствором¹²³. Четыре из них (их размеры: высота около 15 см, ширина около 25 см, глубина 20—23 см) имели гладкую лицевую поверхность; пятый (таких же размеров), украшенный рельефным изображением капители, представляет собой, пожалуй, одну из наиболее интересных находок нашей экспедиции вообще.

Капитель, изображенная на каменном блоке из Каратеппе (рис. 38а, 39)¹²⁴, состоит из двух поясов. В верхнем помещены два горбатых быка-зебу и между ними лев (или тигр). В нижнем — погрудное изображение человеческой фигурки на фоне пышной аканфовой листвы.

Зебу изображены лежащими, крупами друг к другу, головами в разные стороны, ноги поджаты. Скульптор хорошо передал ноги зебу с характерными копытами, подчеркнул горб на спине, изобразил прямоугольную с сетчатым узором попону и лентовидную перевязь-подпругу, а также повязку на задней ноге, выше колена. Хищник, обрушившийся на могучих горбатых быков, трактован как бы в прыжке. Мы видим его изображенным в фас. Его лапы, еще не распрямившиеся после прыжка, опираются на крупы зебу. На широкой морде хищника хорошо различимы крупный правый глаз, правая часть носа с прочерченными под ним усами, торчащий из пасти треугольный язык, переданная в виде двух прядей надо лбом грива, стоящее подтреугольное ухо. Туловище хищника покрывают параллельные вертикальные линии.

¹²¹ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-1}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1734.

¹²² Полевой шифр $\frac{\text{КТ-63}}{\text{III-2}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1735.

¹²³ См. выше, стр. 20—21.

¹²⁴ Полевой шифр $\frac{\text{КТ-64}}{\text{II-9}}$; инв. номер сектора Средней Азии Эрмитажа — А-1757.

Между верхним и нижним поясами капители тянулась полоска, украшенная треугольными зубчиками; ниже ее изображены две волюты с таким же зубчатым узором. Под волютами видны остатки обломанных стоящих крупных листьев аканфа с отогнутыми наружу концами. Между листьями в своеобразной нишке помещено погрудное изображение человека, держащего в согнутой в локте правой руке цветок, переданный в виде трилистника. Лицо изображенного сбито; на шее — круглый ворот или ожерелье. На одежде — складки в виде обращенных вниз дужек; слева и справа от них можно различить еще по одной складке, вертикальной. По низу капители тянутся два ряда аканфовых листьев, размещенных в шахматном порядке: два листа внизу, три более крупных вверху. Листья эти изображены сильно отогнутыми наружу, как бы свисающими вниз. Еще ниже помещен неширокий гладкий пояс, отделявший капитель от собственно пилястра.

На значительной части рельефа сохранились остатки раскраски. В верхнем поясе фон — синий, фигуры зебу — красные, попоны — зеленые, хищник — белый, незакрашенный или не сохранивший раскраску. В нижнем поясе волюты и отогнутые листья второго ряда аканфов — белые, свисающие вниз листья нижнего ряда — красные, остальные аканфы — синие, фигурка человека и цветок — красные, волосы — черные, лицо — белое (?), в углублениях нишки видны остатки зеленой краски. Все краски, кроме зеленой, интенсивные, устойчивые, во всяком случае сохранились они хорошо. Судя по известным мне публикациям, кара-тепинская капитель сохранила свою первоначальную раскраску лучше, чем какой-либо иной памятник искусства Кушанского царства и, таким образом, является пока что лучшим образцом раскрашенной кушанской скульптуры, позволяющим в какой-то мере судить о раскраске эллинистической скульптуры того периода вообще.

Перечисленные выше архитектурные детали, найденные в кара-тепинском комплексе Б, мы вправе, видимо, рассматривать как части одной постройки, украшенной декоративными пилястрами с «коринфизированной» капителью¹²⁵ и профилированной базой. Пилястры такого типа часто встречаются в гандхарских памятниках, где они украшали ступы и храмы, и известны как по руинам этих построек¹²⁶, так и по их ба-

¹²⁵ Это удачное название капителей такого рода было предложено К. И. Рончевским и принято советскими искусствоведами. См. К. Рончевский, Варианты римских капителей, М., 1935, стр. 3 и сл.; ср. Г. А. Пугаченкова, Фрагменты эллинистической архитектуры, стр. 73 и сл.; Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 59.

¹²⁶ См., например, Foucher, AGBG, I, стр. 71, fig. 18 (ступа в Топдара); стр. 201, fig. 81 (ступа в Али-Масджиде); стр. 126, fig. 46 (выхара в Тахти-Бахи); стр. 237, fig. 113 (пилястр из Джелал-Банда); Ingholt, GAP, № 521, стр. 186 (часовня в Джаулиане).

рельефным воспроизведениям¹²⁷, а также по передаче архитектурных форм на постаментах статуй Будды и других буддийских персонажей, в сценах из жизни Будды и т. п.¹²⁸. Характерно, что в ряде случаев пилястры гандхарских памятников, подобно кара-тепинскому, украшены декоративными прямоугольными нишами¹²⁹. Аналогии в материалах Гандхары позволяют предполагать, что и на Кара-тепе рассматриваемые нами архитектурные детали украшали платформу или основание какой-то постройки культового назначения.

Это предположение подтверждают также находки в местности Сурх-Коталь в Южной (левобережной) Бактрии, где французские археологи во главе с проф. Д. Шлюмбергером раскопали огромный храмовый комплекс, посвященный знаменитому кушанскому царю Канишке, и менее чем в 2 км восточнее него так называемую «буддийскую платформу» под огромные глиняные статуи. Последняя была облицована гладкими каменными плитами и украшена сорока декоративными пилястрами (рис. 44а)¹³⁰. Базы этих пилястров имели сложную профилировку, а сами пилястры, украшенные прямоугольными нишами, составлялись из двух или трех каменных блоков, причем нижний блок чрезвычайно близок кара-тепинскому; особенно велико сходство кара-тепинской находки с блоками, оформлявшими углы платформы и вход на лестницу; эти блоки имели декоративные ниши не с одной, как обычно, а с двух сторон. Чрезвычайно сходны с кара-тепинской капителью и двухъярусные капители пилястров «буддийской платформы» (на этом сходстве мы еще остановимся несколько позже). Хуже сохранилось внешнее убранство платформ храмового комплекса царя Канишки, но, насколько позволяют судить известные сейчас материалы, оно в основных чертах было аналогично украшению «буддийской платформы»¹³¹. Несомненная близость кара-тепинских камен-

¹²⁷ См., например, Foucher, AGBG, I, стр. 119, fig. 40; стр. 136, fig. 52; стр. 183, fig. 70.

¹²⁸ См., например, Foucher, AGBG, I, стр. 257, fig. 131; стр. 263, fig. 137; стр. 277, fig. 140; стр. 313, fig. 160; стр. 323, fig. 165; стр. 361, fig. 184; стр. 365, fig. 186; стр. 377, fig. 191; стр. 385, fig. 195; стр. 392—393, fig. 198—199 и т. д.

¹²⁹ См., например, Foucher, AGBG, I, стр. 257, fig. 134; стр. 263, fig. 137; стр. 392, fig. 190; стр. 412, fig. 208; стр. 459, fig. 230; стр. 465, fig. 234; стр. 499, fig. 249; стр. 563, fig. 280; Ingholt, GAP, pl. I.2-3; XIII,3; XV,3; XXI,4; № 15, 33, 40, 76, 78, 82, 90, 93 и др. (ср. № 521 — фасад часовни монастыря в Джаулиане).

¹³⁰ См. D. Schlumberger, The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India, — «The Proceedings of the British Academy», Oxford, 1962, vol. XLVII, стр. 90—91, pl. XXII, XXIV. Ср. его же, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (III), — JA, 1955, стр. 275—277, pl. II, 2; III, fig. 2.

¹³¹ См.: D. Schlumberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (I), — JA, 1952, t. CCLX, стр. 438, pl. II; его же, The Excavations at Surkh Kotal, стр. 80, pl. II, b.

ных архитектурных деталей комплекса Б и архитектурного каменного убранства культовых построек Сурх-Коталья дает, таким образом, дополнительные основания считать, что и на Кара-тепе существовала платформа, сходная с сурх-котальской. Еще в 1962 г., когда во время раскопок двора комплекса А были обнаружены обломки ганчевых (гипсовых) статуй, возникло предположение, что эти статуи, скорее всего, украшали небольшую буддийскую ступу, располагавшуюся в центре двора¹³². Думается, что рассмотренные нами каменные архитектурные детали принадлежали такому же буддийскому культовому сооружению, остатки которого, может быть, ждут нас в центральной, еще не раскопанной части двора комплекса Б.

Выше, упоминая о капителях пилястров сурх-котальской «буддийской платформы», мы уже отмечали, что эти капители близки кара-тепинской. Сходство это столь велико, что на нем следует, очевидно, остановиться особо. Всего при раскопках этой платформы, как указывается в одной из статей руководителя раскопочных работ¹³³, найдено двадцать четыре капители с изображением человеческих полуфигур и одна — с изображением «тюрбана бодхисаттвы»¹³⁴. Для нас особенно важно, что все опубликованные пока что капители «буддийской платформы» (мне лично известны воспроизведения семи таких капителей)¹³⁵ состоят из двух поясов, причем в нижнем из них на всех капителях, за исключением капители с «тюрбаном бодхисаттвы», полуфигура человека изображена в нишке среди аканфовых листьев, т. е. композиционно так же, как и на капители из Кара-тепе. Сходство между капителями не ограничивается одной лишь композиционной схемой, а распространяется и на такие детали, как обрамление нишки, расположение и форма аканфовых листьев; последние размещены точно так же, как на кара-тепинской капители: два стоящих листа ниже волют, по обе стороны от нишки с полуфигурой, три листа со свисающими концами в среднем ряду и два таких же листа в нижнем ряду (см. рис. 43в, 43г). Те же характерные черты в композиции и стиле изображений запечатлены и на единственной опубликованной капители из

¹³² См. Кара-тепе, стр. 12 и 25.

¹³³ Подробный отчет о раскопках Сурх-Коталья еще не опубликован, и все сведения об этом интереснейшем археологическом памятнике пока что можно получить лишь из предварительных отчетов и отдельных статей и заметок.

¹³⁴ См. D. Schlumberger, *The Excavations at Surkh Kotal*, стр. 91; ср. JA, 1955; t. CCLXIII, стр. 277.

¹³⁵ См. JA, 1955, t. CCLXIII, стр. 277, pl. III₂ (капитель с «тюрбаном бодхисаттвы») = D. Schlumberger, *The Excavations at Surkh Kotal*, pl. XXIV, b), pl. III, 3; «Syria», t. XXXVII, 1/2, pl. V, 2, 3, 4; pl. VI, 6, 7 (=D. Schlumberger, *The Excavations at Surkh Kotal*, pl. XXIV, a); D. Schlumberger, *The Excavations at Surkh Kotal*, pl. XXII, a.

храма Канишки, которая отличается от капителей «буддийской платформы» Сурх-Коталья и кара-тепинской находки лишь тем, что у нее нет второго — верхнего пояса (рис. 436). По размещению и характеру аканфовых листьев к капителям Сурх-Коталья и Кара-тепе близка также капитель, найденная на городище Старого Термеза (возле северо-западного угла «кала») во время работ Термезской комплексной археологической экспедиции 1938 г. (Плохая сохранность этой находки не позволяет судить о характере изображенной на ней полуфигурки, держащей что-то в согнутой правой руке¹³⁶.)

В том, что все эти черты сходства отнюдь не случайны, легко убедиться, просмотрев сводные работы по гандхарскому искусству, где опубликовано несколько коринфизированных капителей с человеческими фигурками¹³⁷; все они заметно отличаются от сурх-котальских и термезских, равно как и от знаменитых айртамских¹³⁸, тем, что в отличие от всех этих находок в Бактрии гандхарские сочетания носят «зачастую крайне искусственный характер»¹³⁹.

Верхний пояс капители из Кара-тепе также перекликается с отдельными гандхарскими композициями и в то же время находит себе ближайшие аналоги не в Гандхаре, а все в той же Бактрии. Действительно, украшение капители парой «геральдически» расположенных животных — чаще всего парой зебу — зафиксировано на ряде гандхарских памятников¹⁴⁰; этот прием восходит, безусловно, к ахеменидской традиции¹⁴¹. Более того, в центре таких композиций между двумя фигурами иногда бывает изображен хищник (лев или тигр)¹⁴². Но

¹³⁶ Изображение этой находки см. Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, рис. 15, з на стр. 60. Графическую реконструкцию см. Г. А. Пугаченкова, Фрагменты эллинистической архитектуры, рис. 7 на стр. 74.

¹³⁷ См., например, Foucher, AGBG, I, стр. 234—240, fig. 111—113. Ср.: Ingholt, GAP, № 175; Marshall, BAG, pl. 107, fig. 147; стр. 106.

¹³⁸ Первые публикации см.: М. Е. Массон, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.; его же, Скульптура Айртама, — «Искусство», 1935, № 2; К. В. Тревер, Памятники преко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940. В настоящее время подготавливается более полное издание этих интересных находок.

¹³⁹ Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 59.

¹⁴⁰ См.: Marshall, BAG, pl. 7, fig. 9 (рельефы восточных ворот Большой ступы в Санчи; ср. композиции в верхних квадратах тех же ворот: Grünwedel, VKI, стр. 70, Abb. 25); pl. 87, fig. 122 (=Foucher, AGBG, I, стр. 192, fig. 76); pl. 88, стр. 123 (=Foucher, AGBG, I, стр. 193, fig. 77=Grünwedel, VKI, стр. 110, Abb. 42); Ingholt, GAP, pl. XVI, 4, № 39 (=Grünwedel, VKI, стр. 108, Abb. 41); № 362, 364.

¹⁴¹ В западноевропейской литературе такие капители называют даже «индо-персидскими» или «индо-персеполитанскими». О значении ахеменидских традиций для истории культуры и искусства народов древней Индии и Средней Азии см. Б. Я. Ставиский, Средняя Азия и древняя Индия (историко-культурные взаимовлияния и связи), — «Доклады Географического общества СССР», Л., 1968, вып. 5, стр. 183—186.

¹⁴² Grünwedel, VKI, стр. 18, Abb. 2 (ср. стр. 70, Abb. 25); Foucher, AGBG, I, стр. 201, fig. 81; стр. 225, fig. 102; Ingholt, GAP, № 257.

гандхарские изображения все же лишь отдаленно напоминают кара-тепинскую капитель.

Несравненно ближе к последней капитель, поступившая в Кабульский музей в 1945 г. (или ранее этой даты) с городища Шам-кала¹⁴³. Это городище, расположенное возле современного Баглана, т. е. близ Сурх-Коталья¹⁴⁴, еще ждет своих исследователей (рассматриваемая нами капитель, равно как и три другие, опубликованные вместе с ней, найдены не в ходе научных раскопок, а случайно, вероятно при земляных работах).

Капитель из Шам-калы (рис. 43а), венчавшая угловой пилястр, имеет одинаковые рельефные украшения с двух сторон. Капитель — двухпоясная. В нижнем поясе в нишке на фоне аканфовой листвы помещена человеческая полуфигурка в складчатой одежде. Композиционно и особенно стилистически нижний пояс шам-калинской капители напоминает сурх-котальские и кара-тепинскую находки и отличается лишь формой нишки и отсутствием среднего ряда аканфовых листьев. В верхнем же поясе в отличие от сурх-котальских, где изображены растительные или геометрические узоры, помещена композиция, почти совершенно идентичная кара-тепинской: хищник, изображенный в фас, как бы в прыжке, и лежащие слева и справа от него, круп к крупу, два могучих горбатых быка-зебу. Все характерные особенности этой композиции совпадают с кара-тепинской. Различия между ними видны лишь в деталях. Так, на шам-калинской капители задние ноги зебу частично прикрыты аканфовым обрамлением нишки нижнего пояса, горбы зебу орнаментированы насечками с самого их основания, на спинах зебу не изображены попоны; быков здесь украшают одни лишь лентовидные перевязи, напоминающие «подпруги» кара-тепинских изображений.

Публикация фрагментов каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе и сравнение их с гандхарскими памятниками и отдельными, пока что еще не столь многочисленными, находками в Бактрии позволяют, как мне кажется, коснуться нескольких вопросов истории культуры и искусства этой древней восточноиранской области в кушанский период. Эти вопросы неравноценны по их значению. Начнем с наименее важного. Таков, на мой взгляд, вопрос о характере передачи листьев аканфа.

Еще совсем недавно, когда в науке было известно огра-

¹⁴³ См. B. Dagens, *Fragments de sculpture inédits*, — MDAFA, Paris, 1964, t. XIX, стр. 37—38, pl. XXIV, 1—2.

¹⁴⁴ Местоположение Сурх-Коталья, Баглана и других пунктов этого района см. D. Schlumberger, *The Excavations at Surkh Kotal*, стр. 78, fig. 1.

ниченное число памятников архитектурного убранства из Северной Бактрии (и Средней Азии вообще), в нашей литературе было отмечено, что передача аканфовых листьев в искусстве Средней и Центральной Азии отличается от греко-римских образцов тем, что здесь аканфовые листья «чаще стоят, а не свисают»¹⁴⁵. Фрагменты скульптурных воспроизведений листьев аканфа из Кара-тепе и в еще большей мере кара-тепинская и другие близкие к ней бактрийские капители позволяют пересмотреть это заключение и утверждать, что для искусства кушанской Бактрии одинаково характерны как стоящие, так и свисающие аканфовые листья.

Второй вопрос, встающий в связи с кара-тепинскими находками, касается границ Бактрии как историко-культурной области. В советской исторической литературе этот вопрос решается достаточно определенно: Бактрия как древняя историко-культурная область, для которой характерно определенное единство в материальной культуре, простиралась от Гиндукуша на юге до Гиссарского хребта на севере, охватывая как северные районы современного Афганистана, так и юг современных Узбекской ССР и Таджикской ССР¹⁴⁶. Находки на Кара-тепе и в ряде других пунктов Северной Бактрии надписей «кушанским письмом» в сочетании с подобными же находками на Сурх-Котале, в Балхе и Урузгане¹⁴⁷ свидетельствуют и об языковом (и алфавитном) единстве обеих — право- и левобережной частей этой области в кушанскую эпоху. О том же теперь говорят и находки памятников монументально-декоративного искусства, в первую очередь резные капители из Сурх-Котала, Кара-тепе и Шамкалы. Об этом приходится напоминать лишь потому, что многие наши западноевропейские коллеги в своих работах все еще принимают за северный рубеж Бактрии не Гиссарский хребет, а Аму-Дарью, включая, таким образом, северные, правобережные, районы этой древней области в состав Согдианы (Согдианы) или совсем уже условного географического понятия — Трансоксаны¹⁴⁸. Эта традиция восходит к ошибочным утверждениям некоторых античных авторов и к сообщениям Чжан Цяня и китайских летописцев о том кратковременном

¹⁴⁵ Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 48.

¹⁴⁶ См., например, «История таджикского народа», т. I, М., 1963; «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955; ср. С. П. Толстов, Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки», — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 70, прим. 26.

¹⁴⁷ См. выше, статью В. А. Лившица.

¹⁴⁸ См., например, R. Ghirshman, Bégam, — MDFAA, Cairo, 1946, t. XII; R. A. Allchin, The Culture sequence of Bactria, — «Antiquity», 1957, vol. XXX, № 123, стр. 131—141 (особенно карта на стр. 133); K. Fischer, Gandharan sculpture from Kunduz and environs, — «Artibus Asiae». Ascona, 1958, vol. XXI, 3/4, стр. 231—253.

периоде, когда север Бактрии стал уже местом расселения племен даюэцжи, а юг, признавая верховную власть этих кочевых завоевателей, сохранял еще какую-то видимость автономии, и находится в вопиющем противоречии с четкими указаниями более поздних китайских и иных источников, ясно и недвусмысленно утверждающих, что Аму-Дарья не ограничивает Бактрию, а протекает посередине ее, деля эту древнюю область на две части¹⁴⁹.

И, наконец, третьим вопросом, с которым мы невольно сталкиваемся, является вопрос о месте памятников Кара-тепе и всей Бактрии в целом в системе художественной культуры Кушанской державы. До самого последнего времени почти все авторы, писавшие об искусстве кушанского периода, включали все художественные памятники Кушанского царства в число произведений гандхарского искусства, которое представлялось ведущим, если вообще не единственным художественным направлением этой обширной среднеазиатско-индийской империи. Робкие попытки выявить внутри этого художественного «единства» особую бактрийскую школу, предпринятые отдельными советскими исследователями¹⁵⁰, не нашли ни признания, ни даже должного отклика. И лишь недавно, уже после открытий на Сурх-Котале (и опираясь на них), Д. Шлюмберже выдвинул тезис о двух направлениях в искусстве Кушанской державы, используя при этом также выводы советских ученых. Исследователь широкой эрудиции, в одинаковой степени знакомый с памятниками эллинистического Ближнего Востока, Афганистана и Северной Индии, Д. Шлюмберже различает в художественном творчестве народов Кушанского царства наряду с греко-буддийским (гандхарским) искусством второе, небуддийское — «династийное» искусство¹⁵¹. И хотя памятники этого художественного направления Д. Шлюмберже видит как в Бактрии, так и в Индии (в частности, в Матхуре), оно в его работах предстает не столько светским, как это поняли некоторые последователи французского ученого¹⁵², сколько связанным с древними «иранскими» корнями докушанской и кушанской Бактрии. Иначе говоря, несмотря на нечеткость формулиро-

¹⁴⁹ Подробный разбор сведений античных авторов о Бактрии (и Согдиане) в настоящее время подготавливается к печати Е. А. Мончадской.

¹⁵⁰ См., например, К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 151. Хочу отметить, что, хотя датировки ряда памятников, предлагаемые К. В. Тревер в этой работе, в частности айратамских находок, представляются мне ошибочными, ее положение об отличии последних от памятников Гандхары кажется вполне обоснованным.

¹⁵¹ D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec; его же, The Excavations at Surkh Kotal*.

¹⁵² См. А. М. Беленицкий, К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье, — сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 189—190 (см. также КСИА, М., 1962, 98, стр. 35, 42).

вок Д. Шлюмберже, в частности известную расплывчатость примененного им понятия «иранское», он в конечном счете различает в кушанском искусстве две основные традиции: буддийскую, идущую из Индии, и небуддийскую, отражающую эстетические и религиозные представления Бактрии, вернее того конгломерата иранских племен и народов, которые заселяли ее территорию в период сложения и расцвета Кушанской державы (в состав ее населения входили и потомки древних обитателей Бактрии и выходцы из среды кочевых завоевателей, пришедших сюда из северных и восточных районов Средней Азии и из Восточного Туркестана).

Публикуемые материалы из Кара-тепе могут, как мне кажется, служить новым подтверждением выводов Д. Шлюмберже в том их понимании, которое изложено выше.

Действительно, чисто буддийские элементы в художественных памятниках Кара-тепе, равно как и предметы культа и, вероятно, элементы буддийской учености, будучи занесены сюда извне — из индийских владений кушанских государей, обнаруживают и большее сходство с гандхарскими памятниками. Таковы опубликованные в первом сборнике материалов нашей экспедиции зонтики-чатра¹⁵³, крышки реликвариев или иных культовых коробочек, украшенные изображением цветка лотоса¹⁵⁴, дарственные индийские надписи на глиняной посуде¹⁵⁵. Таковы, как мы знаем теперь, и сохранившиеся, по-видимому, свое символическое значение орнаментальные полосы с четырехлепестковыми розетками, и аналогичные гандхарским фигурки Будды (?), и изображения аркад с людьми. Однако основным критерием для разделения памятников Кушанского царства на два художественных течения служит все же не их религиозная принадлежность (хотя последняя играет, конечно, далеко не маловажную роль), а та художественная традиция, которая управляла рукой мастеров, изготавливавших те или иные произведения искусства.

С различиями, которые объясняются не религиозными, а локальными особенностями, мы столкнулись уже при характеристике аркад с людьми и изображений хищника на фоне листвы аканфа: в первом случае отличной от гандхарской оказалась трактовка цветка в руках у персонажей под арками, во втором — своеобразны и поза и характер размещения изображений. Но наиболее четко локальные (бактрийские) отличия кара-тепинских памятников проявились на лучше сохранившейся и особенно эффектной находке — на капителе декоративного пилястра.

¹⁵³ См. Кара-тепе, стр. 35—36, рис. 30.

¹⁵⁴ Там же, стр. 36—38, рис. 29.

¹⁵⁵ Там же, стр. 62—81, рис. 42—48.

Как уже отмечалось выше, эта капитель и капители Старого Термеза, Сурх-Коталья и Шам-калы¹⁵⁶ составляют единую в художественном отношении группу тесно связанных между собой памятников. Эта группа включает и явно буддийскую капитель из Кара-тепе, и скорее всего буддийские капители платформы статуй из Сурх-Коталья, и безусловно небуддийскую капитель из храма Канишки.

Таким образом, мы вправе утверждать, что все эти находки объединяет принадлежность не к одной религии, а к одной локальной — бактрийской художественной школе, которая, будучи тесно связана с гандхарской и позаимствовав у нее многие мотивы, а иногда и композиции, в то же время сохраняла свою специфику. Думается, что эта специфика в первую очередь как раз и объясняется древними местными (вернее, восточноиранскими) историко-культурными традициями.

В находках на Кара-тепе, представляющих буддийское искусство кушанской Бактрии, наряду с несомненными заимствованиями из гандхарского искусства мы видим отчетливый отпечаток этих древних традиций. Именно ими объясняется необычная для раннебуддийских памятников планировка кара-тепинских культовых построек (центральное помещение, окруженное тремя или четырьмя обходными коридорами), аналогичная планировке небуддийских святилищ сурх-котальского храма Канишки¹⁵⁷. Именно ими объясняются, по-видимому, и многие особенности рассмотренных нами кара-тепинских (и бактрийских вообще) каменных фрагментов. Малочисленность известных пока что художественных памятников докушанской Бактрии затрудняет изучение древних местных корней, но, как показывает опыт послевоенных десятилетий, почти каждая новая значительная находка свидетельствует о наличии таких корней все более и более определенно.

Заканчивая на этом рассмотрение каменных фрагментов из Кара-тепе, позволю себе остановиться еще на одной детали кара-тепинской капители — на изображении цветка в руке у человека среди аканфов. Выше, говоря об изображении аркад с людьми, мы уже отмечали, что цветок в руке держат и многие персонажи гандхарского искусства, где такой цветок в ряде случаев указывает на приверженность к

¹⁵⁶ Помимо рассмотренной нами капители из Шам-калы происходят еще три, по ряду элементов перекликающиеся с капителями «бактрийской группы». Все они двухпоясные. У одной из них нижний пояс — чисто орнаментальный, в верхнем же помещена композиция, близкая кара-тепинской (и изображенной на первой капители из Шам-калы): лев, терзающий двух грифонов. У двух остальных капителей верхний пояс заполнен растительными узорами, а в нижнем помещены сцены с изображением Будды и двух донаторов слева и справа от него. См. B. D a g e n s, *Fragments*, стр. 38—39, pl. XXV—XXVI.

¹⁵⁷ Ср. Кара-тепе, стр. 56—57.

буддизму¹⁵⁸. Мы отмечали также, что передача цветка на каменных фрагментах из Кара-тепе, аналогичная трактовке его на капители, отличается от гандхарской: это отличие заключается в том, что в Кара-тепе цветок изображен в виде трех ромбов, составленных в горку. Близкую передачу цветка мы видим и вне пределов Бактрии: цветы в виде трилистника отмечены в росписях Топрак-калы, дворца хорезмийских царей конца III — начала IV в.¹⁵⁹ и, в более близкой к кара-тепинским изображениям форме, на согдийских терракотах, изображающих богиню плодородия¹⁶⁰.

Эта пусть незначительная на первый взгляд деталь наряду с другими данными (например, находки каменных баз колонн¹⁶¹ и перекличка между капителями из Ангха-калы в Хорезме и бактрийскими капителями¹⁶²) позволяет сделать еще один шаг вперед по пути выявления тех элементов, которые были характерны для монументально-декоративного искусства не только кушанской Бактрии, но и всей кушанской Средней Азии вообще. Вполне вероятно, что выявление таких элементов поможет также проследить влияние на это искусство древних среднеазиатских традиций.

¹⁵⁸ Marshall, BAG, стр. 35—36.

¹⁵⁹ С. П. Толстов, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 180 и рис. 52 а, б.

¹⁶⁰ Ф. А. Заславская, Богиня плодородия в коропластике Афраси-аба кушанского времени, — ИМКУ, 1959, вып. 1, рис. 9 на стр. 38, рис. 12 на стр. 51; В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, № 41—45, стр. 63, табл. V; ср. стр. 22 и рис. 4,1 на стр. 24.

¹⁶¹ Ср. Кара-тепе, стр. 10—11.

¹⁶² См. Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 59 и рис. 15 на стр. 60. Ср. С. П. Толстов, Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала (март — апрель 1952 г.), — ВДИ, 1953, № 1, рис. 13, в.

**Опись находок фрагментов каменных рельефов из Кара-тепе
(1961—1964 гг.)**

№ п/п	Название фрагмента	Полевой шифр	Инв. №	Место находки
1	Фрагмент полосы с розетками	КТ-64* II-8	A-1756	Комплекс Б, на полу в СВ части пещерных помещений
2	То же	КТ-63 III-8а	A-1743	Там же
3	То же	КТ-63 III-8в	A-1744	Там же
4	То же	КТ-63 III-8б	A-1742	Там же
5	Фрагмент фигурки Будды (?)	КТ-64 II-1	A-1749	Там же
6	То же	КТ-64 II-2	A-1750	Там же
7	То же	КТ-64 II-3	A-1751	Там же
8	Обломок с изображением головы человека	КТ-64 II-5	A-1753	Там же
9	Человек под аркой	КТ-61 III-1420	A-1641	Комплекс Б, на полу центрального пещерного помещения
10	То же	КТ-63 III-1а, б, в	A-1741 (а, б, в)	Комплекс Б, на полу в СВ части пещерных помещений
11	Угол с остатками двух арк с людьми и головы слона (?)	КТ-64 II-7	A-1755	Там же
12	Обломок с изображением хобота	КТ-64 II-6	A-1754	Там же
13	Тигр на фоне аканфов	КТ-64 II-4	A-1752	Там же
14	Морда тигра (?)	КТ-63 III-5	A-1740	Там же
15	То же	КТ-63 III-4	A-1739	Там же

* Цифры числителя означают год находки.

№ п/п	Название фрагмента	Полевой шифр	Инв. №	Место находки
16	Лист аканфа	КТ-61 Ин-1431	A-1640	Свалка к югу от комплекса А
17	То же	КТ-61 Ин-1439	6/№	Там же
18	То же	КТ-63 III-7a	6/№	Комплекс Б, на полу в СВ части пещерных помещений
19	То же	КТ-63 III-7b	6/№	Там же
20	То же	КТ-63 III-7c	6/№	Там же
21	То же	КТ-63 III-7d	6/№	Там же
22	Угловой ступенчатый зубец	КТ-61 III-1418	A-1639	Комплекс Б, на полу центрального пещерного помещения
23	Ступенчатый зубец	КТ-63 III-33	A-1747	Комплекс Б, на полу в СВ части пещерных помещений
24	Кусок тяги	КТ-61 III-1419	6/№	Комплекс Б на полу центрального пещерного помещения
25	То же	КТ-61 Ин-1429	6/№	Свалка к югу от комплекса А
26	То же	КТ-61 Ин-1430	6/№	Там же
27	То же	КТ-63 III-17	6/№	Комплекс Б, на полу в СВ части пещерных помещений
28	То же	КТ-63 III-20	6/№	Там же
29	То же	КТ-63 III-18	6/№	Там же
30	То же	КТ-63 III-21	6/№	Там же
31	То же	КТ-63 III-19	6/№	Там же
32	То же	КТ-63 III-16	6/№	Там же
33	То же	КТ-63 III-12	6/№	Там же
34	То же	КТ-63 III-11c	A-1745	Там же
35	То же	КТ-63 III-11a	A-1746	Там же

№ п/п	Название фрагмента	Полевой шифр	Инв. №	Место находки
36	Кусок тяги	КТ-63 III-23	6/№	Комплекс Б, на полу в СВ части пещер- ных помещений
37	То же	КТ-63 III-11b	6/№	Там же
38	То же	КТ-63 III-15b	6/№	Там же
39	То же	КТ-63 III-24	6/№	Там же
40	То же	КТ-63 III-15d	6/№	Там же
41	То же	КТ-63 III-15a	6/№	Там же
42	То же	КТ-63 III-15c	6/№	Там же
43	То же	КТ-63 III-22	6/№	Там же
44	То же	КТ-63 III-3b	6/№	Там же
45	То же	КТ-63 III-25a	6/№	Там же
46	То же	КТ-63 III-25b	6/№	Там же
47	То же	КТ-63 III-25c	6/№	Там же
48	То же	КТ-63 III-14a	6/№	Там же
49	То же	КТ-63 III-14c	6/№	Там же
50	То же	КТ-63 III-3a	6/№	Там же
51	То же	КТ-63 III-14b	6/№	Там же
52	То же	КТ-63 III-10a	6/№	Там же
53	То же	КТ-63 III-10b	6/№	Там же
54	То же	КТ-63 III-13	6/№	Там же
55	То же	КТ-63 III-9	6/№	Там же
56	Обломок фигурки че- ловека	КТ-63 III-6	A-1738	Там же

№ п. п	Название фрагмента	Полевой шифр	Инв. №	Место находки
57	Карниз и головка (?)	КТ-63 III-3с	б/№	Комплекс Б, на полу в СВ части пещерных помещений
58	Неясное изображение	КТ-63 III-2б	б/№	Там же
59	То же	КТ-63 III-2с	б/№	Там же
60	Изображение прямоугольной ниши (?)	КТ-63 III-2а	б/№	Там же
61	Половина декоративного пилястра	КТ-63 III-1	А-1734	Комплекс Б, завал в ЮЗ углу двора, близ входа в пещерные помещения
62	Фрагмент базы пилястра	КТ-63 III-2	А-1735	Там же
63	Каменный подтреугольный в плане блок с изображением капители	КТ-64 II-9	А-1757	Комплекс Б, из закладки входа в пещерную келью в СЗ части двора
64—67	Четыре каменных подтреугольных в плане блока с гладкой поверхностью	б/№	б/№	Там же
68—72	Пять каменных прямоугольных блоков порога	б/№	б/№	Комплекс А, вход в целлу наземного святилища

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Схематический план городища Старого Термеза (по В. А. Шишкину).
2. План основного раскопа: комплексы А и Б (составлен в 1966 г.).
3. Схематический план южной вершины Кара-тепе (с указанием размещения выявленных сооружений).
4. Схематический план комплекса Б (с указанием размещения рисунков и надписей-граффити).
5. Рисунки-граффити.
6. Прощарапанные изображения рук (фотография).
7. Керамические находки.
8. Керамические находки.
9. Черепки с надписями:
 - а) «кушанским» письмом;
 - б) брахми и «кушанским» письмом;
 - в) неизвестным письмом (?)
10. Надписи-граффити: бактрийская Б-11 и среднеперсидская СП-1.
11. Бактрийская надпись-граффити Б-11 (деталь рис. 10).
12. Среднеперсидская надпись-граффити СП-1 (деталь рис. 10).
13. Бактрийская надпись-граффити Б-7 (фотография).
14. Бактрийская надпись-граффити Б-7 (прорисовка).
15. Бактрийская надпись-граффити Б-8.
16. Бактрийские надписи-граффити Б-5 и Б-9 (прорисовка).
17. Бактрийская надпись-граффити Б-4.
18. Бактрийские надписи-граффити (прорисовки):
 - а) надпись Б-3;
 - б) надпись Б-6;
 - в) надпись Б-2.
19. Бактрийские надписи-граффити (прорисовки):
 - а) надпись Б-1;
 - б) надпись Б-10.
20. Среднеперсидская надпись-граффити СП-2.
21. Среднеперсидская надпись на черепке из Старого Мерва.
22. Палеографическая таблица бактрийских надписей.
23. Терракоты (фотографии).
24. Терракоты (рисунки).
25. Терракоты (рисунки).
26. Фрагменты каменных барельефов — полосы с розетками (рисунки).
27. Фрагменты каменных барельефов — образцы тяг и узоров (фотографии).
28. Фрагменты каменных барельефов — аканфы, зубцы (фотографии).
29. Фрагменты каменных фигурок (фотографии).
30. Фрагменты каменных фигурок (рисунки).
31. Барельефы с изображением тигров (фотографии).
32. Барельефы с изображением тигров (рисунки).
33. Угловая часть рельефа и фрагмент с изображением хобота (фотографии).
34. Угловая часть рельефа и фрагмент с изображением хобота (рисунки).
35. Часть арки с человеческой фигурой (фотография и рисунок).
36. Часть аркады с человеком (фотография и рисунок).

37. Часть декоративного каменного пилястра и базы.
38. Капитель декоративного пилястра в фас и сверху (фотографии).
39. Прорисовка и графическая реконструкция капители из Кара-тепе.
40. Статун Будды:
 - а) Калькуттский музей;
 - б) Британский музей.
41. Буддийский барельеф из Лахорского музея.
42. Буддийские барельефы:
 - а) Пешаварский музей;
 - б) Лахорский музей.
43. Капители пилястров:
 - а) Шам-кала;
 - б) Сурх-Коталь (храм Канишки);
 - в, г) Сурх-Коталь («буддийская платформа»).
44. «Буддийская платформа» в Сурх-Котале.
45. Черепок с бактрийской курсивной надписью из Занг-тепе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.
- ИИ АН ТаджССР — Институт истории и археологии имени Ахмада Доинша Академии наук Таджикской ССР.
- ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
- Кара-тепе — Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский, Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Материалы совместной археологической экспедиции [Государственного Эрмитажа и Государственного Музея искусства народов Востока] на Кара-тепе, под общей редакцией Б. Я. Ставиского, [I], М., 1964.
- КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР», М.
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР», М. — Л., М.
- Лившиц, Муг — Согдийские документы с горы Муг. Выпуск II: Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица, М., 1962.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- ПИМК — «Проблемы истории материальной культуры».
- РИКМ — Республиканский историко-краеведческий музей Таджикской ССР (Душанбе).
- СА — «Советская археология», М.
- СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа», Л.
- Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
- ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1938 гг.
- Узкомстарис — Узбекстанский комитет по охране памятников материальной культуры.
- УзФАН СССР — Узбекстанский филиал Академии наук СССР.
- ЭВ — «Эпиграфика Востока», М. — Л.
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- АА — «Archäologischer Anzeiger», Wien.
- Acta Ant. Hung. — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.
- Acta Orient. Hung. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.
- AI — «Ancient India».
- Air. Wb. — Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904.
- AM — «Asia Major», London.
- APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
- ARAL — «Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti Classe di scienze morali, storiche e filologiche», Roma.
- ASI — Archeological Survey of India

- Bailey, Amb. Ind. — H. W. Bailey, *Ambages Indoiranicae*, — «Istituto Universitario Orientale. Annali. Sezione linguistica», 1959, 1, 2, ctp, 113—146.
- Bailey, KT IV — *Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts*, vol. IV, transl. and ed. by H. W. Bailey, Cambridge, 1961.
- Bailey, LS — H. W. Bailey, *Languages of the Saka*, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 4. Bd: Iranistik, 1. Abschn.: Linguistik, Leiden-Köln, 1958, ctp. 131—154.
- BBB — W. B. Henning, *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch*, — APAW, 1936, № 10.
- Benveniste — E. Benveniste, *Inscriptions de Bactriane*, — JA, 1961, t. CCXLIX, ctp. 113—152, pl. I—IV.
- Bivar I — A. D. H. Bivar, *The Inscription of Uruzgan*, — JRAS, 1954, pt 3—4, ctp. 112—118, pl. XXIX.
- Bivar II — A. D. Bivar, *Notes on Kushāna cursive Seal Inscriptions*, — NC, 1955, Sixth Series, vol. XV, ctp. 203—210, pl. XV.
- Bivar III — A. D. H. Bivar, *The Kushano-Sassanian coin series*, — JNSI, 1956, vol. XVIII, pt 1, ctp. 13—42, pl. I—V.
- Bivar IV — A. D. H. Bivar, *An Unknown Punjab Seal-Collector*, — JNSI, 1961, vol. XXIII, ctp. 309—327, pl. VII—VIII.
- Bivar V — A. D. H. Bivar, *The Kaniška dating from Surkh Kotal*, — BSOAS, 1963, vol. XXVI, pt 3, ctp. 498—502, pl. I.
- BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
- CII — *Corpus Inscriptionum Iranicarum*.
- Cunningham, 1892 — A. Cunningham, *Coins of the Kushāns, or Great Yue-ti*, — NC, 1892, Third Series, vol. XII, ctp. 40—82, 98—159, pl. IV—VIII, IX—XIV.
- Cunningham, 1893 — A. Cunningham, *Later Indo-Scythian*, — NC, 1893, Third Series, vol. XIII, ctp. 93—128, 166—202, pl. VIII—X, XIII—XV.
- Cunningham, 1894 — A. Cunningham, *Later Indo-Scythian (Ephtalites, or White Huns)*, — NC, 1894, Third Series, vol. XIV, ctp. 243—293, pl. IX—XII.
- Curriel — R. Curriel, *Inscriptions de Surkh Kotal*, — JA, 1954, t. CCXLII, ctp. 189—206, pl. IV.
- Ep. Ind. — *Epigraphia Indica and Record of the Archaeological Survey of India (Calcutta)*.
- Foucher, AGBG, I — A. Foucher, *L'art gréco-bouddhique du Gandhāra*, t. I, Paris, 1905.
- Geiger — B. Geiger, *The Middle Iranian texts*, — в кн.: C. H. Kraeling, *The Synagoge*, New Haven, 1956 (*The Excavation at Dura-Europos. Final Report VIII*, pt. 1).
- Gershevitch, Rev. — I. Gershevitch, [рец. на книгу:] H. Humbach, *Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal*, — BSOAS, 1963, vol. XXVI, pt 1, ctp. 193—196.
- Ghirshman I — R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, Le Cairo, 1948 (MDAFA, t. XIII).
- Ghirshman II — R. Ghirshman, *Quelques intailles du Musée de Calcutta, à légendes en Tokharien, Pehlvi Arsacide et Pehlvi Sassanide*, — в кн.: «*Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld*», New York, 1952, ctp. 102—115, pl. XXI.
- Göbl I — R. Göbl, *Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises bis Bahram IV*, — в кн.: Fr. Altheim, R. Stiehl, *Finanzgeschichte der Spätantike*, Frankfurt am Main, 1957, ctp. 173—256, 384—385, 405—419, Taf. 1—15.
- Göbl II — R. Göbl, *Grundriss einer historischen Paläographie der Kušanmünzen*, — «*Iranica Antiqua*», Leiden, 1961, vol. 1, ctp. 93—116.
- Göbl III — R. Göbl, *Zegomonoko*, — «*East and West*», NS, Rome, 1962, vol. 13, № 2—3, ctp. 207—212.

- Göbl IV — R. Göbl, Zwei neue Termi- für ein zentrales Datum der Alten Geschichte Mittelasiens, das Jahr I der Kušān-Königs Kaniška, — «Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Wien, Jahrgang 1964, So. 7, стр. 137—151.
- Göbl V — R. Göbl, Die drei Versionen der Kaniška-Inschrift von Surkh Kotal, Wien, 1965 («Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften», 88. Bd. 1. Abh.).
- Grünwedel, BK1 — A. Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien, Berlin, 1893.
- Hansen — O. Hansen, Die Berliner Hephthaliten-Fragmente, — в кн.: Fr. Altheim, Aus Spätantike und Christentum, Tübingen, 1951, стр. 78—103, Taf. 7-a — 10-b.
- Harmatta I — J. Harmatta, Cusanica, — Acta Orient. Hung., 1960, t. XI, стр. 191—220.
- Harmatta II — J. Harmatta, Sino-Indica, — Acta Ant. Hung., 1964, t. XII, стр. 3—21.
- Harmatta III — J. Harmatta, The Great Bactrian Inscription, — Acta Ant. Hung., 1964, t. XII, стр. 373—471.
- Harmatta IV — J. Harmatta, Minor Bactrian Inscriptions, — Acta Ant. Hung., 1965, t. XIII, стр. 149—205.
- Henning I — W. B. Henning, 'Surkh Kotal', — BSOAS, 1956, vol. XVIII, pt 2, стр. 365—367.
- Henning II — W. B. Henning, Mitteliranisch, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 4. Bd: Iranistik. 1. Abschn.: Linguistik, Leiden-Köln, 1958, стр. 20—130.
- Henning III — W. B. Henning, The Bactrian Inscription, — BSOAS, 1960, vol. XXIII, pt 1, стр. 47—55.
- Henning IV — W. B. Henning, A Bactrian Seal-Inscription, — BSOAS, 1962, vol. XXV, pt 2, стр. 335.
- Henning V — W. B. Henning, Surkh-Kotal und Kaniška, — ZDMG, 1965, Bd 115, H. 1, стр. 75—87.
- Herzfeld — E. Herzfeld, Kushano-Sassanian Coins, Calcutta, 1930 («Memoirs of ASI», № 38).
- Humbach I — H. Humbach, Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal: ein Zeugnis des jüngeren Mithraismus aus Iran, Wiesbaden, 1960.
- Humbach II — H. Humbach, Die Götternamen der Kušan-Münzen, — ZDMG, 1961, Bd 111, H. 2, стр. 475—479.
- Humbach III — H. Humbach, Kušan und Hephthaliten, München, 1951 («Münchener Studien zur Sprachwissenschaft». Beiheft C).
- IJ — «Indo-Iranian Journal», Leiden.
- Ingholt, GAP — H. Ingholt, Gandharian art in Pakistan, New York, 1957.
- JA — «Journal asiatique», Paris.
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society», Baltimore.
- JNSI — «The Journal of the Numismatic Society of India», Varanasi.
- JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
- Junker — H. F. J. Junker, Die hephthalitischen Münzinschriften, — SPAW, 1930, Bd XXVII, стр. 641—662, Taf. X—XI.
- Justi — F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895.
- Konow — Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. II, pt I: Kharoṣṭhi Inscriptions with the exception of those of Aśoka, ed. by Sten Konow, Calcutta, 1929.
- Lüders I — H. Lüders, A List of Brahmi Inscriptions, — Appendix to Ep. Ind., 1912, vol. X, стр. 1—226.
- Lüders II — H. Lüders, Mathurā Inscriptions (unpublished papers edited by K. L. Janert), Göttingen, 1951 («Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», philologisch-historische Klasse, Dritte Folge, № 47).
- Maricq I — A. Maricq, Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlān). La Grande

- Inscription de Kanīška et l'Été-Tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane, — JA, 1958, t. CCXLVI, стр. 345—440, pl. I—IV.
- Maricq II — A. Maricq, Bactrian ou Été-Tokharien? — JA, 1960, t. CCXLVIII, стр. 161—165.
- Marshall, BAG — J. Marshall, The Buddhist art of Gandhara, Cambridge, 1960.
- Mayrhofer — M. Mayrhofer, Das Bemühen um die Surkh-Kotal-Inschrift, — ZDMG, 1962, Bd 112, стр. 325—344.
- MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», Paris — Le Caire.
- NC — «The Numismatic Chronicle and Journal of the (Royal) Numismatic Society», London.
- RO — «Rocznik Orientalistyczny», Kraków.
- SPA — A Survey of Persian Art, London — New York, vol. I, IV, V, 1938; vol. II, III, VI, 1939.
- SPAW — «Sitzungsberichte der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Klasse, Berlin.
- Stavisky — B. J. Stavisky, Notes on gem-seals with Kushāṇa cursive inscriptions in the collection of the State Hermitage, — JNSI, 1960, vol. XXII, стр. 102—108, pl. III.
- Thomas — F. W. Thomas, A Tokhari (?) MS., — JAOS, 1944, vol. 64, № 1, стр. 1—3.
- TPhS — Transactions of the Philological Society, London.
- YCS — Yale Classical Studies, New Haven.
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig — Wiesbaden.

SUMMARY

Buddhist Caves on Kara Tepe, Old Termez

The present volume of articles is the second publication of the archaeological excavations of Kara Tepe, the remains of a Buddhist cave monastery of the 2nd-4th centuries A. D. in Old Termez. The first issue entitled "Kara Tepe. Buddhist Cave Monastery in Old Termez" (Moscow, 1964) dealt with the Kara Tepe explorations of 1931 and 1932; the book included a detailed account by B. J. Stavisky of the work of the expedition, an article by T. V. Grek on Indian inscriptions on the pottery found in the monastery, and an item by E. G. Pchelina concerning the history of the Kara Tepe explorations up to 1937.

The excavations of 1933-1934 conducted by a joint expedition of the State Hermitage Museum and the Moscow Oriental Art Museum revealed new interesting materials. The purpose of the present publication is to acquaint a broad section of research workers with these new findings. The volume contains an account of the excavations of 1933-1934, articles by J. Harmatta, V. A. Livshits and V. G. Lukonin on Indian, Bactrian and Middle Persian inscriptions from Kara Tepe, by V. A. Meshkeris on terracottas and by B. J. Stavisky on fragments of stone reliefs and architectural details.

New evidence is given in the account on the excavations of complexes A and B, each comprising cave and above-ground buildings, and also of some new groups of cave chambers II-IV and II-V. The data obtained in 1963-1964 and the results of previous explorations made it possible to establish the character of the building of the southern top of Kara Tepe: here, on the exposed side of the hill, were situated about twenty complexes similar to complexes A and B. The account includes a description of separate small finds and considerations on the history of the monastery, as well as some observations concerning the culture and art of Kushan Bactria.

Prof. J. Harmatta (University of Budapest) in his article "On the Interpretation of Inscriptions on Ceramics from Kara Tepe" deals with some Indian and Bactrian inscriptions. V. A. Livshits and J. Harmatta attempt to read Bactrian wall-inscriptions (graffiti) found in Kara Tepe. Two fragments of pottery with Bactrian characters can be referred, on paleographic grounds, to the period of the monastery's high activity. Other inscriptions engraved on the walls of the cave corridors (complex B) probably can be dated by the time when the monastery came to a decline or was completely abandoned. V. A. Livshits' article also reviews Bactrian inscriptions from other regions.

V. G. Lukonin interprets two short Middle Persian inscriptions discovered on the walls of complex B. One of these graffiti, which reads *Zyk dpyr*, seems to have been made by a secretary of a Sassanian chief or a ruler of the boundary region. The second inscription contains a figure or, rather, a date which can be referred, according to Lukonin, to the 61st year of Shahpuhr II, i. e. 369/370 A. D. The author further considers Middle Persian inscriptions from Merv and Pandjikent and gives more exact interpretations of some Derbent inscriptions.

Objects of art unearthed in Kara Tepe are discussed in the articles of Mrs. Meshkeris and Dr. Stavisky. The former contains a detailed analysis of terracottas found in Kara Tepe in 1937, which brings out the features characteristic of Bactrian terracottas in general.

B. J. Stavisky presents a description of more than 60 stone fragments, including a stone block with a painted relief—a capital of a decorative pilaster. Comparison of the Kara Tepe finds and other monuments of Bactrian art with Gandharian art confirms D. Schlumberger's idea about the two trends in the art of the Kushan Empire. The author believes that one of these trends may be called Bactrian.

LIST OF ILLUSTRATIONS

1. Schematic plan of town-site of Old Termez (after V. A. Shyshkin).
2. Plan of main excavation-site: complexes A and B (1966).
3. Schematic plan of the southern top of Kara Tepe, showing the disposition of cleared rooms.
4. Schematic plan of complex B, showing the disposition of drawings and graffiti inscriptions.
5. Graffiti drawings.
6. Scratched drawings of hands.
7. Ceramic finds.
8. Ceramic finds.
9. Fragments of pottery with inscriptions: a) "Kushan characters"; b) Brahmi script and "Kushan characters"; c) Unknown letters.
10. Graffiti inscriptions: Bactrian — B-11 and Middle Persian — CII-1.
11. Bactrian graffiti inscription B-11 (detail of fig. 10.).
12. Middle Persian graffiti inscription CII-1 (detail of fig. 10).
13. Bactrian graffiti inscription B-7 (photograph).
14. Bactrian graffiti inscription B-7 (drawing).
15. Bactrian graffiti inscription B-8.
16. Bactrian graffiti inscriptions B-5 and B-9 (drawings).
17. Bactrian graffiti inscription B-4.
18. Bactrian graffiti inscriptions (drawings):
a) inscription B-3; b) inscription B-6; c) inscription B-2.
19. Bactrian graffiti inscriptions (drawings):
a) inscription B-1; b) inscription B-10.
20. Middle Persian graffiti inscription CII-2.
21. Middle Persian inscription on a crock from Old Merv.
22. Paleographic table of Bactrian inscriptions.
23. Terracottas (photographs).
24. Terracottas (drawings).
25. Terracottas (drawings).
26. Fragments of stone basreliefs — bands with rosettes (drawings).
27. Fragments of stone basreliefs — examples of stripes and patterns (photographs).
28. Fragments of stone basreliefs — acanthos and merlons (photographs).
29. Fragments of stone figurines (photographs).
30. Fragments of stone figurines (drawings).
31. Fragments of basreliefs with images of tigers (photographs).
32. Fragments of basreliefs with images of tigers (drawings).
33. A corner part of basreliefs and fragments of trunk (photographs).
34. A corner part of basreliefs and fragments of trunk (drawings).
35. A part of arc with a human figure (photograph and drawing).
36. A part of arcade with a human figure (photograph and drawing).
37. A part of decorative stone pilaster and base.
38. A capital of decorative pilaster (photograph).
39. A capital of decorative pilaster (drawing and graphic reconstruction).
40. Statues of Buddha: a) from Calcutta Museum; b) from British Museum.
41. Buddhist basrelief from Lahore Museum.
42. Buddhist basreliefs: a) from Peshawar Museum; b) from Lahore Museum.
43. Capitals of pilasters: a) from Cham-qala; b) from Surkh Kotal (Kanishka temple); c, d) from Surkh Kotal ("Buddhist platform").
44. "Buddhist platform" in Surkh Kotal.
45. A crock with Bactrian inscription from Zang-tepe.

CONTENTS

Preface	5
B. J. Stavisky, <i>Principal Results of Excavations of Kara Tepe in 1963—1964</i>	7
I. Excavated rooms	8
a. First group of monastery's rooms (complex A)	8
b. Second group of monastery's rooms (complex B)	10
c. New-excavated cave groups II-IV and II-V	15
II. Individual finds	17
a. Ceramics	17
b. Details of stone construction with "concrete"	20
c. Graffiti drawing	21
d. Inscriptions	24
III. Some conclusions	28
J. Harmatta, <i>On the Interpretation of Inscriptions on Ceramics from Kara Tepe</i>	32
V. G. Lukonin, <i>Middle Persian Inscriptions from Kara Tepe</i>	40
V. A. Livshits, <i>The Bactrian Inscriptions and the Findings at Kara Tepe</i>	47
J. Harmatta, <i>The Bactrian Wall-inscriptions from Kara Tepe</i>	82
V. A. Meshkeris, <i>Terracottas from Kara Tepe</i>	126
1. Anthropomorphical figures	127
2. Figurines of animals	136
B. J. Stavisky, <i>Fragments of Stone Reliefs and Details of Architectural Ornaments Excavated on Kara Tepe in 1961—1964</i>	139
a. Ornamental lines with rosettes	140
b. Buddha (?) figures	144
c. Arcades with human figures	146
d. Tiger's (?) faces	149
e. Architectural designs	152
f. Miscellaneous fragments	158
g. Architectural details	158
List of Stone Fragments from Kara Tepe (1961—1964)	170
List of Abbreviations	176
Summary	180
List of Illustrations	182
Illustrations	185

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Б. Я. Ставиский, <i>Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.</i>	7
I. Раскопанные сооружения	8
а. Первая группа монастырских построек (комплекс А)	8
б. Вторая группа монастырских построек (комплекс Б)	10
в. Вновь открытые группы пещерных помещений II-IV и II-V	15
II. Отдельные находки	17
а. Керамика	17
б. Детали каменной облицовки с "бетоном"	20
в. Рисунки-граффити	21
г. Надписи	24
III. Некоторые выводы	28
Я. Харматта, <i>К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе</i>	32
В. Г. Луконин, <i>Среднеперсидские надписи из Кара-тепе</i>	40
В. А. Лившиц, <i>К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе</i>	47
J. Harmatta, <i>The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara Tepe</i>	82
В. А. Мешкерис, <i>Терракоты из Кара-тепе</i>	126
I. Антропоморфные изображения	127
II. Фигурки животных	136
Б. Я. Ставиский, <i>Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.</i>	139
а. Орнаментальные полосы с розетками	140
б. Фигурки Будды (?)	144
в. Изображения аркад с людьми	146
г. Изображения тигров (?)	149
д. Элементы архитектурного орнамента	152
е. Прочие фрагменты	158
ж. Архитектурные детали	158
Опись находок фрагментов каменных рельефов из Кара-тепе (1961—1964 гг.)	170
Список иллюстраций	174
Список сокращений	176
Summary	180
List of Illustrations	182
Contents	183
Иллюстрации	185

ИЛЛЮСТРАЦИИ

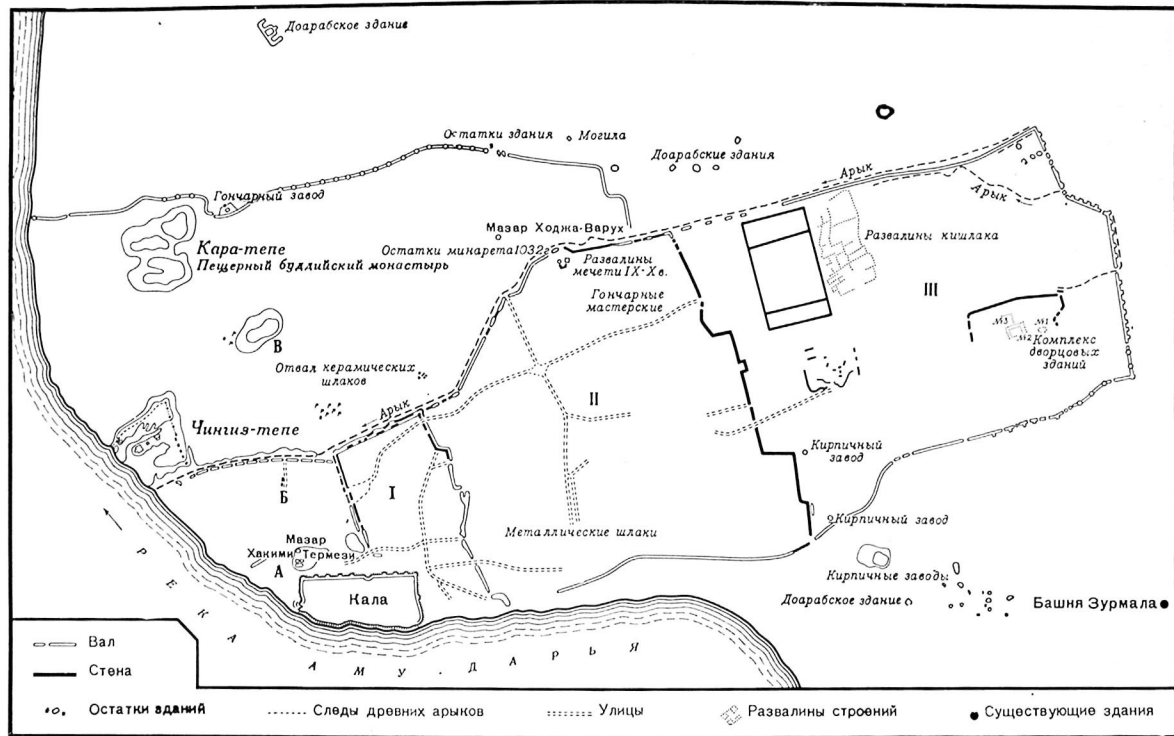

Рис. 1

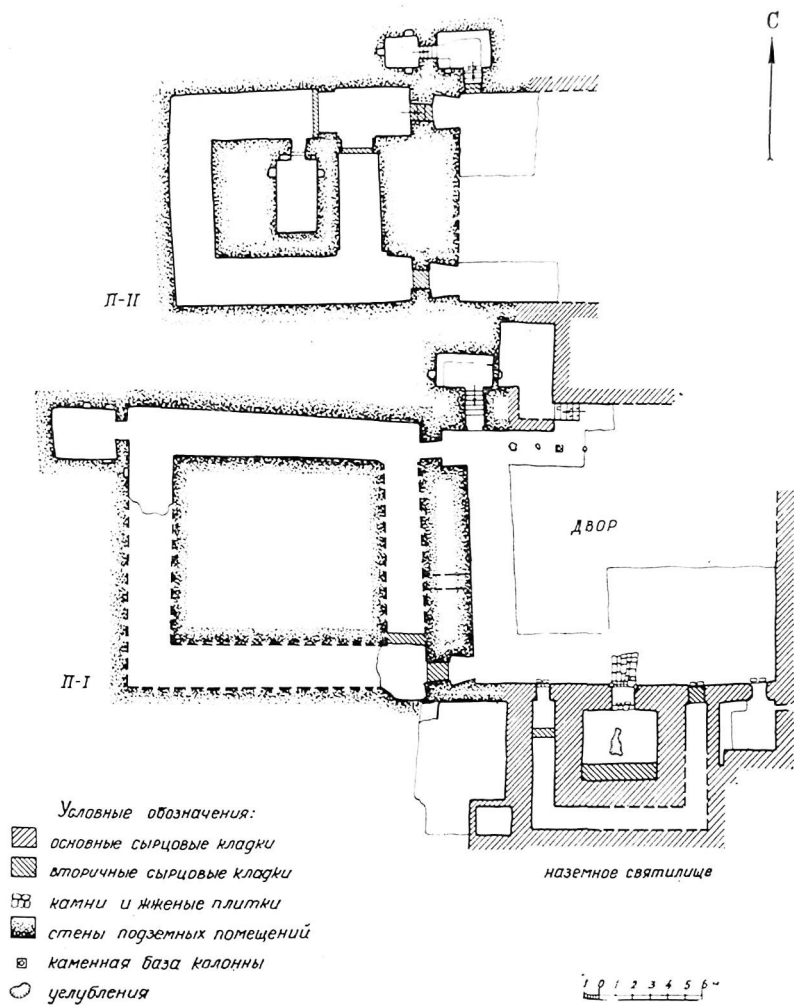

Рис. 2

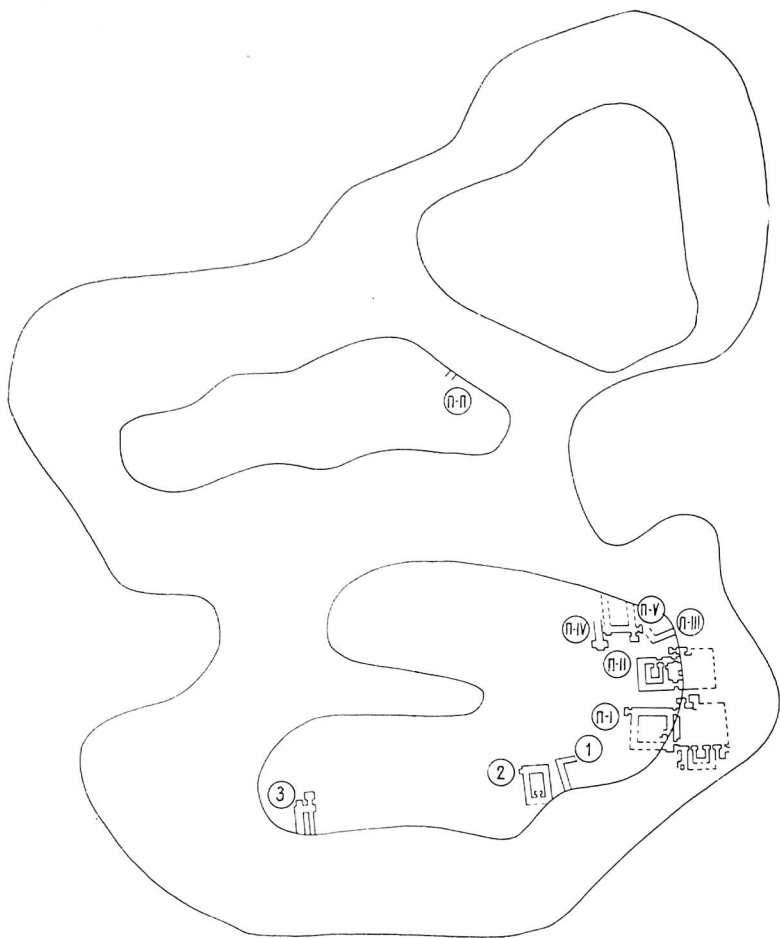
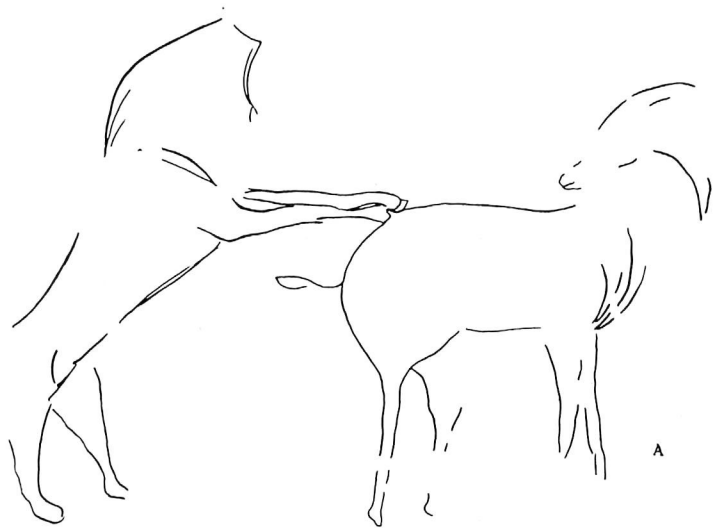

Рис. 3

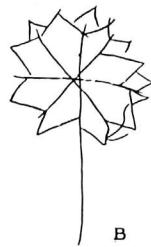
C-2 X₈ B-6 B-3 B-4 B-8

A

Б

В

Г

Д

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

А

Б

В

Рис. 8

A

Б

B

Рис. 9

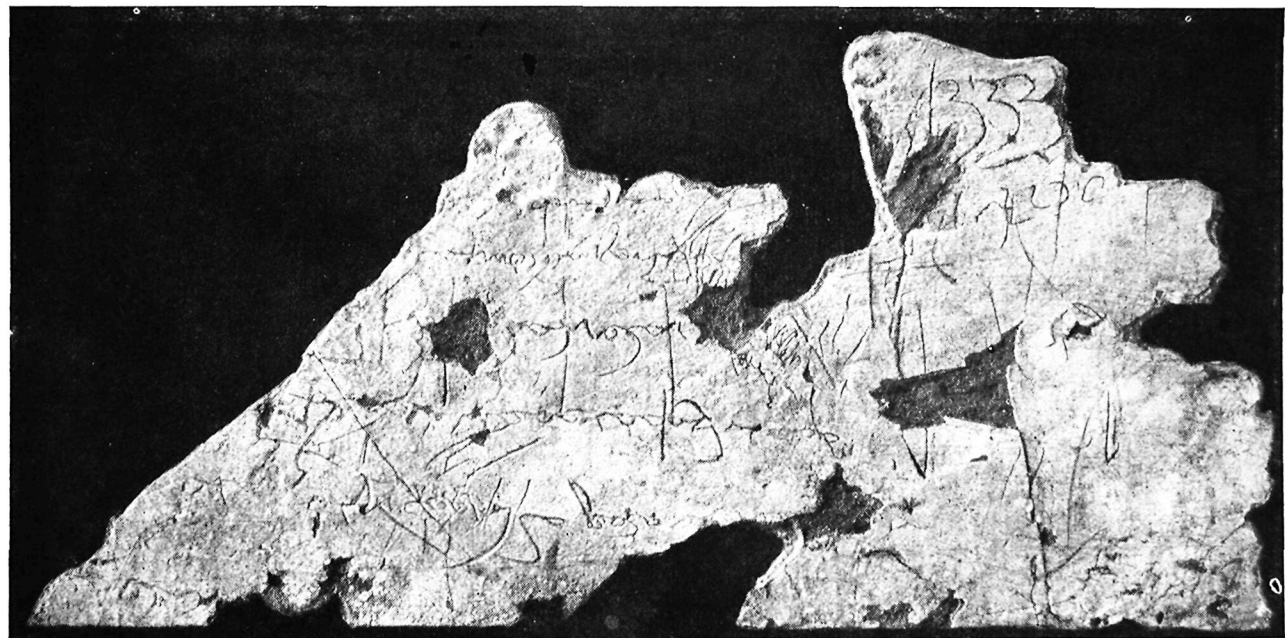

Рис. 10

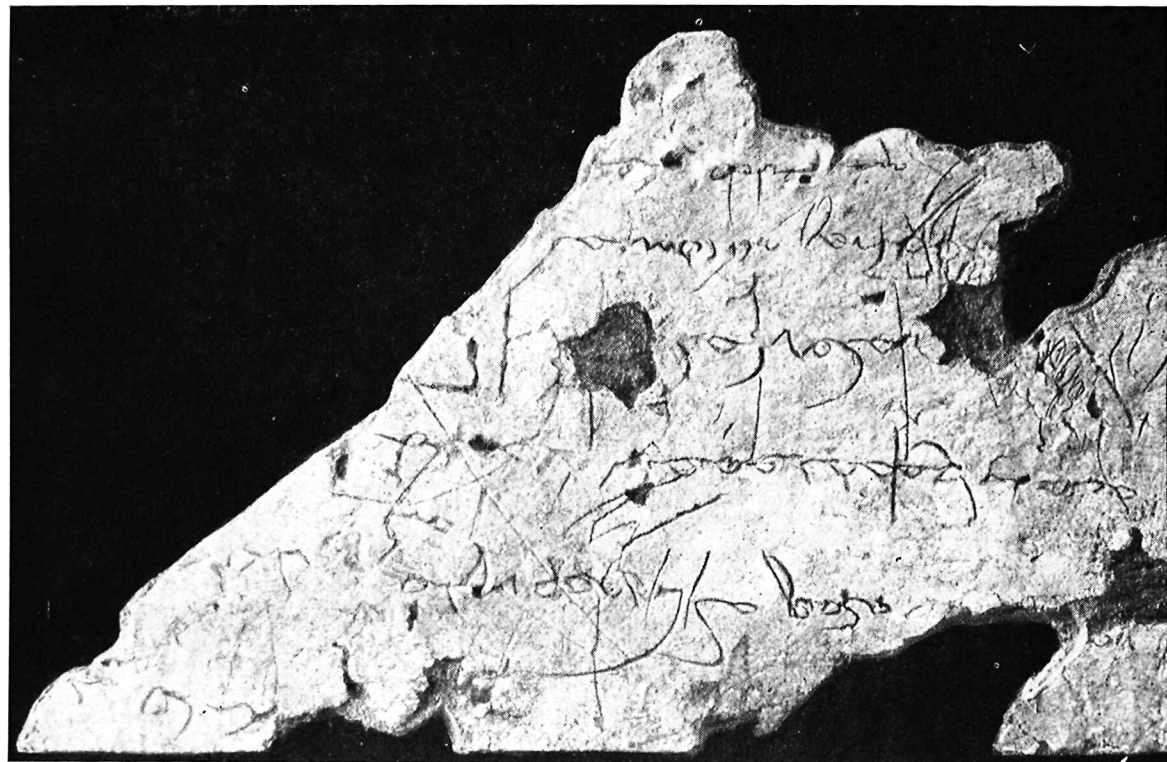

Рис. 11

Рис. 12

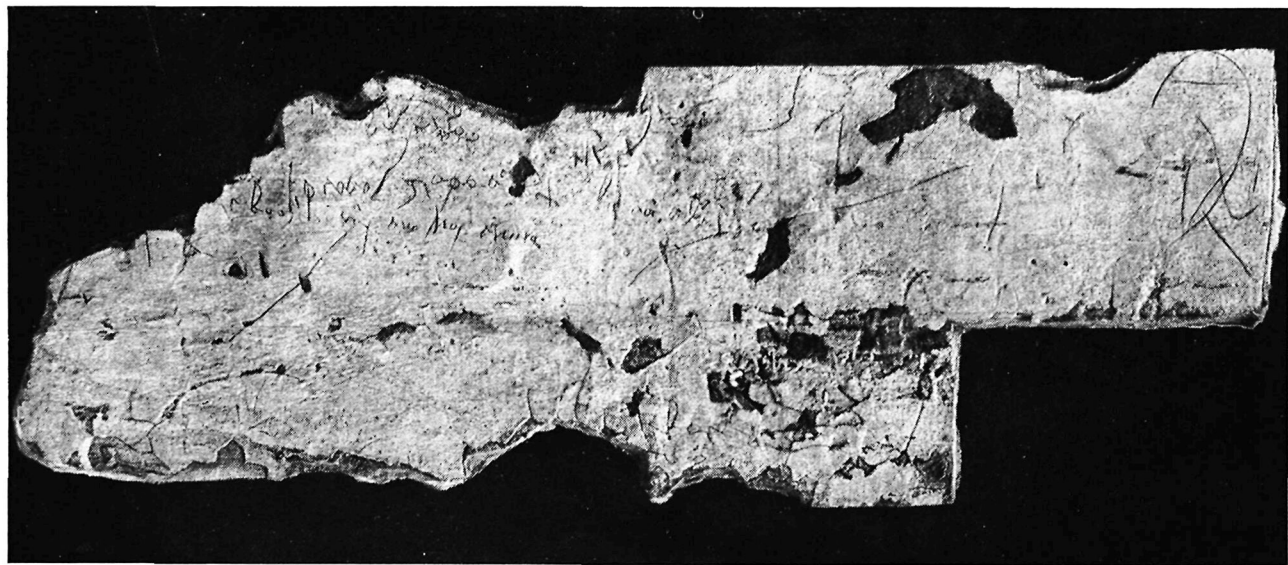

Рис. 13

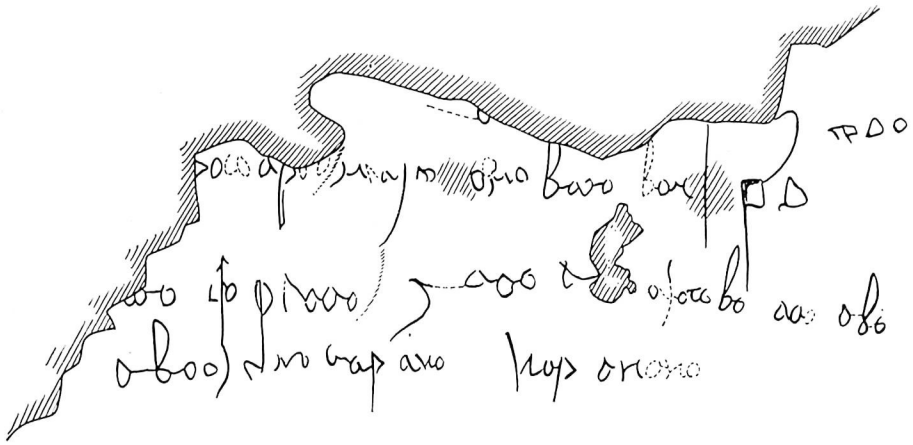

Рис. 14

Рис. 15

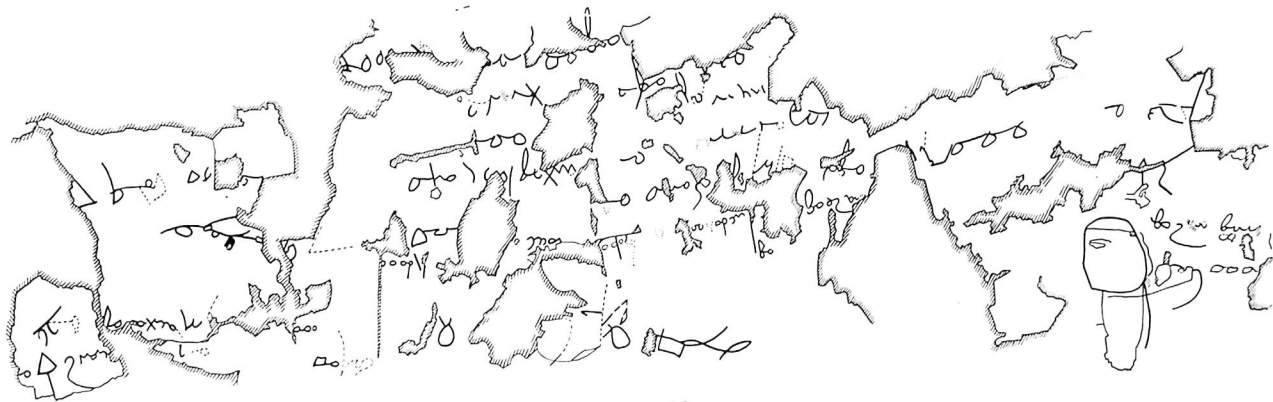

Рис. 16

Рис. 17

бародона

А

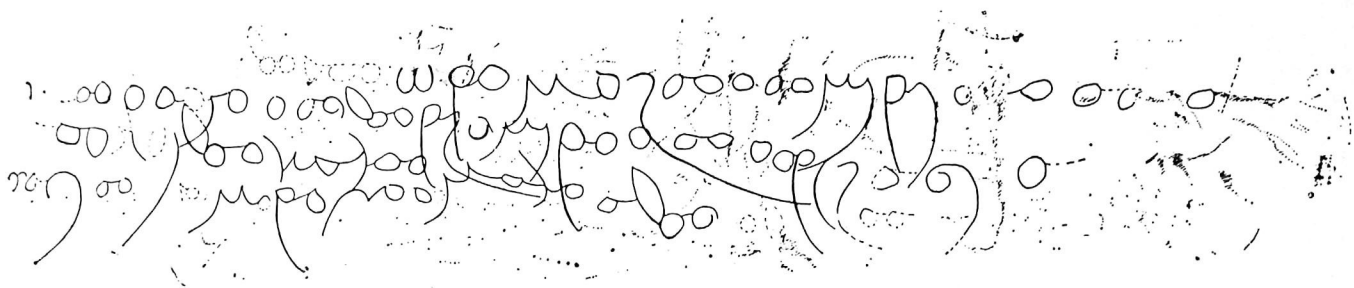
рррррррр

Б

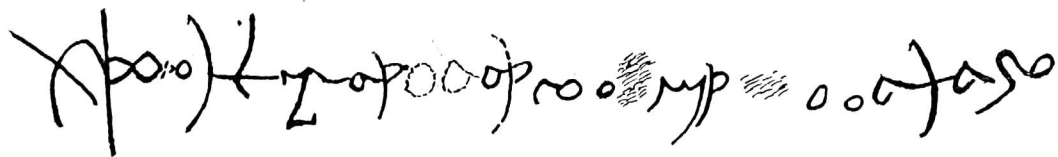
нооооооооо
рооооооооо
рооооооооо

В

Рис. 18

A

Б

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

	ГЕММЫ			КАРА-ТЕПЕ, КЕРАМИКА		КАРА-ТЕПЕ, НАДПИСИ-ГРАФФИТИ									
	Супр №13	Супр №14	Супр №15	надпись I	надпись II	Б-1	Б-2	Б-3	Б-4	Б-5, Б-9	Б-6	Б-7	Б-8	Б-10	Б-11
А	Δ	Δ	Δ	α α α		α α α α	α α α α	α α	α	α α α α α	α α α	α α α α α	α α α	α α	α α α α α α
В			В	β β	β	β β		β	β	β β β β	β	β β			β β β
Г		Г				γ	γ (1)	γ		γ γ		γ (1) γ (1) γ		γ (1) γ	γ γ γ γ (1) γ γ γ
Δ	Δ				ο ο	ο ο	ο			ο ο	ο (1) α (1)	α α			ο ο ο ο ο
Ε	Ε			ε											
Ζ				ζ		ζ ζ	ζ		ζ	ζ ζ ζ					ζ
Η	Η														
Θ															
Ι	Ι			ι		ι	ι (1) ι			ι ι (1)	ι	ι		ι	ι ι ι
Κ						κ	κ			κ		κ			κ κ

	ГЕММЫ			КАРА-ТЕПЕ, КЕРАМИКА		КАРА-ТЕПЕ, НАДПИСИ-ГРАФФИТИ									
	Супп А15	Супп А16	Супп А15	ПОДВУГО I	ЛЕДНИК II	Б-1	Б-2	Б-3	Б-4	Б-5, Б-9	Б-6	Б-7	Б-8	Б-10	Б-11
Λ			λ			λλ	††			†(†)†(†)		†(†)†(†)		†	†(†)
Μ						μμμμμ(†)μμμ				μ(†)μ		μ	μ	μ	μμμ
Ν			ν			ν(†)		κ	κ			κ(†)κκ	νν(†)	ν(†)	ν(†)
Ο	ο	ο	ο	οο	ο	οοοοο	οοοοο	οο	ο	οοοοο	ο	οοοοοο	οοο	οοοοο	οοοοοοοοοοοο
Π												λ(†)			
Ρ	ρ		ρ			ρρρρρ	ρ			ρρρρρ	ρρ	ρρρρρ	ρρ	ρρ	ρρρρρ(†)
Σ						ςς(†)	ς(†)			ς(†)	ς(†)	ς			ςς
Τ						τ	τ			ττ					ττ
Υ				υ						υ(†)υυ		υ(†)		υ	υυ
Φ	φ			φ											φφ
Χ	χ		χ	χ						χχχ				χ	
Ω						ω			ω						
Β		β									β	β		β	β

А

Б

В

Д

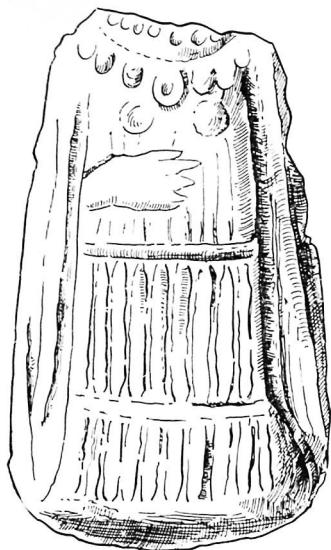

Г

Е

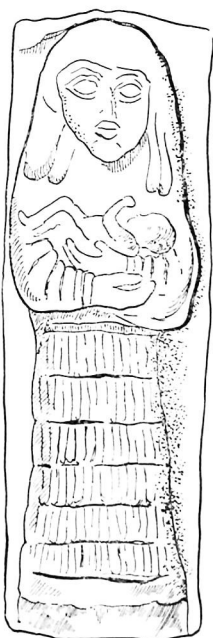
Рис. 23

A

Б

В

Рис. 24

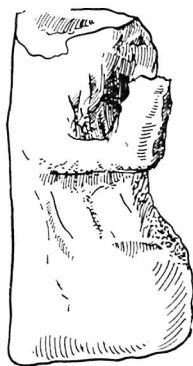
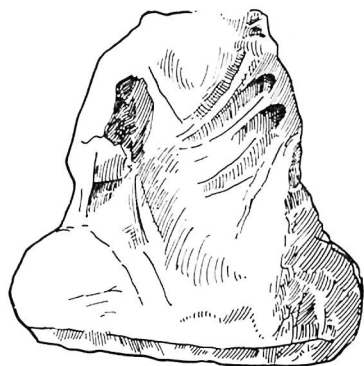
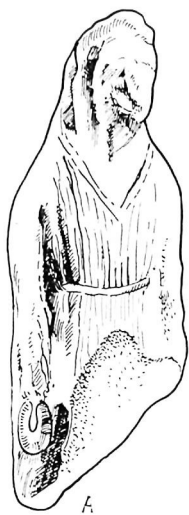

Рис. 25

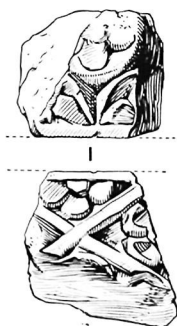
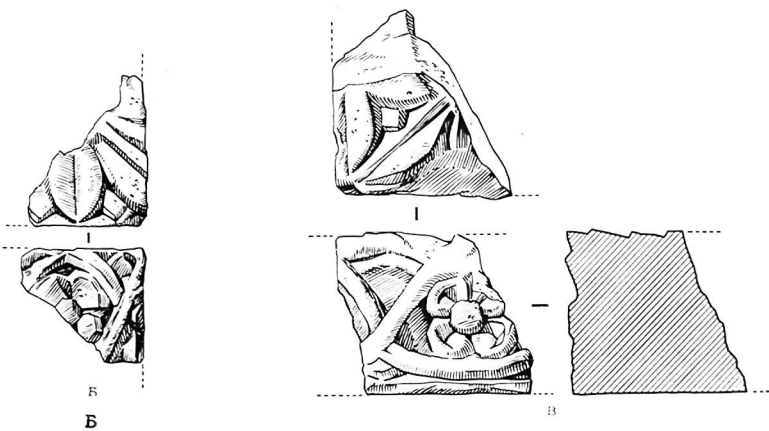
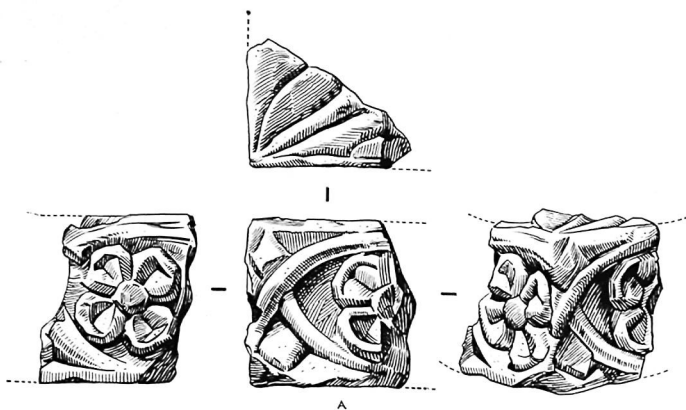
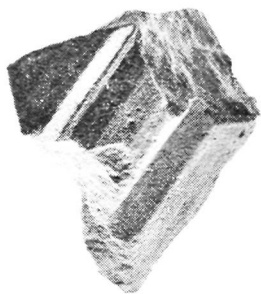
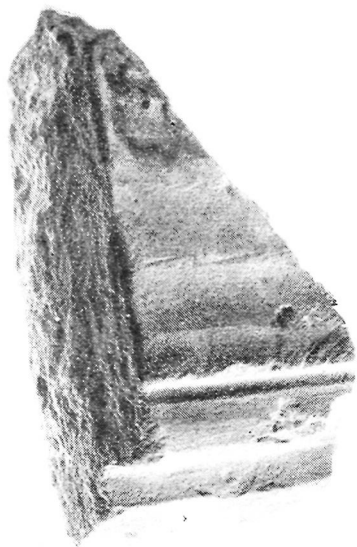
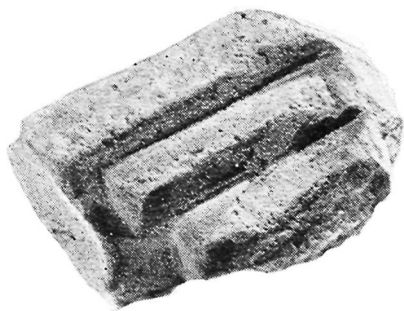
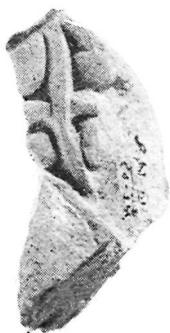

Рис. 26

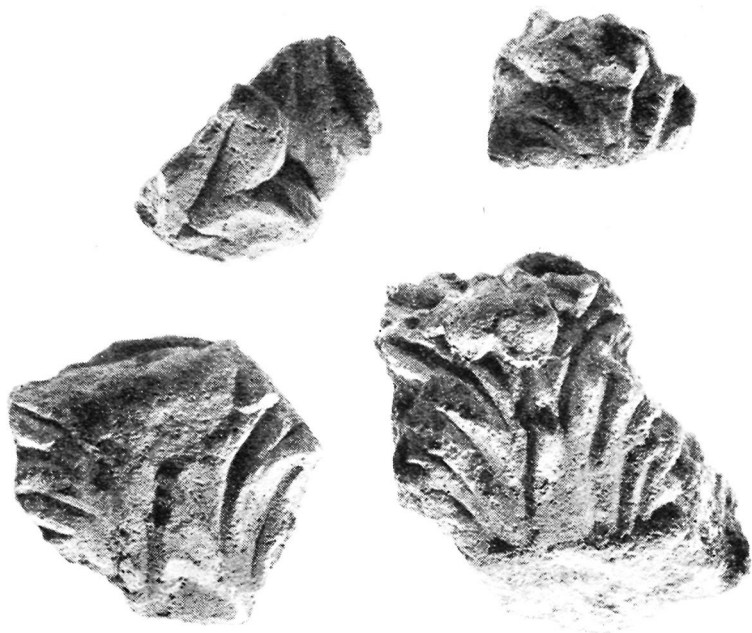

А

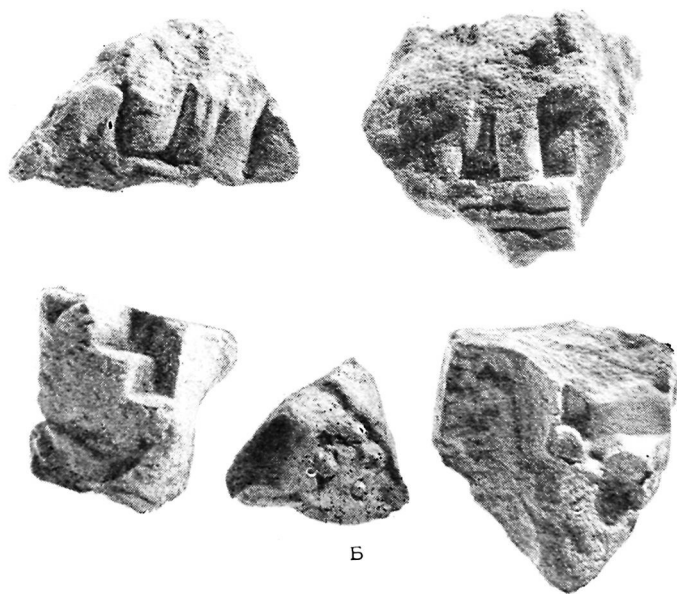

Б

Рис. 27

A

Б

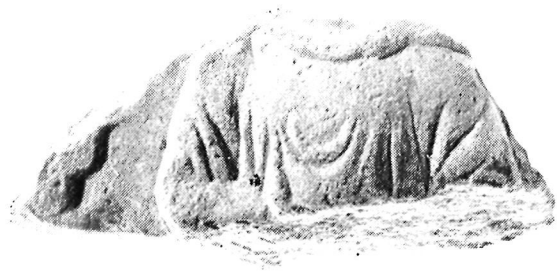
Рис. 28

А

Б

В

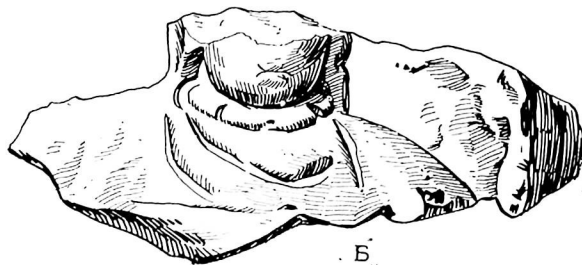

Г

Рис. 29

A

Б

В

Г

Рис. 30

А

Б

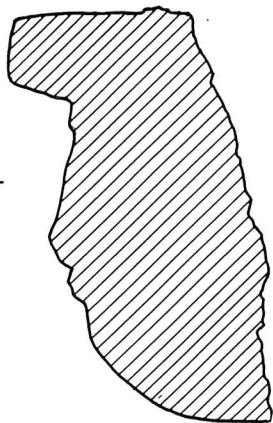
Рис. 31

А

Р

Б

Рис. 32

Рис. 33

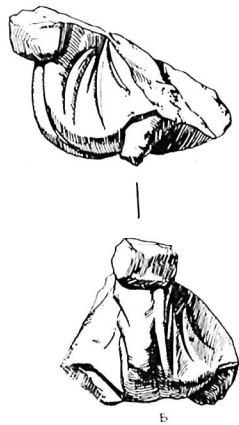
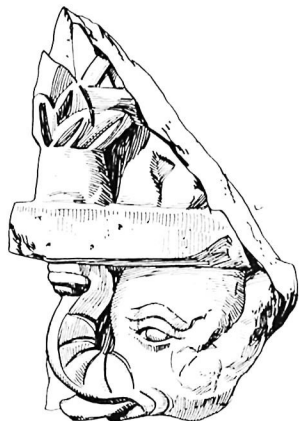
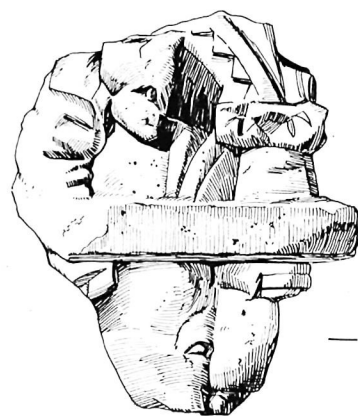

Рис. 34

А

Б

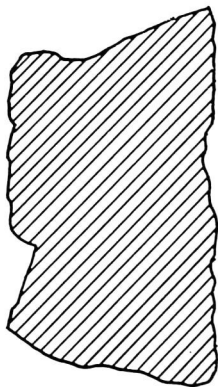
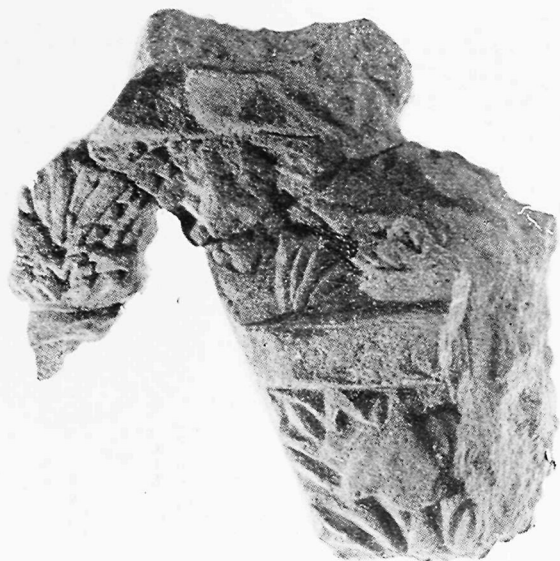
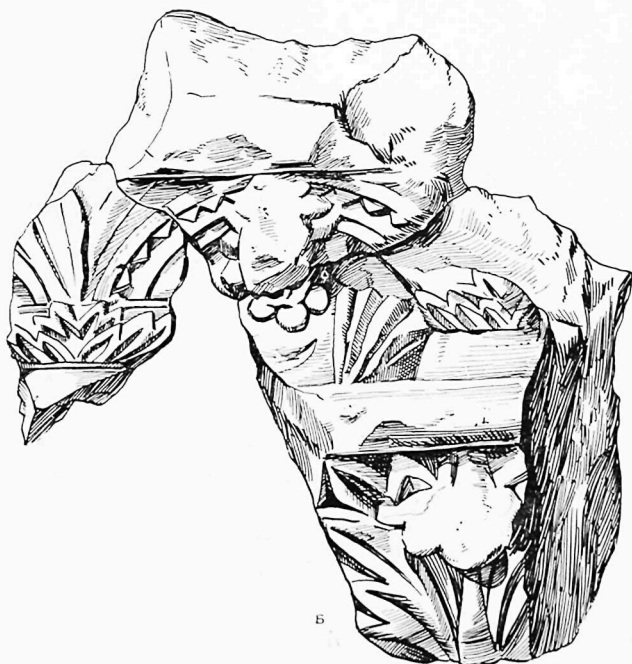

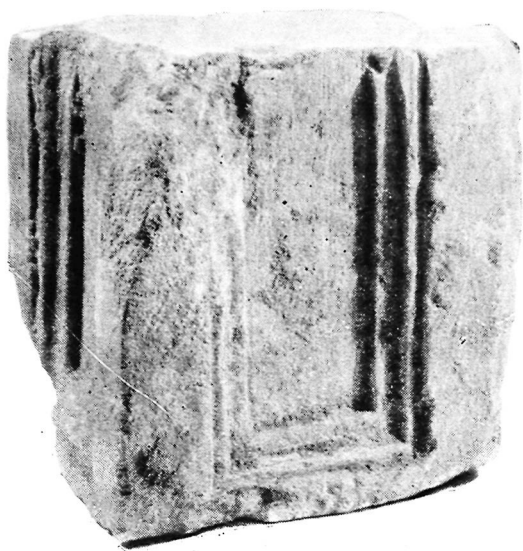
Рис. 35

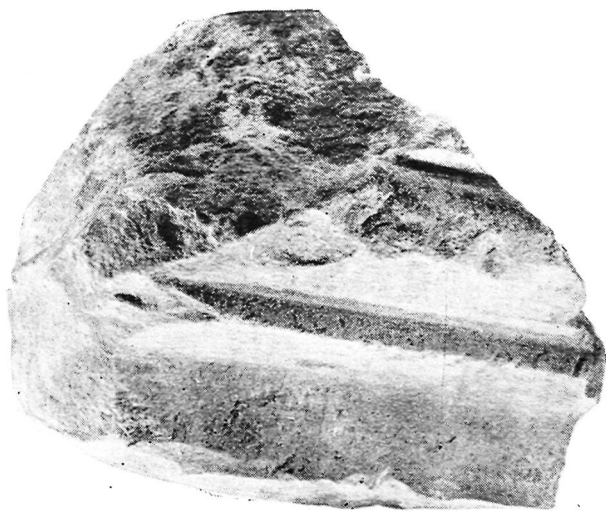
A

Б

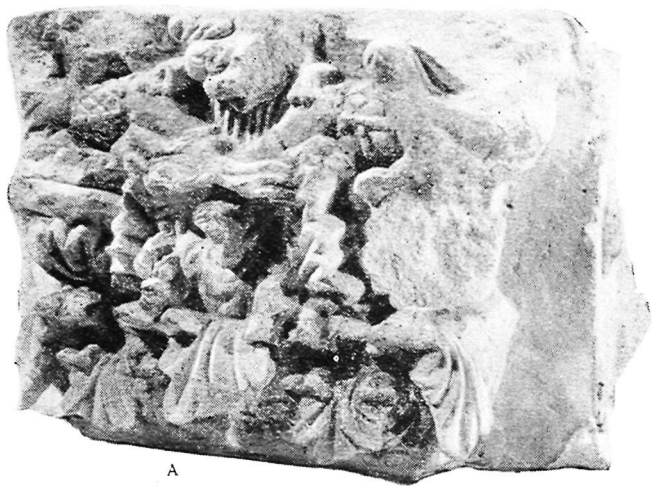

А

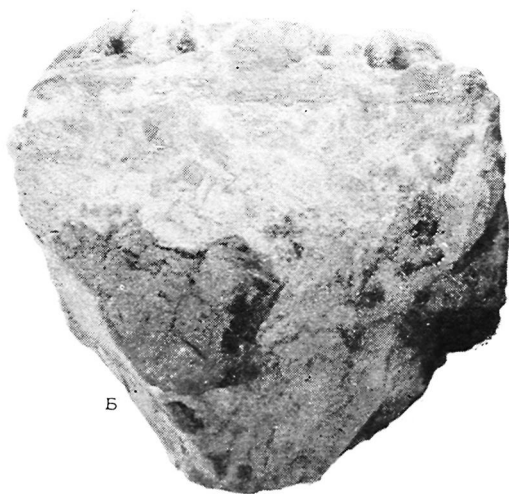

Б

Рис. 37

А

Б

Рис. 38

A.

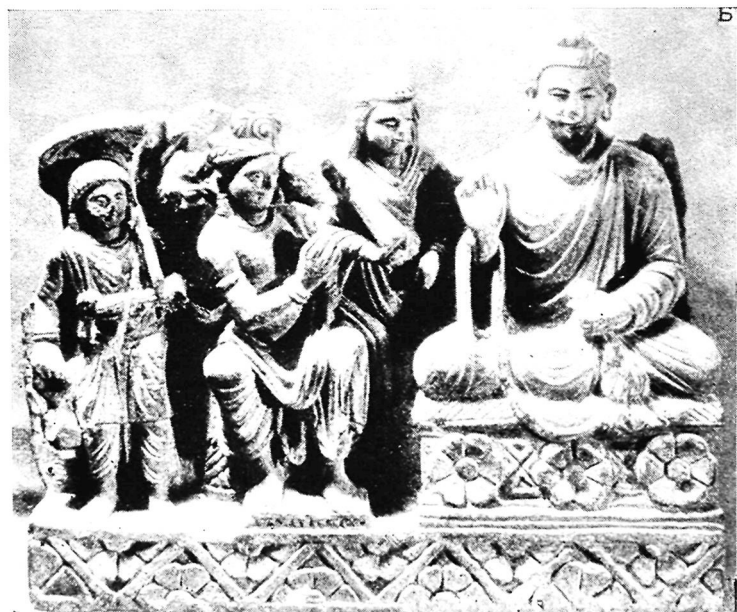
Б

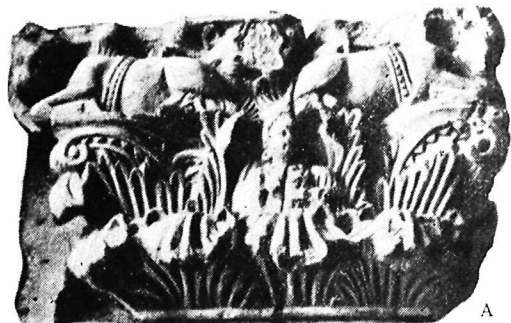

Рис. 40

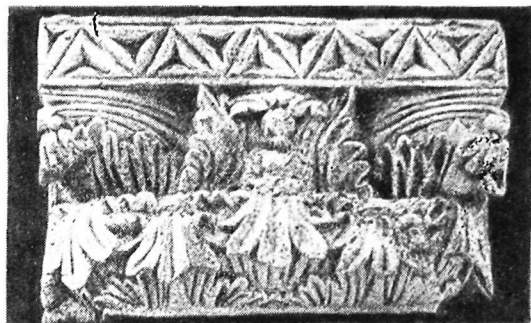

Рис. 41

А

Б

Б

Г

Рис. 43

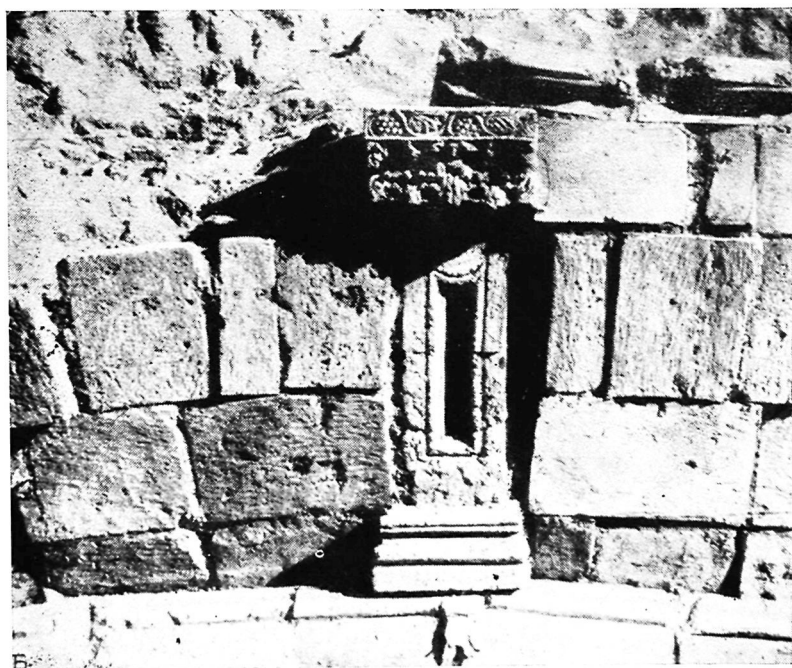

Рис. 44

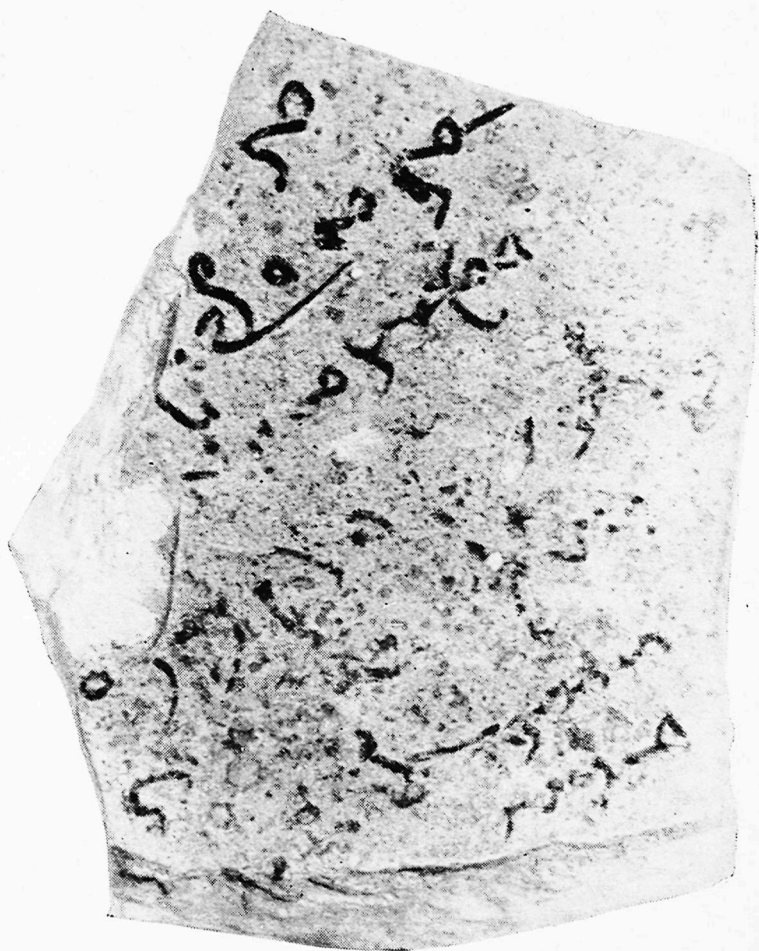

Рис. 45

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
42	1 сн.	Шапуре III	Шапуре II
56	24 св.	50-х годов	60-х годов
75	9 сн.	М'	М,
79	7 сн.	по — ;	по —

Цена 1 р. 09 к.

